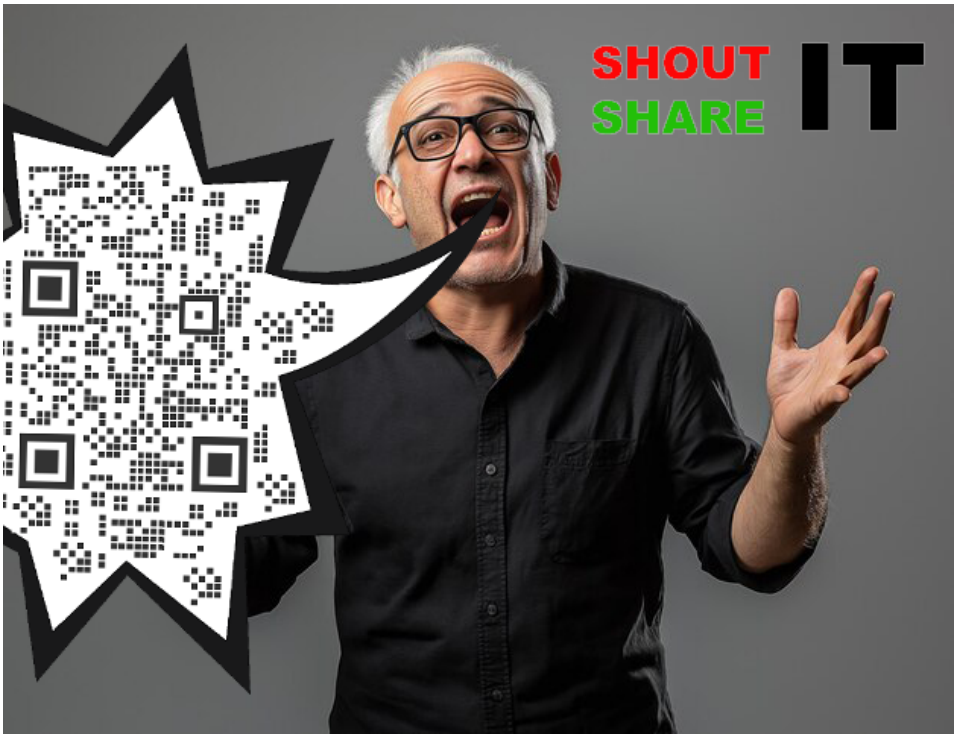
Алексадр Золотая Грива 2

Unknown


SHOUT
SHARE
IT

- Андрей Ильин. Александр Золотая Грива 2
  - ○

Андрей Ильин. Александр Золотая Грива 2

Крытая повозка, без герба и украшений, ничем не выделяющаяся из сотен других на улицах Константинополя, неторопливо катится в сторону городской пристани. Внутри душно, жарко. Александр обливается потом. Наконец, не выдержав пытки, приоткрывает окна, что бы получить сквозняк. Тёплый воздух слабо дует на лицо, слегка подсушивая кожу. Облегчения не наступило. Старался сидеть насколько возможно прямо, что бы не касаться потной спиной задней стенки, но неровностей на столичной мостовой хватает с избытком. Повозку то и дело встряхивало, мокрая спина соприкасается с омерзительно мягкими подушечками сиденья и тогда одежда противно липнет к коже. Он ёжится, стараясь отодвинуть ткань; не получалось, тогда начал нелепо хвататься пальцами за одежду, оттягивать нежное полотно от тела. Со стороны выглядело, будто маленьких зелёных чёртиков ловит...

Раздаётся громкий смачный звук, как будто мясник тупым топором ударил свиную тушу. Повозка дрогнула, что-то тяжёлое, как человеческое тело, падает на землю. С обеих сторон в двери ударили тяжёлым, белые шёлковые шторы затрещали, посыпались куски хрусталя из разбитых вдребезги окон. Здоровенные волосатые ручищи просунулись в дыры на месте окон, пальцы торопливо зашарили по обшивке в поисках защёлки. Не раздумывая ни секунды, Александр со всей силой бьёт ногой вправо. Дверь вырывает «с мясом», в ослепительном солнечном свете мелькают исчезающие ноги. Короткий вопль обрывается ударом о камни мостовой. Александр прыгает в образовавшийся проём, на лёту доставая меч. Бросился, как в воду, перекувыркнулся через голову, панцирь коротко скрежетнул о камни. Не глядя, рубанул вкруговую. Лезвие дважды дёрнуло, коротко звякнуло железо, два вскрика вспыхнули и погасли. После сумрака кареты солнце ослепляет. Быстро оглядывается из-под опущенных век. Вокруг стоят люди, мечи обнажены, лиц не видно. Возница валяется с разрубленной грудью под колёсами. Из-за повозки торопливо бегут ещё вооружённые люди. Раздумывать, кто да что, некогда и просто глупо. Так же, как кричать - за что? что я вам сделал?

... в следующее мгновение меч замелькал в воздухе со скоростью лопасти ветряной мельницы в ураган. Звуки ударов,

крики перемешиваются со скрежетом разрубаемого металла, нежным плеском льющейся ручьями крови и затихающими хрипами умирающих. Жаркий стоячий воздух заполняет омерзительный запах свежей крови. Проклятое южное солнце слепящим потоком вливалось в глаза, он видит не людей вокруг, а расплывающиеся силуэты. Сильно бьёт с размаху, меч застревает. Врубился едва не до половины в его собственную повозку. Тянет на себя, меч с трудом поддаётся. Лезвие почти освободилось - юркая, как мышь, тёмная фигура внезапно появляется с боку, следует короткий взмах рукой. Александр решил, что бросили нож в незащищённую шею, в панике рвёт меч. Почти перерубленная повозка отпускает лезвие, меч становится на пути чего-то тёмного, летящего прямо в лицо ... острое, как бритва, лезвие рассекает тряпку, половинка задевает лицо. Глаза опалило огнём. Едкая, маслянистая жидкость попадает в нос и рот. Лёгкие наполняются тяжёлой, удушливой вонью. Тело слабеет, в ушах тоненько звенят колокольчики. Мир вокруг исчезает.

Когда всполошённый секретарь, заикаясь от волнения, доложил о нападении, об изрубленной на дрова карете, убитом вознице, лужах крови и исчезновение Александра, сенатор и глазом не повёл. Долгие годы службы при дворе научили его принимать любое известие, даже самоё невероятное, с каменным равнодушием. Что в этот момент творится в душе, никто не видит. Марцеллий спокойно выслушал сбивчивый рассказ, ленивым движением холёной руки разрешил секретарю замолчать и выйти. Недовольно дёрнул седой головой, давая понять, что очень занят работой с важными государственными документами. Секретарь исчезает. Если бы кто нибудь сейчас вздумал подглядывать за сенатором, то увидел, что государственный деятель погружён в размышления о судьбах империи, ничего не замечая вокруг, кроме документов - важных и обязательно секретных! На самом деле сенатор думал о том, зачем императору понадобилось избавляться от опального генерала таким образом? Мало ли людей в империи лишались службы, больших должностей и потом долгие годы проводили в деревенском поместье в полном одиночестве. Этот русич вовсе не был каким-то великим полководцем или героем из числа тех, что захватывают трон и основывают правящую династию. В империи есть люди куда более выдающиеся и потому представляющие реальную опасность для Василия. Да и зачем вообще такая таинственность, куда проще арестовать и бросить в дворцовую тюрьму, никто слова не посмеет сказать. Непонятно!

Сенатор устало опустил руки на подлокотники, голова

откинулась к спинке кресла. Затылок приятно охладила золотая пластинка с сенаторской монограммой. Достал шёлковый платок, провёл по сухому лбу. Или император знает об этом человеке нечто большее, чём он, сенатор Марцеллий? Но что? Всех недовольных властью - таковые есть всегда! - сенатор знал в лицо и по именам. Знал их и Василий, знал и ничего не предпринимал - пусть играются в борцов за свободу и справедливость, ради Бога! Это всего лишь мелкие завистники и только.

Марцеллий скомкал нежный шёлк, отшвырнул. Тонкая материя, почти невесомая, немедленно расправилась, невесомый комок опускается на отполированный до зеркального блеска мраморный пол. Да этот русич и в дворце-то почти не бывал! - раздражённо подумал он. Какие такие интриги может плести человек, находящийся за сотни вёрст от столицы, у которого ни денег, ни связей? Заговор в армии? Да их по сотне в год раскрывают. Соберётся десяток сопляков из числа "золотой молодёжи", что отбывают обязательные несколько месяцев на службе и рассказывают друг другу сплетни об императоре и его ближних. Таких "заговорщиков" разгоняют по дальним гарнизонам, а особо болтливых разжалуют в простые стражники и всё дела. Сейчас военным хорошо и вовремя платят, на всех фронтах победы. Нет, ни о каком заговоре не может быть и речи. Но что тогда, что!? Или, может быть, что-то связано с сестрой императора, её величеством Анной? Да нет, чушь полная, они даже не разговаривали ни разу друг с другом. Марцеллию вдруг так захотелось немедленно поехать во дворец, что едва не вскочил со стула. Приехать и спросить у Василия, за что же он так расправился с этим русичем, да ещё так загадочно и таинственно? Решительно встал, взял золотой колокольчик, энергично встряхнул. Немедленно появился секретарь.

- Быстро, - Марцеллий сжал длинные пальцы в кулак так, что ногти больно впились в кожу, - ... э-э ... принесите холодного чаю ... с этим, как его, с лимоном!

Секретарь исчез. Сенатор снова опустился на стул. Усмехнувшись, покачал головой, одним движением руки смахнул со стола бумаги. Важные документы с обиженным шуршанием взлетели невысоко и рухнули на полированный пол.

Сознание возвращается медленно. Словно выныриваешь из долгого сна. Вначале появляется слух, потом ощущение тела, ты можешь пошевелить пальцами рук и ног. Потом чувствуешь, как всё затекло от долгого неподвижного лежания, начинаешь ворочаться. Наконец, открываешь глаза ...

Александр видит высокий потолок, грубые мазки белой глины. На бугристой плоскости дёргаются световые полосы и

пятна. Это солнце отражается от воды. Скошенный взгляд обнаруживает неровный ряд маленьких квадратных отверстий. Донёсся едва слышный плеск. Напряг и распустил мышцы, рывком сёл. С удивлением обнаруживает, что нет пут, но на руках остались следы верёвок. Будто некто сначала связал, а потом, одумавшись, развязал. Из одежды только штаны, обуви тоже нет. Вздохнул, прошёлся по комнате, помахал руками, разминая затёкшее тело. Слабость быстро тает, словно уходящее похмелье. Огляделся. Комната совершенно пуста, если не считать вороха свежей соломы на полу. Выход замурован толстой деревянной дверью, плотно прилегающей к каменной стене. Из-за двери не слыхать ни звука. Свет, проникающий в помещение из отверстий сверху, незаметно тускнеет. " Темнеет, что ли?" - удивился Александр. Садится на охапку соломы, незаметно для себя заснул.

Рано утром будит лёгкий скрип. Открывает глаза. Дверь распахивается, раздаётся стук удара в стену. Мгновение дверной проём остаётся тёмным и мрачным. В черноте вырисовывается женская фигура, закутанная с ног до головы в покрывало. Александр видит, что женщина невысока, изящна и, судя по лёгкости походки, молода. Ожидал прихода какого нибудь мордоворота стражника, разбойника, равдуха из числа тех, что охраняют тайную императорскую тюрьму, наконец, сенатора - он знал коварные обычаи ромеев, но женщину никак не думал встретить! От удивления даже не встал. Глупо восседая на ворохе соломы с поджатыми под себя ногами, словно восточный халиф на ковре, молча смотрел. Следом за таинственной незнакомкой входит ещё одна! Вся в тёмном, лица не видно. Маленькие ладошки крепко сжимают спинку небольшого стульчика. Вторая женщина ставит стул и, когда первая незнакомка аккуратно уселась, выхватывает из складок одежды узкую кривую саблю! Сабля настоящая, большая, выглядит в руке женщины как-то нелепо. Вообще всё происходящее было настолько глупо и комично, что Александр фыркнул, как конь тяжеловес. Обе незнакомки, словно по команде, распахнули накидки. У Александра от изумления отвисла челюсть. Перёд ним на стульчике, закинув ногу на ногу, сидит Зина! Та самая Зина, что пыталась понравиться ему на балу, но сын сенатора Марцеллия, Марк, рассказал о ней такое, что у него до сих пор мороз по коже пробегает, как вспомнит.

Теперь Зина перекрасила волосы в светло-золотистый цвет, пышные локоны заплетены. Коса обёрнута вокруг головы на манер венка, на лоб спадает коротенькая чёлка. Маленькое продолговатое личико покрыто лёгким загаром, кожа нежна, как

у ребёнка – ну, просто ангел божий! Только вот раскосые чёрные глаза немного выпучены, словно от тщательно скрываемого бешенства. Женщина с нелепой саблей оказалась сморщенной старухой. Безгубый маленький рот сжат, тёмные глаза не мигая, как змеиные, смотрят в лицо.

- Зинка!? - опомнившись, спросил Александр, - а ты чего здесь?

- Она тебе не Зинка! - злобно шипит старуха. Сабля слегка дрогнула, словно от нетерпения снести башку наглецу.

- Тише, мама, - сказала Зина, останавливая старуху взмахом руки.

- Тут ещё и мама? - изумился Александр, - а где задерживается папа?

Зина несколько секунд пристально смотрела на него, не мигая, как и мать. Взгляды обеих женщин, откровенно злобные, не обещали ничего хорошего.

- Сейчас я кое-что расскажу тебе, ты сразу перестанешь шутить, - произносит Зина нежным голосом, похожим на звон хрустального бокала, полного яда, когда по нему тихонько постукивают чём нибудь твёрдым. Например, кинжалом ...

" И бывают же чудеса на свете"! - так или примерно так думали портовые шлюхи, глядя, как на грязном тюфяке, набитом соломой и вшами, в муках рожает их подруга, сорокалетняя Клеопатра. Даже тридцать, по меркам ремёсла, критический возраст, а когда пятый десяток - древняя бабка. Старая Клипа, как ласково звали между собой Клеопатру шлюхи, уже давно ни кого не обслуживала. В её обязанности входил контроль за сбором денег, за дисциплиной и порядком в портовом борделе. Трудилась "мамкой". Работала хорошо, нынешний хозяин, владелец самого большого постоялого двора в порту, был доволен и не выгонял на улицу старую проститутку. Бывало всякое. Иногда в порт прибывало очень много кораблей, матросня и солдаты забивали всё свободные места, женщины трудились без отдыха и сна, стремясь заработать побольше. Упившиеся до безумия матросы хватали всех подряд, сорили золотом и серебром. В такие дни доставалось всём и работы и денег.

Однажды досталось и старой Клипе. Пьяные солдаты, которым разрешили погулять перёд отправкой в Африку, едва не разнесли постоялый двор и бордель при нём. Клипу утащили в подвал, откуда он вылезла на четвереньках только к обеду. Тот день запомнился всём. И хозяин, и женщины с тихим ужасом вспоминали, крестились. А потом, когда кошмар потихоньку забывался, вдруг обнаружилось, что старая Клипа - за сорок, совсем древняя! - беременна! Потрясающая новость облетела весь

порт. Клипа родила девочку, крепкую, здоровенькую. Назвали Зиной, в честь императрицы, которая когда-то правила Восточной империей. До тринадцати лёт Зина жила с матерью в борделе, в окружении заботливых проституток. Когда ей пошёл четырнадцатый, девочка расцвела. Она была меньше среднего роста, очень тонкой в талии, обладала почти идеально круглыми бёдрами и изумительно красиво и большой грудью. Как ни старалась Клипа прятать девочку, в портовом борделе это сделать трудно. Её заметили. Но девочка была волевой и чрезвычайно разумной - она наотрез отказалась от матросни. Тайком от матери пробралась в комнату хозяина поздно вечером. Со следующего дня юную красавицу постоянно сопровождали два здоровенных молодца с топорами. Оба состояли в шайке разбойников, что держали в страхе весь порт.

Отныне Зина обслуживала только очень состоятельных клиентов, не забывая, впрочем, своего благодетеля. А потом хозяин борделя внезапно умер. После скоропостижной кончины девочка обнаружила бумаги, в которых она объявлялась наследницей всего. Кто-то пытался протестовать, но когда недовольных нашли порубанных на куски, протесты как обрезало. Здоровенные молодцы охранники только весело ухмылялись. Потом были ещё браки и ещё, пока очаровательная Зина не стала владелицей едва ли не всех Константинопольских борделей и постоялых дворов. На неё работали сотни бандитов и контрабандистов. Многие и не подозревали, что на самом деле ими управляет шестнадцатилетняя девчонка. Последний брак с престарелым любителем молоденьких девушек оказался противным даже с точки зрения неразборчивой Зины, но зато самым выгодным. Молодая вдова унаследовала не только деньги и недвижимость в столице, но и титул аристократки. Отныне знатной красавице по имени Зина - как у императрицы! - не хватало только настоящего мужа – знатного, молодого и богатого. После недолгого совещания с мамой, а мама Зины, старая проститутка Клипа, всегда была рядом с единственной дочерью, помогала ей советами и, по совместительству, охраняла, выбор пал на единственного сына могущественного и богатейшего вельможи империи по имени Марк. Обе женщины были настолько уверены в успехе задуманного, что презрительный отказ Марка буквально обескуражил. Они тогда ещё не знали, что Марк унаследовал лучшие качества отца - ум, рассудительность и волю. Выросший в среде столичной знати, он прекрасно знал цену и себе и окружающим. Каждая из претенденток на сердце проходила тщательную проверку - здорова ли, чём болела в детстве, чём болели родственники, какая наследственность,

прочно ли материальное положение и так далее... Дочь проститутки отвергли сразу, грубо и презрительно, как простолюдинку, вздумавшую всунуть кирзовое немытое рыло в благородное семейство.

- Ты не представляешь, ублюдок, как мне было трудно выжидать подходящего момента! - прерывающимся от ненависти хриплым голосом бормотала Зина. - Я ведь не просто хотела примитивного убийства, не-ет! Я хотела мести! И вот нужное событие происходит - Марка отправляют в Северную Африку, в армию. Сколько сил я потратила на то, что бы разыскать викингов и уговорить их убить Марка, а сколько золота отдала? Да ты и тысячной доли той горы золота не видал за всю свою свинячью жизнь! Но тупорылые скандинавы струсили. Они ждали, пока всё не сделают арабы и только в конце боя вмешались, что бы добить раненого Марка. И тут ничего не вышло!!! - завизжала разозлённая воспоминаниями Зина. - Он удрал!

Мамаша торопливо плеснула какой-то жидкости в хрустальный стакан, подала. Коралловый ротик приоткрылся, белоснежные зубки сжались на хрустале, как на горле лютого врага - Зина трудно отпила глоток, успокоилась. Мать нежно вырвала из скрюченных пальчиков стакан, пронзительно чёрные глазки злобно уставились на Александра. Он осторожно потянул носом воздух, почувствовал знакомый запах отвара сон-травы. Здесь это зелье называется каким-то мудрёным латинским словом, не запомнишь. Зина несколько секунд сидит молча, пальцы нервно мнут складки платья. Чёрные глаза почти выкатились из орбит, ещё сильнее скосились. " Да она сумасшедшая! - подумал Александр, - припадочная психованная, а то и вовсе бесноватая!" Ему вдруг показалось, что вокруг головы Зины обёрнута не коса, а жёлтая песчаная змея, хвост и тело снаружи, голова внутри, пожирает мозг.

- ... я почти было успокоилась, когда узнала, что Марк пропал в пустыне, - снова послышался голос Зины, - но тут появился ты. Не то благородный дурак, не то искатель приключений и сокровищ. Ты не просто вернул моего злейшего врага... Ты вернул его к славе и богатству вместе с любимой красавицей женой. Ты возродил этот проклятый род! Тебе нет прощения!!!

Александр слушал заторможённое бормотание Зины и ему вдруг захотелось … пошутить! Медленно склонил голову на грудь, словно засыпая и, улучив момент, когда в голосе Зины зазвучали горестные нотки, громко, с всхлипыванием и присвистом, всхрапнул! В каменном мешке камеры звук получился такой, словно кабан размером с гору хрюкнул.

- Ах! - как ни в чём ни бывало произнёс Александр, широко

раскрывая синие глаза, - я, кажется, вздремнул? Извиняюся!

От такой наглости Зина обмерла. Страшно белеет лицо, чёрные глаза на белом кажутся дырами в преисподнюю. Медленно, словно оживающий труп, встает. Скрюченные пальцы вырывают саблю из рук матери. Александр насмешливо приподнимает бровь.

- Напрасно шутишь, - замороженно растягивая слова, прошептала Зина, - лезвие намазано ядом. Одно прикосновение - и всё. А ты почти голый, не заметил?

Александр насторожился. Только сейчас обратил внимание, что лезвие вымазано чём-то жёлто-зелёным. А он действительно почти голый, если не считать коротких, чуть ниже колен, штанов.

- Ни один яд не действует сразу, - неуверенно ответил он, - я многое успею до смерти...

- Не успе-ешь ... хе-хе ... - гнусно захихикала Зина, - этот яд не убивает, а парализует. Мгновенно. Ты будешь валяться на полу, не в силах даже моргнуть, но всё видеть и чувствовать. Тебя будут живьём жрать крысы, ты будешь чуять боль, когда они станут выгрызать твою плоть и ты не сможешь сделать ни-че-го!

Зина замахивается … Из тени за спиной выступает мать. Мягко, но решительно удерживает руку дочери.

- Подожди-ка, Зиночка, мы решали по-другому!

Дочь, словно бешеная волчица, поворачивается, мгновение смотрит в чёрные глаза. Обмякла, опустила руку.

- Вот хорошо, доченька, вот хорошо ... - торопливо бормотала мать, отбирая саблю, - сядь, успокойся...

Зина опускается на стул, словно тряпичная кукла, руки вытягиваются вдоль тела. Секунду молча смотрит перёд собой отсутствующим взглядом, глубоко вздыхает, взгляд поднимается.

- Слушай меня внимательно, русская свинья, - громко и чётко говорит Зина, - твоя паршивая жизнь очень дорого мне обошлась. Ты заплатишь за всё, понял?

- И чём же? - хмуро поинтересовался Александр.

- Ты ... ха-ха ... нищий! Прости, забыла, - издевательски усмехнулась Зина, - при тебе было немного золота, этот болван Марцеллий дал на дорожку, но оно не покрыло даже расходов на наёмных асассинов, которые должны были доставить тебя сюда. Спасибо мамочке, - мельком взглянула на мать, - что помогла. Пока ты махал мечом, она просто ляпнула мокрой тряпкой по твоей морде и всё! С копыт долой.

- Чём тряпку намочили? - спросил он.

- Не твоё дело... а-а, ты и в этом разбираешься? Учту.

Александр отвернулся. Досадливо поморщился - и чего умничал?

- Я давно говорила, - вмешалась в разговор мать, - ссансины энти - дерьмо собачье. Только хвастаются. Этот битюг их в куски изрубил вместе с ихними дамасскими саблями и александрийскими кольчугами за полсекунды. Только успела платок снадобьем намочить, смотрю - он уже на последнего замахнулся! Хорошо, тот шибздик вёртким оказался, этот бык промахнулся, да мечом в карету угодил. Меч-то и застрял! - захохотала мать, - вот тогда я и подобралась...

- Да, мама, спасибо, - без улыбки прервала её рассказ Зина, - так вот, бычок северный, платить будешь так. В нашем славном городе очень распространён древний римский обычай устраивать бои в цирке. Бой идёт без правил и продолжается столько, пока на арене не останется один - победитель! Ты будешь драться на арене за деньги, понял?

- Бои гладиаторов - забава для безбожных язычников, - усмехнулся Александр, - и как власти христианской столицы на это безобразие смотрят?

- Как на проституцию и контрабанду - сквозь пальцы, - спокойно ответила Зина. - Надо не жадничать, отстёгивать кому следует и всё будет в порядке.

- А если я откажусь, то твоя мамаша ткнёт меня отравленной саблей. Потом впустите сюда стаю голодных крыс и будете наблюдать, как они жрут меня?

- Нет, всё проще, - усмехнулась Зина, - тебя просто выкинут на арену. Ты ведь не будешь спокойно наблюдать, как тебя станут убивать, схватишься за меч. Именно это и нужно.

Александр вздохнул, отвернулся. Зина поднялась со стула, мать угодливо отставила в сторонку.

- Соглашайся, бычок. И среди гладиаторов бывают везунчики. Они пробиваются наверх, к славе, деньгам... Я ведь не столько хочу убить тебя, сколько просто вернуть затраченное. Марк и так от меня не уйдёт.

Зина вышла из камеры, тяжёлая дверь захлопнулась. Александр продолжает сидеть на охапке соломы, глядя в угол. Выбора у него, похоже, нет.

Когда блики на потолке исчезли, дверь открылась и в камеру вошёл здоровенный, абсолютно лысый мужик. Держит толстую деревянную дубинку, вроде тех, что носят портовые стражники, только вдвое толще. Вслед за ним входят ещё трое таких же здоровых. У одного в руках верёвочная сеть. Лысый вопросительно посмотрел на Александра. Тот пожал плечами, кивнул.

- Тогда выходи, - мотнул лысой головой мужик.

Александра провели через просторный двор, затем по

прохладному коридору внутрь большого дома. Остановили возле неприметной двери. Тот, что с дубинкой, ткнул кулаком, створка распахнулась и в лицо Александру ударил странный запах благовоний и лекарств. От удивления замирает на пороге. Перёд ним стоит женщина. Ярко накрашенная, с громадными золотыми кольцами в ушах, на пальцах сразу по несколько перстней, шея в бусах, как шарфом обмотана. Украшений столько, что ему показалось, будто она вся в бусах и золотых висюльках с ног до головы. Женщина подняла дугообразную чёрную бровь, тряхнула копной густых рыжих волос. Молча показала кроваво-красным ногтем в направлении странного вида стула перёд зеркалом. Охранники подтолкнули Александра.

- Э-э! - упёрся он, - это что за дела? Чего тут будет?

- Не брыкайся, - махнул рукой лысый, - хозяйка приказала привести твою рожу в божеский вид.

Александра усадили в кресло. Подошла парикмахерша, двумя пальчиками брезгливо потрогала волосы, провела по щеке, хмыкнула. Обошла вокруг, задумчиво рассматривая. Охранники расселись по лавкам, стали о чём-то тихонько переговариваться. Рыжая ещё немного посмотрела, подумала, потом решительно взялась за ножницы. Долго колдовала над головой Александра, затем вымыла волосы, высушила, стала как-то странно расчёсывать и взбивать. Покончив с этим, отошла в сторонку, взглянула.

- Хорошая получилась грива, - пробормотала рыжая парикмахерша, - теперь морду переделаем.

Взяла одной рукой подбородок Александра, другой подпёрла свою голову, задумалась.

- Что-то ещё? - осведомился он.

- Да, - ответила рыжая, поворачивая его голову туда-сюда, - у тебя хорошие волосы. Густые, светлые. И такие же брови и ресницы. Прямо как у породистой свиньи. Я сделаю их чёрными, ровными и длинными. Подправлю глаза, нос, губы. Из свинячьей рожи простолюдина я сделаю лицо аристократа, понял?

- Мне на арене драться, а не со сцены стихи декламировать, - угрюмо сообщил Александр, - на чёрта мне лицо аристократа?

- Хозяйка приказала, - ответила рыжая, - она придумала образ воина с далёкого загадочного севера... решительное волевое лицо древнего героя ... золотые волосы, небрежно рассыпанные по могучим плечам. Твоя сивая морда совершенно не подходит под это образ. Наша хозяйка - поклонница совершенства и красоты. Всё, что в её руках, тоже должно быть красивым. Ты думаешь, почему её девочки лучшие в Константинополе? Потому что я довожу их крестьянские хари до совершенства! Одежда,

косметика - это всё потом, ведь сначала любой мужчина видит лицо. Ты не просто будешь драться, нет. Ты будешь биться с мерзкими арабами, черномазыми неграми и косоглазыми визгливыми тайцами! У нас на арене разыгрывается зрелище, а не примитивная драка озлобленного мужичья между собой. Понял, варвар?

- Понял, - хмуро ответил Александр, - и что ты собираешься делать?

- Всё, что надо, - отрезала рыжая, - а ты терпи.

Александр просидел в жёстком кресле несколько часов. Охрана давно уже тихо дремала по углам комнаты, кто-то даже слабо похрапывал. Рыжая крутилась вокруг него, как белка возле шишки с орехами. Вначале натёрла лицо каким-то снадобьем, после которого кожа потеряла чувствовать. Потом в руках появлялись щипчики, иголки, кисточки с краской, маленькие ножички и вовсе замысловатые инструменты совершенно непонятного назначения. Больно щипалась, выдёргивала волосы, что-то втирала, резала, затем часто-часто тыкала иголкой. Всякий раз, когда рыжая подносила иглу к лицу, Александр сжимался от страха. А ну как дура промахнётся и выколет глаз? Время тянулось невыносимо медленно и, когда рыжая отошла в сторону и принялась укладывать свои приспособления в коробочку, Александр не поверил своему счастью - неужели всё?

- Эй! - крикнула она в угол охранникам, - позовите кто ни будь хозяйку, быстро!

Лысый здоровяк невнятно рычит спросонья. Один из молодцов сорвался с места, будто пинком вышибло.

Через несколько минут явилась Зина. Приказала принести ещё огня и, когда вокруг Александра всё запылало, стала молча рассматривать.

- Прекрасно, рыжая, - произнесла после минутного молчания Зина, - я не зря плачу тебе. Жёсткое, волевое лицо... холодные голубые глаза... густая грива золотых волос. Ты будешь выходить на арену под именем Александр - Золотая Грива! Да, так! Полюбуйся на себя, генерал, - усмехнулась Зина.

Охранники поднесли зеркало. Александр всмотрелся в отражение и не узнал себя. Перёд ним сидит чернобровый мужчина с длинными чёрными ресницами, словно у женщины. Волосы вымыты и тщательно уложены, точно как конская грива. Лицо припухло, но заметно, что линии губ, носа, бровей стали резче. Изменился разрез глаз, форма носа. Почти всё лицо было заклеено маленькими кусочками материи. Под ними больно щиплет. Но даже так видел - это другое лицо, не его! Поднял глаза на Зину.

- А если в баню сходить?

- Ничего не изменится, - улыбнулась она, - с лица убрано всё лишнее, просто отрезано, понимаешь? Краска введена под кожу, её не смоешь. Именно таким способом женщины сохраняют красоту на долгие годы. Теперь ты - гладиатор Александр Золотая Грива, а не генерал императорской армии. Тебя никто не узнаёт.

Александр по-бычьи наклонил голову, сжал подлокотники так, что они заскрипели. Выпрямился в кресле, тело напряглось ... Зина молниеносно выхватывает из складок одежды флакон, плещет в лицо. Густой сладкий запах наполнил лёгкие, затуманил голову. Падая в кресло, успел услышать:

- Отнести обратно и стеречь, как зеницу ока!

Потянулись долгой чередой странные мутные дни. Приходя в себя, обнаруживал рядом с кроватью громадное блюдо с жареным мясом, приправленным большим количеством специй. Рядом кружка, полная отвара странного вкуса. Просыпался зверский голод, он пожирал всё, выпивал отвар и почти сразу засыпал, как в небытие проваливался. Сколько времени прожил таким вот без конца жрущим зверем, Александр не знал. Однажды проснулся как всегда, торопливо поел, схватил кружку, отпил. Вдруг с удивлением обнаружил, что это простая вода и мясо как мясо, без перца и даже не солёное. Выпил ещё воды, остаток плеснул на голову. Холодные струйки ледяными змейками побежали по спине, груди, неприятно забрались ниже. Образовалась холодная лужа. Александр вскочил, по-собачьи встряхнулся.

Небольшая комната, под стеной кровать, на которой только что лежал. Рядом стол с остатками еды. Под самым потолком знакомые квадратные отверстия, через которые в помещение попадают блики солнечного света от воды. Он всё в том же каменном мешке, куда попал в первый раз, когда похитили люди Зины. Даже одет так же - только короткие штаны и больше ничего. Александр прошёлся из угла в угол, с завыванием потянулся. Тот час раздался звук вытаскиваемого засова, дверь бесшумно открылась. В комнату, пригибаясь на пороге, входит тот самый лысый здоровяк с дубиной, что сопровождал раньше. Критически осмотрел узника, буркнул:

- Отожрался... выходи!

Александр вышел в коридор, подождал, пока закроют камеру. Лысый молча указал направление дубинкой. Выходят во двор. Отвыкший от солнечного света Александр сильно жмурится, закрывает глаза руками. Со стороны кажется, что узник до смерти перепуган, всего боится. Лысый довольно хрюкнул, даже несильно ткнул дубинкой в спину. Пересекли двор, прошли под аркой. Перёд глазами раскинулась обширная площадь размером

со стадион. Александр осмотрелся.

Вокруг проложена беговая дорожка. В середине чучела, приспособления для тренировок с оружием, несколько небольших круглых арен. На них сражаются люди в кожаных доспехах. В руках, как сразу разглядел Александр, палки или тупые железные мечи. Это была тренировочная площадка для тех, кто дрался на потеху публике. На противоположном конце стадиона увидел длинные одноэтажные дома - казармы гладиаторов. "Отныне там и мой дом", - понял он. Александр не ошибся. Лысый оказался здесь самым главным. Звали его Антип. Этот Антип привёл новенького в барак, показал ему малюсенькую комнатушку, в которой будет спать. Весь барак поделён на эдакие конурки, в каждой помещается топчан, скамейка и маленький стол. Обитателям барака - бойцам запрещалось разговаривать между собой, они могли только отвечать на вопросы охраны. Самым непонятливым по приказу Зины просто отрезали язык. Антип особо отметил этот факт, когда объяснял новичку правила здешней жизни. В обязанности бойца входят ежедневные тренировки и бои на арене. Бои, как правило, бывали на седьмой день недели и по праздникам. Хорошим бойцам, победителям турниров, разрешалось раз в неделю посещать бордель. Бесплатно, разумеется.

- Будешь много и упорно тренироваться и хорошо себя вести, станешь надзирателем, понял? - по-отечески увещевал Антип, - а если бунтовать вздумаешь - в мешок и в море, крабов кормить. Вопросы есть?

- Никак нет, ваше сиятельство! - хмыкнул Александр. - А это кто? - спросил, показывая пальцем на горбатую фигуру с метлой.

- Подметало Феофан, - махнул рукой Антип, - тоже был бойцом, да получил по спине палицей ... э-э ... неудачно. Живёт здесь, мусор убирает за миску похлёбки.

- А с ним разговаривать можно?

- С ним можно, - разрешил Антип, - он у нас ши-ибко умный. Видать, по голове-то ... ха-ха ... мало били, больше по спине и ниже ... а-а ха-ха!

Обитатели бойцовского дома ничего друг о друге не знали, да и не хотели знать. Их задача по-звериному проста - выживать, убивая других. Кто такой этот новенький, с длинной гривой золотых волос, здесь никто не знал. Кроме Зины, разумеется. На следующее утро Антип вывел Александра на площадку, критически осмотрел.

- Толстоват, - хмыкнул он, - жирок надо согнать, а вообще ничего, - вздохнул, зачем-то посмотрел на солнце. Вытер потную шею мясистой ладонью, буркнул:

- У тебя четыре дня. В это воскресение выйдешь на песок, так что давай работай.

Выйти на песок означало биться на арене. Александр понял, что никто тут не будет заниматься с ним, как занимаются в армии с молодыми солдатами. Здесь каждый сам за себя и если будешь сидеть в тени или загорать на солнышке, то жить тебе ровно неделю. Твой сосед, что сейчас до изнеможения тренируется на мечах, убьёт тебя. Когда Антип, почёсывая потную шею, ушёл, Александр огляделся. Площадку для тренировок окружает высокая каменная стена. По гребню неторопливо прогуливаются стражники, у каждого заряжённый арбалет. На площадке нет надсмотрщиков, бойцы вроде бы предоставлены сами себе, но если кто-то затеет драку, то стражники без предупреждения пробьют стрелами зачинщика. Поэтому каждый ведёт себя так, словно вокруг безлюдная пустыня. Александр выбрал из сваленных под навесом железных палок одну, подходящую по весу к привычному двуручному мечу и направился к грубо сделанному деревянному болвану. К непрерывному стуку и грохоту от десятков палок, мечей и секир прибавились ещё частые глухие удары железа по дереву. Звук получался такой, словно бревном дверь вышибают. Кое-кто на минуту останавливался, внимательно смотрел на новичка и с новой силой принимался рубить чучело - появился ещё один претендент на твою жизнь, работай!

Наступил последний, седьмой день недели. В этот день Бог завещал отдыхать от работы всём, кто верит в него. Богобоязненные и добропорядочные ромеи скрупулёзно следовали этому завету. Иные решили, что просто ничего не делать мало, надо дополнить отдых развлечением. Люди, объевшиеся сытой жизни, дуреющие от недостатка острых ощущений и безделья, в этот день с полудня собирались на той окраине Константинополя, что славилась на всю империю публичными домами, игорными заведениями и аренами. Власть и церковь знали, что происходит там, осуждали и ... ничего не делали. Хозяева притонов платили огромные откупные чиновникам, делали щедрые пожертвования в храмы, смиренно выслушивали проповеди о пользе праведной жизни и всё продолжалось по-прежнему. В Константинополе, самом большом городе тогдашнего мира, огромное количество простого народа - бывших крестьян, приехавшие на заработки, рабы, солдаты, просто бродяги, собиравшиеся со всего света поглазеть на столицу мира. Окраины города похожи на гигантскую мусорную кучу, заселённую сотнями тысяч бедняков всех национальностей и вер. Эти люди не отсылали заработанное домой, а тратили

здесь же на простую еду и зрелища. В огромном, богатом городе, где круглый год лето и тёплое море, проститутки и клоуны зарабатывали в неделю столько, сколько семья зажиточного ремесленника или богатого крестьянина за полгода каторжного труда! Знать ходила в театры смотреть высокое искусство трагедии, а простолюдинов развлекали пошлые, глупые комедии в исполнении бродячих артистов. Чём примитивнее и пошлее зрелище, тем большим спросом оно пользуется у черни, которой всегда, во всё времена в десятки и сотни разов больше, чём людей благородных. А если зрелище с кровью, то простолюдины дуром на него попрут, любые деньги заплатят - не в деньгах счастье! - чтобы посмотреть, как будут убивать по-взаправдашнему.

... воскресенье в цирке Зины всегда начинается с того, с чего начинается утро любой женщины - с макияжа. Всех участников представления отдают в полное распоряжение рыжей парикмахерши с полудюжиной помощниц. Бойцов моют, делают причёски, красят и натирают всё тело ароматным маслом. Это чтоб зрителям потом не воняло и выглядели бойцы красивее. Александр с изумлением узнал, что сражаются гладиаторы полностью голыми, если не считать узенькой набедренной повязки и сандалий. Из доспехов только железный обруч на голову, защитные браслеты на руки и наколенники. Всё!

Сидел на лавке, за деревянной оградой, недалёко от выхода. Здесь обычно держали тех, кто выступает в самом конце представления. Когда увидел первого гладиатора, приготовленного к выступлению, то не поверил глазам - перёд ним голый мужчина, срамное место едва прикрыто белой узкой тряпкой. На загорелом теле резко выделяются стальные браслеты и наколенники. Длинные чёрные волосы нелепо взбиты кверху и зачёсаны назад, как у женщины, дурацкий обруч блестит. Накрашены брови, ресницы, глаза подведены! Мужчина похож на актёра дешёвого балагана. Именно такими выглядят благородные герои в представлении простолюдинов. Потом привели второго, третьего и вот уже целая дюжина балаганных героев выстроилась в неровную линию. Подошла хозяйка цирка, Зина, внимательно рассмотрела каждого, одобрительно кивнула.

- Выдать оружие, щиты! - гаркнул Антип. Стражники открыли два больших ящика, выдали каждому меч и белый, с красным крестом посередине, щит.

Александр догадался, что эти двенадцать будут изображать на арене благородных ромейских воинов, защитников цивилизации и культуры. Осталось увидеть, как выглядят враги. Любопытно завертел головой, но их готовили к выступлению в соседнем помещении. Благородных героев вывели на арену,

оттуда раздались радостные вопли зрителей, свист, хлопанье в ладоши - чернь приветствует своих кумиров. Когда шум утих, в соседней комнате распахнулись двери. В колонну по одному вышло двенадцать чернокожих мужчин. Александр приготовился увидеть чудо.

Рыжая с помощницами постаралась на славу! Всё двенадцать разрисованы белой краской и выглядели, словно выходцы из преисподней. Краской обвели рёбра, руки, ноги, искусно подчеркнули вспученные мышцы и получились не люди, а скелеты, обтянутые могучими чёрными мускулами. Лица разрисовали под оскаленные черепа с глазами. Волосы намазали какой-то дрянью, а потом скрутили наподобие рогов. На голову каждому надели железный обруч, по краям свисают тонкие стальные цепочки, много-много цепочек. Кажется, что вырастают прямо из черепа. У каждого кривой зазубренный меч, расширяющийся на конце и щит, раскрашенный так, словно собран из человеческих костей. Выходцы из ада промаршировали мимо, к воротам на арену. Едва первый показался на выходе, зрители буквально взорвались истошными воплями. Сотни людей орали, как одна могучая глотка, топали ногами и колотили руками по лавкам. Александру показалось, что ещё немного и цирк развалится.

- Эй, Антип! - окликнул идущего мимо старшего охранника.

- Чего тебе? - остановился он. Рука с платком тотчас коснулась шеи.

- Выпусти меня из загона, - попросил Александр, - я хочу посмотреть на бой.

- Как будто ты раньше не видал! ... ах да, правда, не видал ... ну, ладно, - согласился Антип, - подойди к окошку, вон там, справа. Да смотри у меня, не то ...

- Я в кандалах, - напомнил Александр, поднимая скованные цепью руки.

- Ну-ну, - махнул рукой Антип, - давай...

Кивнул стражнику, что бы тот открыл калику загона. Александр подхватил в руки тяжёлое ядро, прикованное цепью к ноге, торопливо заковылял к окошку.

Большая цирковая арена выглядит, словно театральные подмостки. Поверхность посыпана ослепительно белым кварцевым песком пополам с вываренной морской солью. Крупные куски соли разбросаны по краям, от сколов отражаются преломлённые солнечные лучи, загадочно сверкают красным, зелёным и синим. По краям арены выстроились участники - ровная шеренга благородных ромейских воинов и тупорылый клин обугленных адских созданий. На зрительских местах яблоку

негде упасть. Орут, визжат, подпрыгивают от нетерпения. Александр с удивлением обнаружил, что в ложе, под навесом тоже находятся зрители. Несколько мужчин и женщин, всё в масках из белого шёлка, чтобы не узнали. Одеты очень богато, почти роскошно, но в одежде нет ничего, что говорило бы о принадлежности к какой н будь знатной столичной фамилии. Просто очень богатые люди пришли посмотреть выступление гладиаторов и всё. Александр знал многих представителей Константинопольской знати, но среди сидящих под навесом никого распознать не удалось. На середину арены выходит важный, как индюк, господин. С ног до головы в ярко-красном мужском мафории, обвёрнутый длинным позолоченным лориком - шарфом. Выглядит, словно гигантский заморский попугай. Смуглое широкое лицо обрамляют пушистые бакенбарды, громадные чёрные усищи торчат устрашающе. Господин деликатно кашляет в кулак, величественно отставляет в сторону руку с жезлом. Грудь раздувается от мощного вдоха. Страшно выпучиваются глаза и густой бас несётся над ареной, заглушая свист и крики зрителей:

- У-ва-жа-ё-мые господа-а! Битва Добра со Злом, Цивилизации с Дикостью, Света! - величественно простирается рука в сторону гладиаторов в белых набедренных повязках, - с Тьмой! - указующая длань указывает на чернокожих, - НА-ЧИ-НА-ЕТ-СЯ!!!

Объявляющий важно шествует с арены, а зрители, притихшие на минуту, заорали ещё громче. Где-то ударили литавры, коротко взревели трубы – Александру ни чёрта не видно! - и гладиаторы бросаются друг на друга. С глухим стуком и треском столкнулись щиты, зазвенело железо - битва началась! Зрелище получилось завораживающее. Чёрные, рогатые и светлые с белым фигуры кружатся в смертельной схватке. Мечи сверкают как молнии, звон от непрерывных ударов скоро переходит в вибрирующий на одной ноте гул. Только сейчас Александр вдруг понял, почему на гладиаторах не никакой брони, даже самой простой, кожаной. Любое попадание острой стали в незащищённое тело сопровождается всплеском крови, красные капли веером разлетаются во всё стороны, багровые пятна возникают на белом песке. На мокрых от пота, блестящих телах сражающихся появляются страшные открытые раны, словно расцветают отвратительные кровавые цветы, мелькают белые кости, мгновенно заплывающие кровью. "Защитная одежда испортит эффект, - догадался он, - они ведь пришли смотреть на красивое убийство и Зинка даёт им это". Раненые падали на песок, но соль мгновенно начинала разъедать раны, люди вынуждены вставать. Их корчило от боли, они кричали - ведь не царапины, а глубокие

открытые раны, до костей! Это и требуется. На белом песке остаются только мёртвые. Живые мечутся по арене, убивая друг друга. А на трибунах не стихает восторженный рёв и свист. В одном месте даже драка вспыхнула. Болельщики белых подрались с болельщиками чёрных. Стражники быстро утихомирили драчунов палками. Сражение на арене подходит к концу. На белом, с тёмными пятнами, песке на ногах осталось трое белых и двое чёрных. И те, и другие едва стоят, с трудом удерживая изрубленные щиты, мечи упираются в землю, для устойчивости. Всё изранены и не в силах дальше сражаться. На середину арены важно прошествовал объявляющий. Поднял руки к нёбу, вскричал:

- Добро одержало трудную победу над Злом!

На трибунах заорали ещё громче, победителей и побеждённых увели.

- Эй, грива! - раздалось над ухом. " Какую-то Гриву зовут... "- мелькнула мысль, потом вдруг вспомнил, что Гривой, только золотой, зовут его самого. Обернулся, увидел Антипа.

- Давай к рыжей, - сообщил Антип, - скоро ты пойдёшь.

- Чего вдруг? - удивился Александр, - я должен позже, сейчас очередь другого.

- Нет, пойдёшь следующим. Тот покончил с собой.

- Это как же он умудрился, в кандалах-то? А стража куда смотрела? - изумлённо спросил Александр.

- В сортире, на очке, - угрюмо буркнул Антип, - стражник ему в ж... не смотрел.

- Утопился, что ли? Там вроде не глубоко... - задумчиво произнёс Александр.

- Пшел! - заорал раздосадованный Антип. Ухватил ручищей за шею, сильно толкнул. Цепь на ногах подсекла ноги, Александр падает на колени. Стражники хватают под руки, волокут к рыжей парикмахерше.

Перерывы между схватками заполняли клоуны. Пока зрители получали выигранные ставки, а проигравшие платили, рабы быстро уносили убитых, сноровисто посыпали свежим песочком кровавые пятна, выравнивали пол. В это время идиотски раскрашенные мужчины и женщины глупо кривлялись на арене, стараясь вызвать хохот у публики. Получалось - те, чьи ставки выиграли, смеялись до упаду. С Александра быстро снимают кандалы, усаживают в кресло. Появляется Рыжая. В правой руке зажаты горячие, едва ли не дымящиеся щипцы для завивки, пальцы левой держат устрашающего вида опасную бритву. На мизинце болтаются ножницы. Огненные волосищи торчат во всё стороны, глаза горят ... Александр невольно зажмурился.

- Открой гляделки, боец, - раздаётся насмешливый голос, - полюбуйся на себя!

Александр глядит в зеркало. Он редко видел своё отражение и ещё не успел привыкнуть к новой внешности. Видит незнакомое, чужое лицо. Нос ровный, прямой, уголки рта слегка опущены, ресницы и брови подведены, грим на скулах и вокруг глаз нанесён так искусно, что лицо выглядит злым, надмённым. Вообще, всё черты стали грубее, резче благодаря искусно сделанной татуаши. Светлые волосы зачёсаны назад, в пряди вплетены позолоченная проволока, так что с головы на спину спадает настоящая конская грива. Александр разозлился, что его разукрасили, как матрёшку, под кожей прокатились желваки, лицо отвердело и оно вовсе превращается в маску жестокого демона.

- Чудес-сно! - восторженно зашипела рыжая, обходя по кругу на цыпочках, - жаль, если сейчас какой нибудь дуболом изрубит такой шедевр на куски.

- Готов, что ли!? - раздаётся из-за тонкой стенки грубый рёв Антипа, - давай сюда его!

Стражник мотнул лохматой головой, указывая на выход. Александр встает, с него снимают кандалы. Подбегают рабы. Один ловко сдёргивает одежду, быстро наматывает набедренную повязку. Второй надевает на правую руку длинный кожаный чехол, обшитый железными пластинами с перчаткой. Конец крепит застёжками на плече. Кроме железных пластин на рукав нашиты острые шипы, какие-то нелепые нашлёпки. Получилась не рука, а лапа чудовища. Александр смутно удивился - на чёрта доспех на одну руку, если всё остальное голое? На левую вешают большой квадратный щит, тоже в шипах. К ногам, поверх обуви, привязывают железные поножи выше колен. После чего вручили устрашающего вида секиру с двойным лезвием. Тотчас ворота распахивают, сильные руки выталкивают Александра на арену. Мимо важно шествует «объявило». Свирепо шевеля громадными чёрными усами, ревёт:

- Демон смерти из дикой Руси по прозвищу Золотая Грива-а-а! Приветствуем демона-а-а!

По разноцветной толпе зрителей покатилась волна довольных воплей. Александр невольно оглядывает трибуны. Мужчины и женщины с горящими восторгом глазами радостно машут руками, что-то невнятно кричат. Из-под шёлкового навеса над трибуной для богатых зрителей никаких криков не раздаётся и никто руками не машет, но оттуда тоже исходит некая волна приязни. Кажется, будто всё собравшиеся его любят и желают победы ... на самом деле всё желают зрелища кровавого убийства

и чтоб покрасивее было, поэстетичнее! Кого убьют, наплевать. Вместо того, что бы красиво поднять руки к нёбу, потрясая оружием и щитом, приветствуя зрителей, Александр смачно плюет под ноги. Снимает щит, аккуратно ставит на землю, поддерживая ногой, чтобы не упал, рядом втыкает секиру. Поворачивается к ложе для почётных гостей, левую руку кладёт на локоть правой и сгибает в жесте, известном всём и каждому, независимо от происхождения и занимаемой должности. Крики пропадают, словно всё сидящие на трибунах внезапно подавились. Полная тишина обрушивается на цирк, несколько мгновений никто даже не шевелится. Зрители приходят в себя, над цирком несётся вой. Почётные гости никак не отреагировали, всё так же неподвижно и молча сидят в креслах, только некоторые выпрямились, сжали подлокотники, словно эти люди сами захотели кинуться в бой. На противоположной стороне арены медленно, торжественно распахивают вторые ворота. Из прохладной тьмы величественно появляется противник Александра. Большой, сильный воин, обнажённый по пояс, в зелёных шароварах, на бритой наголо голове зелёная повязка. Воин смугл, тяжёл, лицо продолговатое, мясистое, с висячими чёрными усами и острой бородкой. Какой национальности, непонятно, но изображает он сейчас злобного араба. На воине нет никаких доспехов, нет щита, зато в каждой руке по мечу. Мечи экзотические - не прямые, как обычно, а волнообразные, похожие на ползущих змей.

- Ахмадинежад, великий дракон востока! - громогласно провозгласил объявляющий имя противника.

Трибуны довольно загудели. Предстоит схватка дикого руса с не менее кровожадным арабом.

Раб ударил колотушкой в большой бронзовый гонг, низкий гул заполняет цирковую арену до краёв и пропадает.

- В бой! - коротко рявкает объявляющий. Противники сходятся на середине. Араб несколько раз несильно ударил обоими мечами, рус легко отбил щитом - знатоки на трибунах с умным видом сообщили остальным, что это так, прикидка, щас начнут по-настоящему. Внезапно араб оглушительно громко завизжал так, что уши заложило не только у обалдевшего от неожиданности Александра, но и у зрителей - акустика в цирке оказалась не хуже, чём в театре. Воин подпрыгивает, странно задирая ноги в сапожках с загнутыми носами, мелькают зелёные шаровары. Большая горсть колючего песка летит прямо в лицо, будто кто лопатой загрёб и швырнул. Александр запоздало реагирует на резкое движение, щит идёт вверх - мутно-белая струя хлещет по лицу, чудом не задев глаза. Не мешкая, воин

прыгает вперёд и два змееподобных меча с необыкновенной скоростью и силой обрушиваются на врага. Александру оставалось только закрываться щитом и медленно отступать к краю арены. Град ударов не позволял даже на мгновение отвести щит, чтобы ударить самому. Но он понимал, что это не схватка в поле, ещё несколько шагов и арена кончится, он упрётся в ограждение и тогда "великий змей востока" изрубит в щепки сначала его щит, а потом и самого. Но и открыться нельзя, он же совершенно голый! Араб убьёт его одним ударом. Вспомнил, что правая рука вся укрыта толстой кожей с нашитыми железными пластинами. Это же защита! Отводит руку с секирой как можно дальше за спину и со всей силой рубит наотмашь. Араб оказался быстр. Подставил один меч под удар секиры, вторым сильно ударил по руке, намереваясь отрубить её. Однако удар получился слабым. Тяжёлая секира отбрасывает меч, араба сильно бьёт по голове собственным оружием плашмя. Отшатывается, второй меч со скрежетом проходит вдоль руки, не повредив её.

Теперь, когда первый натиск отбит, бой идёт на равных. Противники обмениваются частыми ударами, горячий воздух звенит от сталкивающихся мечей и секиры, гулко бухает щит, принимая удары. Зрители возбуждённо подскакивают, громко обсуждают ход поединка. Заключают пари на победу - чаще на шустрого араба, с видом знатоков рассуждают о преимуществах лёгких арабских мечей и недостатках тяжёлой русской секиры и всё вместе удивляются, что никто не ранен. Может, сговорились подлые гладиаторы, хотят больше бабок нарубить с лохов? Но если противник Александра хотел красивой победы, зрелища, то сам он не собирался развлекать собравшихся. Щит уже трещал, с него осыпались почти всё железные пластины. Ещё немного и станет бесполезной обузой. Выстоять с одной секирой, даже такой устрашающей, против оберукого бойца с двумя мечами будет трудно. Выбрал момент, когда араб снова попытался перейти в атаку, подставил щит под удар не плашмя, а ребром. Волнообразный меч прорубает железный ободок и входит почти до середины. Александр выворачивает руку, рвёт щит на себя и в сторону, одновременно нанося удар секирой вслепую. Араб быстро приседает, уходит кувырком от удара, но зажатый меч вынужден отпустить. Иначе остался бы без головы. Александр отшвыривает ненужный щит, перехватывает секиру двумя руками. Тяжёлое двойное лезвие замелькало в воздухе, как будто гигантский стальной мотылёк порхает. Зрители ахнули - поначалу показавшийся неуклюжим медведем, русич рубит так же быстро и легко, как бабы в селе капусту на зиму шинкуют.

Теперь возликовали те немногие, что поставили на победу

гладиатора по имени Золотая Грива. Их восторженные голоса загремели над притихшими трибунами. Лишившись второго меча, противник Александра лишился преимущества. Даже очень прочный, но лёгкий меч не может защитить от тяжёлой секиры, что обрушивается сверху и сбоку, как скала. Араб изо всех сил старался защититься и нанести ответный удар, но получалось плохо. Русич ловко парировал, сильно бил в ответ, буквально вколачивая противника в землю. Ярко-зелёные шаровары потемнели от пота, он просто обливался горячей влагой и слабел с каждой минутой. Всё понимали, что вот-вот погибнет. По рядам зрителей побежал шум, предлагалось новое пари - со скольких ударов русский убьёт - с одного, двух, трёх и так далее. Разгорелись споры, в двух местах на трибунах даже драки вспыхнули и тут же погасли под ласковыми дубинками стражников. Приближается кульминационный момент схватки - расчленение живого человека на части. Чём больше кусков, тем лучше. Шум на трибунах постепенно переходит в непрерывный гул, усиливается по мере того, как один из бойцов слабеет. Когда Александр отбил очередной удар меча, да так, что треснувший клинок отлетает далёко в сторону, трибуны взвыли от восторга. Вой, вырывающийся из сотен глоток, достиг наивысшей точки, словно всех зрителей охватил мерзкий экстаз ...

Меч ещё был в воздухе, когда Александр быстро и точно ударил кулаком. Череп громко хрустнул, лицо исчезло, словно провалилось в яму. Убитый противник не упал на спину, а просто рухнул на месте, будто подрубленный. Вой на трибунах разом оборвался. В наступившей тишине всё услышали и увидели, как победитель громко плюнул в сторону трибуны для почётных гостей. Брезгливо отбросил секиру и пошёл прочь с арены с таким видом, будто только что сходил по большой надобности. Ошарашенные зрители молча проводили взглядами уходящего гладиатора. Никто не проронил ни слова, но, как только он скрылся в тени коридора и ворота захлопнулись, цирк взорвался криками. На трибунах вспыхнули драки, скандалы. Проигравшие пари бросились друг на друга с кулаками. Остальные просто возмущённо орали, что их обидели, оскорбили, что подлый гладиатор не имеет права так относиться к добропорядочным гражданам, это вопиющее хамство, оно должно быть наказано и т.д.

Гости почётных лож спокойно, без суеты покинули места, старательно придерживая роскошные лорики - не дай Бог упадёт, кто-то увидит лицо, узнаёт! Цирковая стража коршунами ринулась в толпу разнимать дерущихся простолюдинов. Обозлённые зрители сначала возмущённо заорали на стражников,

потом тоже кинулись в драку. На трибунах завязалась массовая потасовка. Народ задавил массой, стражников стали избивать и выкидывать по одному на арену. Вскоре в белом песке без памяти валялось полтора десятка стражников, на трибунах добивали остальных.

- Стража, ко мне! - заорал Антип, дико вращая глазами, - а ты-ы ... - взревел ещё громче, завидев Александра, - сейчас узнаёшь, каково бунтовать. В кандалы его!

Прибежавшие на рёв начальника стражники со всех сторон кинулись на Александра, но тут воздух прорезал резкий женский крик:

- Всём стоять, Гриву не трогать!

Стражники сразу узнали голос хозяйки, Зины, в растерянности опустили руки. Она стремительно приблизилась, остановилась в трёх шагах.

- Антип, - холодно произнесла Зина, - пошли людей на трибуны спасать стражников, чтобы их не убили и ни в коем случае не бить зрителей, понял? Мне двоих, остальных отправляй.

- Но как же, хозяйка, это он всё устроил, вот этот гад, - показал толстым пальцем Антип на Александра, - зрители взбунтовались из-за него. Вы видели, чего он им показал, а?

- Видела, - холодно ответила Зина, - я вообще всё вижу и знаю лучше тебя, Антип. Если ты думаешь иначе, то руководить стражей будет другой, а ты выйдешь на арену. Тебе всё понятно?

- Да, хозяйка, - быстро произнёс Антип. Он как-то усох, стал ниже ростом и ссутулился. - За мной! - сипло крикнул, по-стариковски засеменил прочь. Стражники гурьбой бросились за ним.

Зина проводила взглядом, обернулась к Александру.

- Кандалы, - бросила стражникам, что остались с ней.

Те ловко надели цепи, замкнули железные браслеты на ногах и руках, один с издевательским поклоном вручил тяжёлое ядро Александру. Тот принял, но тут же уронил его, как бы невзначай. Тяжёлая железяка падает в миллиметре от большого пальца на ноге стражника. Стражник багровеет от злости, лицо надувается, зубы скрежещут, но отступает в сторону под взглядом Зины. Александр равнодушно складывает руки на груди, стараясь не поцарапать кожу грубыми браслетами. Посмотрел на Зину.

- А я всё думала, за что лесного дикаря в генералы произвели? - задумчиво произнесла она. Небрежно щёлкнула пальцами и услужливый стражник аккуратно подставляет стул. Зина вальяжно садится, неторопливо расправляет складки платья.

- Сижу целыми днями, ломаю голову, как привлечь зрителей,

- задумчиво продолжала она, - заставляю рыжую дуру красить, стричь, завивать тупорылое мужичьё, наряжать в несуразные костюмы, сочиняю по ночам сценарии дурацких шоу, чуть ли не театральные пьесы пишу. Вдруг являешься ты, - Зина заметила, как удивлённо поднялись брови Александра, поправилась, - ну, не вдруг, а я тебя заставила выйти на арену и сразу получилось то, что мне не удаётся вот уже год, два - по-настоящему привлечь внимание зрителей!

- Не понимаю я тебя, Зина, - пожимает плечами Александр, криво улыбаясь, - ты так сложно выражовываешься...

- Не придуривайся, - строго обрывает Зина, - всё ты понимаешь. Ишь, простачок!

Александр удивлённо хмыкает. Цепи согласно позвякивают - нет, не понимаем, мол...

- Ты привлёк внимание публики, понимаешь? - раздражённо заговорила Зина, - ты разозлил их, обидел, зацепил за живое! Тебя ненавидят за оскорбление и пренебрежение их мнением, эти люди сейчас только и делают, что с возмущением обсуждают твои плевки, жесты. Ты, ничтожество с мускулами, посмел так нагадить на их любовь к зрелищу! А ты знаешь, какие люди сидели в ложе?

- Да плевать мне, кто там сидел в этой ложе, - пренебрежительно дёрнул Александр лохматой головой. Грива светлых волос всколыхнулась, как от порыва ветра. - Я с императором, как с тобой сейчас, разговаривал, а тут какие-то дворянишки пришли на драку посмотреть. Как быдло простолюдное, ей богу.

Зина неожиданно рассмеялась, даже в ладоши хлопнула.

- А они и есть быдло, ты разве не знал? Всё до единого, что в ложе, что на простых лавках. Но сами себя таковыми не считают, нет, - произнесла, хитро прищурившись и наклонив голову набок, - а ты взял и сказал им об этом, то есть показал, грубо так, по-солдатски, но зато всём понятно. И теперь они всё тебя ненавидят и хотят твоей смерти. Припрутся на следующее представление в надежде увидеть, как тебя убьют или искалечат и ещё знакомых приведут, друзьям порекомендуют прийти, понимаешь? Это-то и надо! И не говори мне, что ты сделал это случайно. Человек, что запросто разговаривал с императором - это действительно так, я знаю - случайно ничего не делает. Ты умышленно взбудоражил половину города ... да, да, не удивляйся, бордели и цирк посещают очень многие, но не думай, что тебе удастся удрать под шумок. Ты не Александр, императорский гвардеец и генерал, а гладиатор Золотая Грива. Тебя никто не узнаёт и не поверит твоему рассказу. Да и ... так, ладно, гладиатор, ты утомил меня.

Эй! - крикнула Зина.

- Слушаю, госпожа! - подобострастно склоняется стражник.

- Этого в отдельную каморку, принести хорошей еды, воды, чистое бельё и доставить туда самую лучшую девку из борделя. Мамке передай, пусть она этим займётся. Ну, а ты, Золотая Грива, девицей сильно не увлекайся, понадобишься уже через пару дней. Зрители неделю ждать не станут, так что отдыхай как следует, драка будет серьёзной.

Александра увели, а Зина в задумчивости осталась сидеть. Слуги и рабы старались как можно быстрее проскользнуть на цыпочках мимо, что бы не дай Бог не побеспокоить хозяйку. А Зина так крепко задумалась, что не замечала никого вокруг. Ей хотелось придумать такое, что бы зрители просто ломились на цирковые бои. Медленно уходит, не замечая никого вокруг.

Александр равнодушными глазами окинул стол, сплошь заставленный изысканными яствами. " С императорской кухни утащили, что ли?" - вяло подумал. Блуждающий взгляд наткнулся на топчан. Теперь на нём мягкий матрас, постелено шёлковое бельё. Есть почему-то не хотелось. Присел на краешек. Старая деревянная рама знакомо скрипнула. Медленно прислонился к стене, но сразу раздражённо выпрямился – задница скользит по шёлку. Пришлось лечь. Стал рассматривать знакомый потолок, глаза невольно остановились на пляшущих бликах отражённого от воды света. Ни о чём не хотел думать, вспоминать. Веки потяжелели, закрылись сами собой и Александр незаметно задремал. Разбудил тихий скрип открываемой двери. Бросилось в глаза, что блики на потолке стали темнее. " Ну вот, уже дремлю днём, - с вялым раздражением подумал, - как старая лошадь". Повернул голову.

На пороге стоит маленькая женщина, закутанная с ног до головы в мафорий, как грудной ребёнок в большую пелёнку. Александр несколько секунд непонимающе смотрел на нежданную гостью, потом вспомнил, что победителю в бою на арене положена девка, да и Зинка обещала.

- Проходи ... туда, - буркнул, небрежно показывая рукой на лавку, - садись.

Женщина послушно засеменила через всю каморку, сёла на краешек лавки. Маленькие ручки чуть высунулись из широких складок мафория, смешно уложились на коленях. Александр с минуту сидел на кровати, мучительно выбирая между желанием спать дальше и женщиной. Широко развёл руки, изо всех сил потянулся и зевнул, завывая, как голодный волк. Направился к бочке с водой умыться. Бросил на ходу:

- Есть хочешь, валяй к столу.

Ополоснулся до пояса холодной водой, неторопливо растёрся жёстким полотенцем. Повернулся и ... полотенце едва не выпало из рук. За столом сидит девочка, почти ребёнок, маленькая, худая и за обе щёки уплетает всё подряд. Он глупо стоит с мокрым полотенцем и растерянно смотрит, как она доела жареного фазана, ловко облизала пальчики и принялась за перепёлок с орехами.

- Эй, ты кто? - удивлённо спросил Александр.

Девушка испуганно замерла с открытым ртом. Она только сейчас увидела, что съела почти всё на столе и от этого перепугалась до полусмерти.

- Ой-ой, - тоненьким голоском запричитала девушка, - простите меня, я случайно!

- А если не случайно, а умышленно? - строго спросил Александр, - это сколько же ты съедаешь каждый день?

Девушка вжала голову в плечи, виновато развела руками.

- Я такой еды никогда не видела. Дома только хлеб и кислое молоко, иногда сыр, - шмыгнула носом, - ты сказал - валяй к столу, я и поела.

- А-а ... ну да, сказал, - согласился Александр, - так ты, значит, самая лучшая? - спросил он.

- Не-ет, у меня братья ... Вот они настоящие саранчуки, - ответила девушка, осторожно отодвигая подальше пустые тарелки.

- Так, ещё и братья... ага... Ну, я вообще-то другое имел ввиду ... Вот что, - Александр ловко бросил полотенце на вешалку, надел рубаху, - рассказывай, сколько тебе лёт, как зовут, откуда взялась и чём тут занимаешься.

Девушка устроилась на жёсткой лавке поудобнее, маленькие ладошки улеглись на колени и затараторила, как белка:

- Вот значит так - меня зовут Марфа, мне уже тринадцать лёт, мой папа извозчик, мама стирает бельё на пристани для матросов. У меня есть десять братьев и две сёстры, я самая старшая, помогаю маме по дому. Вот!

- А здесь-то как оказалась?

- Меня за долги отдали. Папа брал деньги в долг на новую повозку, да вовремя не отдал. Ну, мама и договорилась с госпожой Клеопатрой, матушкой госпожи Зины, что я поработаю пока у госпожи Клеопатры, пока за долг не рассчитаюсь.

- А госпожа Клеопатра не сказала, кем ты будешь работать?

- Обслуживать клиентов постоялого двора. Ну, полы помыть, пыль вытереть, застелить кровать.

- И расстелить?

- И это можно, - шмыгнула носом Марфа. Смотрела на

Александра большими наивными глазами, ожидая новых вопросов. Он вглядывался в девушку, не очень-то веря в наивность, но так и не увидел притворства. В глазах читалось только удивление - чего это взрослый дядька такие глупые вопросы задаёт?

Александр взял со стола виноградину, кинул в рот. Нежная ягода раздавилась, едва придавил языком, рот наполнился сладким соком. Проглотил, бросил ещё одну.

- Велик ли долг?

- Ой, и не спрашивайте - сто тридцать золотых, во! - опять затараторила девушка, - нам ещё повезло, дали в рост только на пятьдесят монет. Вот тридцать папа отдал, теперь ещё зарабатывает. Это очень большие деньги, но зато теперь у папы новая повозка, от клиентов отбоя нет. Я здесь поработаю за пятьдесят золотых и вернусь домой, вот.

Когда Александр услышал про сто или сколько там, золотых, он чуть не подавился виноградиной - это же гроши! Один сапог императорского гвардейца стоит вдесятеро дороже. Закашлялся, на глазах выступили слёзы. Девушка немедленно принялась заботливо стучать маленькой лапкой по спине.

- Большое спасибо, ты мне очень помогла, - учтиво произнёс Александр, откашлявшись, - Марфа, тебе домой хочется?

- Ага, - кивнула девушка, - там братики, сестрёнки - весело.

- А кушать ещё хочешь?

- Нет, - тихо ответила Марфа, густо краснея.

- Ну, ладно, - Александр поднялся с лавки, прошёлся по комнате. Солнечные блики на потолке погасли, наступила ночь. Повернулся к девушке.

- Вон кровать, Марфа, ложись спать. Уже поздно. Тебе ведь разрешили не возвращаться к себе, верно?

- Да, сказали, что я буду у тебя, пока ты не отпустишь. А где ты будешь спать?

- Найду место, не волнуйся.

Марфа подошла к кровати, осторожно легла. Маленькие пальчики быстро перебирали шёлк, мяли его, скручивали и снова распускали.

- Как здорово! - прошептала девушка. Глаза закрылись, через мгновение уже спала.

Александр снял с вешалки старый солдатский плащ, прилёг на жёсткую лавку. " А не дурак ли я?" - подумал он.

" Конечно, дурак! - отозвался второй голос изнутри, - просто идиот какой-то. Нашёл, о ком заботиться. Да её завтра - послезавтра снова сюда отправят. И нормальный мужик, а не такой слюнтяй, как ты, сделает женщиной. Папа с мамой хотят

дочке как лучше - в разумении извозчика и прачки. Ты знаешь, сколько зарабатывают столичные потаскухи и родители её тоже знают. Так чего лезешь не в своё дело"?

- Так ведь дурак же... - тихонько, чтобы не разбудить девушку, говорит Александр вслух, укладываясь на жёсткой лавке.

Утром, на площадке, где тренировались гладиаторы, Александр увидел Зину. В сопровождении двух телохранителей она прогуливалась вдоль дорожки по краю площадки. Увидев направляющегося в её сторону Александра, остановилась. Телохранители тоже заметили приближающегося гладиатора, непроизвольно напряглись, ладони сомкнулись на рукоятях мечей. Александр усмехнулся, отбросил в сторону тяжёлую железную дубину. Её использовали стражники как засов на воротах.

- Тебе всё понравилось вчера? - с двусмысленной улыбкой спросила Зина, - или хочется чего-то ещё?

- Отпусти девчонку, - попросил он.

- Её родители мне должны, отработает долг, тогда отпущу.

- Не валяй дурака, Зинка, - скривился Александр, - для тебя две сотни золотых мелочь.

- Что-о! Да как ты смеешь называть меня Зинкой, ты, ничтожная дрянь! - быстро заговорила Зина. Она побагровела от гнева, её трясло так, что проглатывала окончания слов. - Стоит мне только пошевелить пальцем и от тебя горстка пыли останется. Я могу...

- Закрой рот, - спокойно посоветовал Александр, - ты заработала тысячи на прошлом представлении, заработаешь ещё десятки тысяч золотых на следующих. Потому что бьюсь на арене я, а не вот эти ублюдки, что торчат возле тебя, - кивнул на телохранителей, - так что ты будешь пылинки с меня стряхивать и выполнять всё желания, ясно? Повторяю ещё раз - девчонку отпусти, её долг за мной.

Не дожидаясь ответа повернулся, пошёл обратно. Не глядя, подхватил с земли брошенную железную дубину, подбросил одной рукой, поймал. Под блестящей от пота кожей прокатились жёсткие бугры мускулов, затвердели горными хребтами. Небрежно положил на плечо, словно хворостину. Зина едва сдержалась, чтобы не завизжать от распирающей злости. Сжала пальцы в кулак, не чувствуя, как ногти врезаются до крови. Голова опустилась, словно у львицы перёд броском, чёрные глаза сузились до тонких щёлок. Маленькое личико налилось темно-красным. Замедленно, будто змея, повернулась к двум телохранителям. Узкие белые губы вытянулись в ниточку, вот-вот раздастся змеиное шипение ...

Оба телохранителя стоят поодаль, головы опущены. Один сосредоточенно ковыряет носком сапога сухую землю, словно надеется что-то выковырять из засохшей глины, второй копается в носу и внимательно рассматривает добытое.

- Уроды... - выдохнула Зина. Багровость медленно уступила место бледности, поднятые плечи опустились, сдавленное дыхание выровнялось, стало обычным.

- Пошли вон, - приказала. Загребая пыль сапогами, побрели в сторону бараков для гладиаторов.

- Точно, надо их на арену отправить, - пробормотала Зина, - от ублюдков никакой пользы. А ты ... Подожди, я сумею ответить.

На постоялом дворе в небольшой комнатке на втором этаже, её ждёт мама Клепа. Из-за спины, со стороны тренировочной площадки доносится частый звон мечей и бухающие удары железной дубиной, будто кто сваи в землю вбивает.

Через два дня весь город будет отмечать день рождения градоначальника. Зина решила воспользоваться моментом и разослала по городу глашатаев объявить, что сегодня вечером будет внеочередное представление в цирке. Когда бледно-розовое солнце до половины опустилось в море, толпы простолюдинов уже валили за пристань, где располагается район борделей и цирков. Самый большой принадлежит Зине. Трибуны быстро заполнились до отказа. Кому не хватило места на лавках, устроились на лестничных проходах или просто стояли за лавками на деревянных помостах. Цирк шумел, время от времени по трибунам прокатывались волны гула, словно вал приближающегося шторма. Когда нетерпение зрителей достигло предела и трибуны не шумели, а уже угрожающе ревели, Зина приказала выпустить первую партию бойцов. Как раз недавно приехала группа молодых парней из далёкой горной деревушки, желающих сделать карьеру цирковых бойцов. Парни сильны, неплохо - для горцев - владели оружием, но до вершин мастерства им ещё далёко. Вдобавок всё говорили на латыни, а городское население разговаривало только по-гречески. Говорящих на латыни презрительно обзывали жлобами и деревенщиной. Вначале Зина хотела отказать увальням, ей вполне хватало наёмных бойцов и рабов, но потом передумала и приказала Антипу принять их. Тот недовольно бурчал, мол, на чёрта нам деревенские пастухи, но Зина осталась непреклонной. В её красивой головке родилась идея нового представления. И вот, сегодня, должно состояться первое выступление новой команды. Но они не знали, какой сюрприз приготовила Зина для них. К немалому удивлению Александра, его выступление сегодняшним вечером не планировалось. Антип лично привёл его

на место под трибунами, откуда хорошо видно выступающих на арене, но сам остаёшься невидим для зрителей.

- Сиди тут, - приказал Антип, - смотри бои, отдыхай, то и сё ... и это, э-э ... смотри у меня!

- В оба глаза! - засмеялся Александр. Он покосился на стражника, что стоял неподалёку, сделал страшное лицо, показал руками, что сейчас разорвёт на куски и убежит. Стражник, до этого вяло топтавшийся на месте, застыл столбом и больше не шевелился. Только часто-часто моргать стал.

На арену по индюшачьи важно вышел объявляющий. Пошевелил громадными чёрными усами, что сегодня торчали в стороны строго параллельно земле, вскинул руки к тёмному нёбу, словно призывая потусторонние силы для свершения магического действа ...

- Н-наш праздник в честь юбилея гр-радоначальника столицы мира, Константинополя великого, открывает битва Восточного Героя с войсками гнилого Запада!

Величественным жестом указал на западные ворота арены - из них всегда выходят на арену злодеи. Под барабанную дробь показался строй римских легионеров. Это те самые горцы, что говорили только на устаревшей и не модной латыни. Громко поют строевую песню легионеров и зрительный зал взрывается аплодисментами - выглядит вполне правдоподобно. Объявляющий вновь вскидывает руки, успокаивая зрителей.

- О-откройте восточные врата-а! Пр-риветствуйте Восточного Гер-роя!

Для Александра это было что-то новое. Слышал краем уха, что у Зины есть боец, который сражается на арене профессионально. Не раб, не подневольный гладиатор. Живёт в городе в большом доме, в престижном районе. У него семья, многочисленная родня, как и у всякого выходца из бедных слоёв населения. Когда-то начинал как простой цирковой борец, потом попробовал себя в гладиаторских схватках без правил. Дело пошло. Чаще побеждал, чём проигрывал, а если проигрывал, то оставался жив. Подлечившись, снова принимал участие в схватках. Так, набираясь опыта и сил, поднялся на такую высоту, что мог разговаривать с хозяйкой цирка почти на равных и уже не она ставила условия, а он, мастер боёв на арене, называл сумму гонорара. В цирке нет имён, только красивые кликухи и пышные титулы. Этого всё называли Восточный Герой. Правда, однажды Александр услышал и другое имя - Восточный Геморрой, но сказать такое громко вслух никто не рисковал. Утверждали, что парень со странностями.

Створки загона, именуемые Восточными Вратами, со скрипом распахнулись. Из подвальной прохладной тьмы, в пляшущем рыжем свете факелов показывается блестящая свежим маслом гора мускулов, увенчанная маленькой головой без шеи. Александр привстал на ноги, что бы получше рассмотреть цирковое чудо. Из-за непомерной толщины руки и ноги казались чересчур короткими в сравнении с общими размерами тела. Вся грудь, плечи и спина покрыты чудовищными мясными наростами мышц, на животе по бокам свисают избытки мяса. Бёдра были такими толстыми, что тёрлись друг о друга и только внизу, ниже колен, между ног была узкая щель, замыкающаяся мощными икрами. От такой удивительно формы бёдер гениталии выпирали наружу и забавно кивали при каждом шаге. Тонкий шёлк узкой набедренной повязки совершенно не скрывал. Для усиления впечатления Герой мощно водил плечами на каждом шаге, словно груды каменных мышц мешают ему идти нормально. Узкий, в два пальца, лобик закрывает золотой обруч, затейливо украшенный блестящими камушками. Волос нет. То ли острижены, то ли нет от природы. На маленьком круглом лице с раздутыми щеками особенно выделяется мощная нижняя челюсть в форме детского совка. Александр невольно покачал головой - этакого геракла видеть ещё не приходилось!

Тём временем Герой выходит на арену, разводит руки вверх и в стороны, приветствуя собравшихся. Валуны мышц вздуваются ещё больше, становятся круче, твёрже. Зрители всё, как один,

восторженно закричали, а потом в один голос завизжали! Такого мощного визга тысяч людей Александр, да и не только он, ещё не слышал. Воздух буквально вибрировал и дрожал на предельной частоте, барабанные перепонки заныли, как будто нырнул слишком глубоко. К Герою суетливо, как мыши, подбегают служки. Длинный двуручный этериотский меч, треугольный белый щит с красным крестом посредине Восточный Герой принимает небрежно и как бы нехотя. На плечи накидывают белый, с золотой каймой, короткий плащ. Герой небрежно повертел меч, разминая кисть, крест-накрест рубанул перёд собой. Белый плащ за спиной красиво колышется в такт движения, щит сидит на левой руке, как приклеенный. Зрители аж воют от восторга - У-УАА!!!

- В бой! - рявкнул объявляющий с края арены.

Строй римлян сдвигается с места. Каждый легионер в такт шагам бьёт мечом по щиту, шеренга движется ровно, в ногу, ритмичный грохот мечей о щиты заглушается криком трибун. Неспешным шагом идёт навстречу и Герой. Соперники сходятся точно на середине арены. Герой мощно толкает щитом центр строя. Сразу двое легионеров падают, но остальные окружают одиночного противника со всех сторон. На Героя обрушивается град ударов. Но римляне не успели даже ранить его, опытный воин стремительно бросается вперёд, молниеносно разворачивается и на легионеров словно молния упала с нёба - так необычайно быстро стал рубить двуручный меч. Сильные, частые удары тяжёлым мечом очень опасны даже через щит. Энергия удара так велика, что почти не поглощается тонким слоем металла и дерева. Сильнейшая боль от руки кругами расходится по всему телу, а удары сыпятся один за другим. Только сильный и мужественный воин способен терпеть, и то недолго. Герой хорошо знал это и не особо заботился о том, что бы рубить в незащищённые места. Просто очень сильно бил тяжёлым мечом и всё. Когда строй легионеров нарушился, он толкнул щитом одного, другого. Впереди образовалась пустота. Герой красиво отбрасывает ставший ненужным щит, перехватывает меч обеими руками. Размашистые удары рушатся на легионеров. Зал выл и хохотал в диком восторге, когда мускулистые руки Героя высоко вздымали длинный меч и обрушивали на головы врагов - подлых римлян. Герой бил сверху вниз, наотмашь слева и справа, римские щиты трещали и разваливались на куски, легионеры падали, смешно задирая волосатые белые ноги в глупых римских юбочках, разрубленные чуть ли не пополам. Кровь брызгала фонтанами и заливала белый песок ...

Последнего легионера Герой убивал так: когда оглушённый римлянин попятился назад и изрубленный щит упал к ногам, а выщербленный меч едва держался в ослабевшей руке, Герой широко размахнулся и метнул меч, как нож. Гигантское лезвие описало в воздухе сверкающий круг и воткнулось точно в грудь римлянину. Легионер взмахнул руками, его оружие отлетел в сторону. Всё на трибунах видели, как окровавленное лезвие меча Героя вылезло из спины легионера прежде, чём он рухнул на залитый кровью песок арены. Ночь тонет в криках восторга. Герой раскланялся во всё стороны, на ходу ловко выдернул меч, вскинул к нёбу и так, с поднятым мечом, уходит с арены. Трибуны поют, пляшут и шум ликующей черни ещё долго не стихал.

Александр задумался. Чутьё подсказывало, что с этим парнем по кличке Восточный Герой он очень скоро встретится.

День нехотя уступает место прохладной ночи. Солнце печально прячет лучи в море один за другим словно в огромный сундук. Они не хотят, норовят вырваться и тогда солнцу приходится самому садиться на синюю крышку сундука, чтобы не выпустить их на волю раньше времени. Оно проваливается глубже и глубже и вот уже только сверкающая макушка остаётся над горизонтом.

- Принцесса, вы скучаете? - раздался тихий голос Елены, самой близкой подруги.

Анна нехотя отвела взгляд от уходящего солнца, повернулась.

- И да и нет, - пожала плечами, - сама не знаю. Почему-то нет настроения последнее время.

- Ах, у нас приступ меланхолии! - засмеялась Елена.

Анна прошла с террасы в комнату, присела на краешек дивана.

- Да, а что тебя удивляет?

- Не вижу причины.

- Это не значит, что её нет, - вздохнула Анна, - она появится в самый неподходящий момент. А разве у тебя не бывает так?

- Не-а, - беззаботно ответила Елена, - я иначе смотрю на жизнь. Сегодня всё хорошо и ладно, а завтра посмотрим. Ты слишком любишь заглядывать вдаль. Это у тебя врождённое плюс воспитание во дворце.

- А как иначе? Я воспитана как будущая жена монарха.

- А я, слава Богу, нет и поэтому живу сегодняшним днём. Слушай, - зашептала она, почему-то оглядываясь, - мне сказали, что в цирке за пристанью, ну, в котором косая Зинка хозяйка, появился новый гладиатор. Оч-чень красивый мужчина, дерётся как бог войны и хорошо воспитан.

- Господи, Елена, ну как человек, что дерётся за деньги, может быть хорошо воспитан?

- Может. Он не красуется перёд зрителями, не стучит кулаками в грудь и не любит убивать. А деньги ... - девушка мечтательно подняла взгляд на тёмное нёбо, прижала руки к груди, - мало ли какие причины у мужчин бывают, что они идут в гладиаторы. Может, у него есть любимая девушка, но она тяжелобольна, на лечение нужны деньги и вот он вынужден рисковать ради любимой, биться не на жизнь, а насмерть, но старается сохранить благородство и поэтому ...

- Остановись, сказочница, - засмеялась Анна.

Елена скромно опустила глазки, тонкие пальцы с ярко накрашенными коготками царапнули складки платья.

- Пойдём, посмотрим, а?

- Да ты что? Сестра императора пойдёт в цирк смотреть на драку? Ты знаешь, что такие развлечения строго запрещены законом и церковью, - Анна укоризненно посмотрела на подругу.

- Ну, не так уж строго, раз всё ходят, - ответила Елена, преувеличенно внимательно рассматривая крашеный ноготок на безымянном пальце, - оденемся поскромнее, лица укроем платками, я как раз недавно купила два новых, очень красивые, ещё ни разу не одевала, некуда было...

- Елена!

Подруга надула губы. Обиженно повела конопатым носиком в сторону, где располагаются покои венценосного брата Анны, Василия, недовольно закатила глаза под самые брови.

- А ему можно переодеваться простым горожанином и бродить по улицам вечерами?

- Брат узнаёт нужды простого народа, - неуверенно ответила Анна, - вельможи часто врут о положении дел в стране.

- Да, так и ходят по очереди. Узнавать...

- Елена!

- Хорошо, хорошо... Давай тогда станем вышивать крестиком. Мало ли что понадобится будущей жене монарха. Нитки принести? - спросила Елена, скромно сложив ручки на коленках.

- Если тебя интересуют красивые, сильные мужчины, то во дворце достаточно императорских гвардейцев. Ниток не надо.

- Ах, ну причём здесь дворцовые гвардейцы с нитками! - всплеснула руками Елена, - они целый день стоят, как истуканы и таращатся на каждую юбку. Мне кажется, - прыснула в кулачок девушка, - что им под доспехи палку вставляют, что бы они не падали. А вот там, за пристанью, о-о ... Бойцы выходят на арену в одних набедренных повязках, всё стройные, налиты силой ... А лица какие - строгие, жёсткие. Не то, что у этих слащавых

красунчиков. Так принести нитки?

- Да что ты пристала ко мне с этими нитками? Не хочу я ничего вышивать! А какие платья оденем к твоим платкам? У меня всё такие, что сразу узнают.

Наступил день представления. Обычно с самого утра участники схваток шли к Рыжей, где парикмахерша с помощницами приводила сиволапое мужичьё, как она выражалась, в божеский вид. Гладиаторов причёсывали, красили, одевали в костюмы. Так было и на этот раз. Александра привели последним, когда на арене уже начались первые бои. Парикмахерша работала быстро, уверенно и уже через пятнадцать минут Александра вели обратно. На выходе он взглянул в огромное зеркало. Сморщился так, будто укусил недозрелый лимон. В этот раз из него сделали варвара.

В представлении Зины всё варвары были голыми, даже если жили в далёких в северных лесах. Холодная погода, огромное количество насекомых в лесу, да просто сучья, кустарники, сухие ветки, что рвут шерсть вместе с кожей у лесного зверья, в расчёт не принимались. Варвар должен быть голым, ну, в крайнем случае, в штанах, мускулистым и лохматым. Лицо суровое, неподвижное, как от частичного паралича, взгляд подозрительно сощурен. Каждый зритель, сидя в непринуждённой позе, закинув ногу на ногу, одетый модно, со вкусом - так считает он сам! - преисполняется чувством превосходства, глядя на туповатого варвара, который с кем-то там борется, сражается, преодолевает препятствия и трудности. Он, зритель, намного умнее и проницательнее этого, что на арене или сцене, всё равно. Этому умному и проницательному и в голову не приходит, что на самом деле он дурак и лох, которого просто разводят на деньги. По-настоящему умён тот, кто это зрелище организовал. Он долго и внимательно смотрел на стадо, пытаясь понять, что это стадо хочет видеть, а когда понял, какого развлечения ждут простолюдины, то дал им его. Простолюдин считает, что на севере варвары носят набедренные повязки? Пожалуйста, только повязку сделаем из шкуры волка - там ведь холодно. Варвары бродят в густом лесу и сражаются друг с другом или с медведями - почти одно и то же - длинными двуручными мечами? Повесим каждому за спину по мечу, такие в варварских лесах под каждым кустом валяются. У них длинные, густые волосы, чисто вымытые и уложенные в красивую причёску? Сделаем, ведь каждому дураку известно, что в диком лесу полным полно диких цирюльников, ну просто на каждой поляне сидят. А рядом тазик с горячей водой.

Из прямоугольного, размером с солдатский щит, зеркала на

Александра недовольно смотрит он сам, вокруг ягодиц обёрнут кусок шкуры волка, на ногах тёплые меховые сапоги шерстью наружу. И всё! Волосы взбиты, тщательно переплетены тонкой проволокой и уложены пышной гривой, закрывающей шею и половину спины. " Настоя-ящий северный варвар, - презрительно подумал он, - покажись я в таком виде в Киеве, камнями бы закидали". На этот раз не было кандалов. Видимо, Зина сочла, что теперь уже никуда не денется и достаточно обычной стражи неподалёку. Александра подвели к хозяйке, она всегда лично проверяла главных героев представления перёд выходом на арену.

- Превосходно, - пробормотала, внимательно осматривая его с ног до головы, - а теперь выдайте ему меч.

Антип предостерегающе крякнул и выразительно посмотрел на Зину.

- Выдайте меч, - повторила она. - Отведите к арене, пусть смотрит на представление. Всё ясно?

Антип вздохнул, вытер ладонью потную шею. Молча пошевелил толстыми пальцами и тот час расторопные стражники принесли меч в ножнах. Александр привычно забросил за спину и, не дожидаясь команды потеющего Антипа, зашагал к ограждению арены. Подошёл, положил руки на отполированную частыми прикосновениями ограду. Вскоре за спиной раздалось сопение, скрип мнущейся кожи, густо повеяло псиной - явилась охрана.

Сегодня годовщина какой-то битвы, в которой ромеи одержали важную победу над врагами. Сражение произошло давно, едва ли не два десятка лёт тому. Пришли ветераны, притащили с собой молодёжь из числа родственников, внуков. Явились так же и нынешние продолжатели славных традиций прошлого с подругами или жёнами. Места заняты всё, зрители сидят в проходах, на ступеньках, на стульчиках и приставных скамеечках. Полный аншлаг, как всегда. Зина не стала придумывать чего-то необычного к юбилею. Половина сражающихся играли роль благородных ромеев, другие изображали врагов империи - злобных и коварных арабов, болгар и русов. Однако злодеи вовсе не были склонны проигрывать по поводу юбилея, сражались хорошо. Трибуны шумели, волновались. Зрители азартно делали ставки и на тех, и на других. Постепенно стало ясно, что те, кто бьётся за ромеев, проигрывают. Это вызвало лёгкое недовольство зрителей из числа ветеранов и солдат гарнизона. Ничуть не обеспокоенная, Зина приказала усилить ромейскую группу опытными гладиаторами и продолжать представление. Она не боялась, потому что в конце

собиралась выпустить на арену Восточного Героя, ряженого под императора. Такой козырь крыть нечем и некому.

Александр молча смотрел, как убивали и калечили друг друга греки, арабы, чернокожие африканцы и славяне. Белый песок арены то и дело заливало кровью, падали мёртвые и раненые. Когда схватка заканчивалась, трупы уносили, песок выравнивали, насыпали чистого вместо убранного с кровью. Выходили новые бойцы и забава продолжалась. Над ареной, трибунами со зрителями стоит плотный, тяжёлый запах скотобойни и слабый ветерок с моря не в силах разогнать его. Вдруг случилось неожиданное. Когда славные воины империи разгромили мерзкую банду подлых арабов, на арену выпустили викингов. Их недавно захватили в плен в одном из морских походов имперского флота и Зина, воспользовавшись удобным случаем, приобрела оптом десяток новых гладиаторов. Викинги стали в круг. На них только рогатые шлемы, кожаные сапоги и дурацкие набедренные повязки из воловьих шкур. Мечи и щиты свои. Десять здоровенных голых мужиков, обожжённые до красноты непривычным солнцем, глупо стояли посредине арены. С трибун кричат, свистят, швыряют мусор. Из противоположных ворот выбежали ромеи. Всё в белых плащах, белых перчатках, сапожках, волосы перехвачены серебристым обручем. Белые щиты с красными крестами посередине смыкаются в линию. Трибуны взвыли от восторга, завизжали женщины и дети. Объявляющий дал команду и бойцы атаковали друг друга. Несмотря на поддержку зрителей и немалый опыт цирковых боёв, ромеи довольно быстро начали отступать. Злые, бесстрашные викинги рубились так, как они это делали в бою - не щадя жизни. Гладиаторы ромеи были не рабами, а вольнонаёмными цирковыми бойцами и погибать даже за большие деньги вовсе не хотели. Но просто убежать нельзя - пока ты на арене, соперник может убить тебя, даже если бросил оружие. Таковы правила цирка. Зина, внимательно следившая за ходом сражения, сразу поняла, что могут быть неприятности и приказала немедленно выпускать Восточного Героя. Взмахом руки подозвала объявляющего, бросила несколько слов. Усач низко поклонился, кинулся к арене. Выпучив глаза от напряжения, весь красный, закричал, перекрывая шум схватки:

- На помощь солдатам императора спешит Восточный Герой!!!

Александр оглянулся на шум за спиной. Из полумрака, почти непроницаемого после залитой солнцем арены, неспешно показывается громадный, словно айсберг, Герой, весь в белом и золотом. Толстые, тумбообразные ноги обуты в белые сапожки, закрыты стальными поножами с золотой насечкой посередине.

Бёдра обтянуты белым шёлком, выгодно оттеняющим загорелые ноги и живот. Мощные гениталии воинственно торчат, будто Герой собрался воевать ими, а не огромным двуручным мечом, что небрежно лежит на крутом плече в позолоченных ножнах. Безобразно раздутая глыбами мускулов рука в белой перчатке крепко сжимает рукоять. Места осталось ещё на три ладони. Живот перетянут широким белым поясом с громадной золотой пряжкой. Тяжёлые мясные складки свисают с боков. Из живота в белом поясе, как из мраморной клумбы вырастает великолепный торс, словно волосатая репа, сплошь в буграх мышц. Спина укрыта шёлком белого плаща с золотой каймой. На бревнообразной левой руке, корявой от вздувшихся мускулов, небрежно висит белый, с красным крестом, щит. Голая, абсолютно безволосая, как попка младенца и такая же маленькая голова увенчана золотым обручем с зубцами, отдалённо напоминающим корону. Герой величественно выступил из тени в солнечный круг арены и ослепительный водопад света обрушивается на его плечи. Мощные руки возносят щит и меч к нёбу. Цирк дрогнул от радостного рёва зрителей, приветствующих любимца. Всём стало ясно, что враги империи, гадкие викинги, щас будут изрублены в капусту и жить им осталось секунду.

Викинги оценили нового врага. Молча, как стая волков, бросаются в атаку. Оставшиеся в живых ромейские гладиаторы беспрепятственно уползают с арены. Злые, точные удары посыпались на Восточного Героя со всех сторон. Но он оказался гораздо проворнее, чём был на первый взгляд. Прыжком ушёл в сторону от первой атаки, перекувыркнулся, стал в стойку. На мгновение трое викингов оказались в пределах досягаемости его меча. Герой наносит удар с длинного замаха самым кончиком двуручного меча … один … другой. На песок полетели обломки щитов, два викинга падают замертво, третий, шатаясь, отступает за спины товарищей. Тактика сражения Восточного Героя заключалась в том, чтобы не давать превосходящим по численности викингам зайти со спины. Тяжёлый, толстый щит легко принимал удары с одной стороны, с другой меч, почти вдвое длиннее, чём у викингов, отражал атаки и бил в ответ. Удары мощные, точные и викинги, обливаясь кровью, падали один за другим. Когда противников осталось всего четверо, под свист и радостные вопли зрителей Герой красиво отшвырнул ненужный щит. Громадный меч взметнулся к нёбу и пал на головы врагов, словно божий гнев. Быстро-быстро засверкал призрачный крест - Герой рубил крест-накрест, не заботясь о защите. Полетели обломки мечей, отрубленные руки, кровь не

брызгала, а плескалась горстями ...

Через несколько мгновений бой закончился полной победой Героя. Трибуны хохочут, скандируют здравицу победителю. На кровавый песок летят букеты. Герой медленно шествует по кругу почёта и розы сыпятся с нёба, лепестки цветов прилипают к потным плечам, груди, остаются на лице. Глаза расширены, жадно смотрят вокруг, словно ищут врагов ещё и ещё. Внезапно Александр почувствовал не себе чей-то взгляд. Обернулся. Глаза встретились с чёрными зрачками Зины. Она мгновение всматривалась в него, словно не узнавая, потом повернулась к стоящему рядом Антипу, что-то сказала. Тот на секунду замер от удивления, потом ухмыльнулся и исчез. Облитый чужой кровью с ног до головы Восточный Герой дошёл только до середины круга почёта, когда появился усатый объявляющий. Поднял руки, призывая к тишине, объявил:

- Дорогие гости! По обычаям нашего цирка победитель схватки получает награду - самую красивую женщину Константинополя. Но сегодня решено отступить от правила.

При этих словах толпа негодующе взвыла.

- Нет, нет, - успокаивая зрителей крикнул объявляющий, - награда не уйдёт от Героя. Он получит её прямо здесь и сейчас!

По взмаху руки стражники вывели маленькую упирающуюся женщину, закутанную с ног до головы в белый мафорий. Один из стражников грубо дёрнул край, тонкая ткань затрещала и разорвалась. На женщине остался только небольшой, размером с полотенце, кусок мафория, которым она безуспешно пыталась закрыться. Зрители довольно зашумели, предвкушая новое зрелище. Восточный Герой, до этого недовольно наблюдавший за внезапной помехой на пути к славе, вдруг переменился. Он дико закричал, безобразно разевая рот, отшвырнул ненужный меч и бросился на женщину. Та замерла, парализованная страхом, словно суслик возле норки. Тысячи зрителей, затаив дыхание, наблюдали, как здоровенный Герой на бегу сорвал с себя остатки одежды и накинулся на женщину, как горилла на кролика. У него видимо что-то помутилось в голове, потому что он прямо упал и покатился по окровавленному песку вместе с ней. Остановился, швырнул женщину прямо на трупы викингов и, на глазах тысяч людей, стал насиловать. Настала гробовая тишина. А потом цирк взорвался воплями. Зрители орали так, что тряслась земля и сыпалась пыль с крыш. Пожилые ветераны, мужчины и женщины вскочили с мест, кричали, прыгали и визжали, глядя на страшную сцену.

Александр видел, как на арену вывели маленькую женщину. Ему и в голову не могло прийти, для чего. Что-то знакомое было в

женщине, он вгляделся, вспомнил - это же Марфа, та девочка, что Зинкина мамаша подсунула ему тогда на ночь. Та самая девочка, которую отдали за копеечный долг поработать неделю, другую...

Время вдруг остановилось! Что-то произошло вокруг, в голове, что-то непонятное. Он словно стал видеть сразу несколько картинок, как будто у него не одна пара глаз, а три, как у паука. Видел падающего на девочку Восточного Героя, голого, безумного, его толстые пальцы, срывающие остатки одежды. Видел себя, очень медленно перемещающегося в сгустившемся пространстве, руку, что никак не может достать меч из-за спины - застрял, что ли? Шум трибун накатывает волнами, то усиливаясь, то стихая. Тёмное ударило в грудь, с треском разлетелось, исчезло - ворота? Проклятый меч наконец-то выполз из тесных ножен, неторопливо поплыл над головой. Ноги в дурацких сапогах из волчьей шкуры почему-то проваливаются в песок арены чуть не до колен, а иначе как объяснить, почему так медленно и тяжело бежать? Откуда ни возьмись, вплыли двое стражников, тех самых, что вывели Марфу. Им чего-то надо от него, вон как рты разинули - кричат? - за мечи хватаются... Некогда! Недовольно кривясь, отмахнулся той рукой, в которой меч. По руке дважды лёгонько стукнуло, видно, задел ... отсечённые головы стражников подпрыгивают и на мгновение зависают в воздухе. Брызжут фонтаны крови из перерезанных сосудов. Два тела, ещё живые, одновременно шагнули. В следующее мгновение трупы валятся на песок, катятся головы ...

... тут же забыл.

Александр мучительно медленно продирается через сгустившееся пространство арены и эта медлительность доводит до бешенства. Черно-красная ярость поднимается откуда-то из-под земли, заполняет всего, выплёскивается через край диким криком лютого зверя. Насильник приближается очень медленно, но всё-таки приближается. Он услышал его, Александра, крик и неспешно обернулся. Их глаза, глаза человека и нелюди встретились и тут время словно сорвалось с цепи, так показалось Александру. На самом деле он вернулся в него и оно пошло как обычно. Нелюдь сразу понял, что его ждёт. Вскакивает, рука хватает воздух - меч оказался далёко в стороне. Там, куда сам же и бросил. Под рукой только щит. Поднимает и тот час страшный удар обрушивается сверху. Деревянный щит, окованный широкими полосами толстой стали, который не пробить и копьём, разлетается на куски, как глиняный. В руке остаётся только стальная перекладина, за которую держат щит. Она спасла руку, без неё отрубило бы. Удар настолько силён, что рука омертвела. Нелюдь скрутило от боли, удар отбрасывает далёко в

сторону. Восточный Герой вынужден бежать несколько шагов, чтобы не упасть. Меч по инерции глубоко врубается в землю. Александр рывком вытаскивает, поворачивается к нелюди. Тот косолапо убегает, абсолютно голый, весь в крови.

Александр бросил взгляд на неподвижную девочку и сразу понял, что мертва. Он опоздал. Оборачивается к Восточному Герою, идёт навстречу. Неторопливо, торопиться уже некуда. Знал, что сейчас убьёт его. Однако «геройская» тварь вовсе не собиралась сдаваться и уж тем более не чувствовала вины. Немного растерянный и сбитый с толку, Восточный Герой полон сил и горел желанием отомстить за публичный позор. Наклоняет маленькую голову. Зубцы короны нацеливаются на Александра, как маленькие острые рожки. Александр стремительно бросается навстречу. Он ничего не высчитывал, у него не было плана сражения с опасным противником. Просто хотел убить любым способом. Как только враг оказался в пределах досягаемости, рубанул изо всех сил, целясь мечом по рогам. Герой быстро уклонился, но недостаточно - острый кончик лезвия рассёк позолоченную корону, наискось пропарывает лицо. Кровавая борозда до кости разваливает бровь, глаз лопается, словно мыльный пузырь, лезвие вскрывает левую щёку и челюсть. Белый комочки зубов падают на песок следом за половинками короны. Вздутые мышцы левой груди разваливаются пополам, кровь хлыщет потоком. Зрители ахнули в один голос - такого удара их любимец ещё не получал! У него вообще не было шрамов. До сегодняшнего дня.

Оглушённый, мучимый острой болью и растерянный, Восточный Герой бросается в слепую атаку. Длинный тяжёлый меч завертелся в воздухе, с визгом распарывая пространство и тысячам людей, что замерли на трибунах, показалось - ничто и никто не остановит смертоносное вращение. Александру было всё равно, выживет в этом бою или нет и он тоже бросился в атаку, не заботясь о защите. Два меча столкнулись в горячем воздухе арены раз, другой, третий ... Удары сыпятся с необыкновенной скоростью, всё пространство вокруг арены звенит и трещит, словно хрустальное поле рассыпается на мелкие куски. Будто дьявол молотит подкованными копытами по стеклянному полу. Никто не понимает, что происходит на арене. Противников окутывает облако белой пыли, внутри сверкает, гремит, словно клубок молний пытается вырваться наружу.

Внезапно всё стихает. Из облака пыли, шатаясь, выходит Александр. Всё тело засыпано белым. Только меч, огромный, зазубренный, чёрен от крови. На белой коже появляются тёмные пятна, наливаются, набухают и вот тоненькие ручейки крови

бегут вниз, по лицу, по груди на живот и далее по ногам. Страшная белая фигура воина, заливаемая кровью медленно идёт к трибунам. За спиной, в опадающей пыли валяется разрубленное на куски громадное тело бывшего Героя. Засыпанное пылью и песком, издалёка кажется, что это кровавый нарыв, вскрытый безжалостной рукой, растекается отвратительной жижей. Кто-то не выдержал, тонко завизжал. Расталкивая толпу остолбеневших зрителей, первыми бросились бежать женщины, за ними мужчины, дети. На трибунах поднялась паника, сразу сотни людей бросились к выходам, но они были очень узкими, рассчитанными на выход по одному, два. Началась давка. Передние, прижатые к ограждению, дико кричали, не в силах вырваться. Напирающие сзади давили так, что затрещали перила, десятки мгновенно задохнулись. Наконец, ограждение не выдержало, рухнуло и вслед за ним повалились трибуны. Передние ряды погибли почти сразу под тяжестью трибун, сверху падали новые и новые люди, калечась на обломках, на них прыгали другие. В нагретом, неподвижном воздухе почувствовался запах дыма. Видимо, в комнатке под трибунами, а там было много разных помещений, горела лампа или очаг. Деревянные перекрытия рухнули и огонь стал распространяться. Сначала из горы обломков поднимался дым, всё сильнее, а потом вспыхнуло! Рыжее пламя выпрыгнуло из тьмы развалин и начало стремительно пожирать трибуны.

Александр медленно брёл к останкам девочки, не замечая ничего вокруг, не слыша криков и не чувствуя боли в разъедаемых солью ранах. Блуждающий взгляд случайно упал на какой-то ворох тряпья. Это оказался плащ Восточного Героя. Поднял, стряхнул пыль. Бережно укрыл трупик, взял на руки. Он смутно помнил, что где-то рядом есть ворота, надо туда. Под единственной уцелевшей трибуной мечутся люди, что-то кричат. Никто не обращает внимания на гладиатора с мёртвой девушкой на руках. Длинный коридор оборвался, появляется свет. Мир вокруг как-то странно расплылся, глаза защипало, наверное соль попала, подумал Александр. Так и брёл, не замечая никого вокруг, пока не упёрся в забор. Потоптался на месте, не зная, куда идти, потом свернул направо, дошёл до угла сарая и там просто сёл на землю. Белый плащ насквозь пропитался кровью, течет по рукам, капает на землю. Долго сидел, ни о чём не думая, просто глядя вдаль. Когда в глазах перестало всё расплываться, поднял голову.

Далёко-далёко, вверху, на недосягаемой высоте плывут облака. Обгоняют друг друга, сталкиваются, разлетаются в разные стороны. Он вдруг представил себя таким облаком, высоким и

равнодушным к земным делам. Что им, небожителям, наши заботы? Суета глупых насекомых. Много ли мы обращаем внимания на то, что творится у нас под ногами? Стало одной козявкой меньше и что? Сколько их, маленьких людей, гибнет каждую минуту на этой земле, тысячи и тысячи. И столько же появляется на свет. Остро захотелось домой. Ласковое, тёплое море, солнце, всегда синее нёбо, люди, смуглые и кареглазые, весёлые и добрые, быстро забывающие обиды. Но всё - и люди, и море чужое. " Как хорошо пройтись по прихваченной первым морозцем земле, - подумал Александр, - и что бы ледок хрустел ... А ещё лучше, когда дождь со снегом, ветер, тучи ползут над вершинами деревьев, а ты дома, возле печки. Печь дышит тёплом, из-за небрежно закрытой заслонки багровеют догорающие головешки и пахнет берёзовым дымом. За стеной холод собачий, сырость, а тебе всё равно. Вышел на минутку на крыльцо, постоял и убежал обратно в душистое тепло. А баня? Да с веником? Эх, ядрёна мать, что ж я делаю в этой дыре, а?" Он застонал сквозь зубы, выругался.

- Эй! - раздался тихий старческий голос, в плечо лёгонько толкнуло.

- Ну, - буркнул Александр, не открывая глаз.

- Ты истекаешь кровью, гладиатор. Раны надо промыть и перевязать, - произнёс тот же голос.

Александр с трудом разлепил веки. Склонившись над ним, стоит какой-то человек, одетый в пыльное старьё и осуждающе качает головой.

- Тебе-то что? - ответил Александр и снова закрыл глаза.

- Рано ещё умирать, а здешняя соль быстро разъест раны. Они начнут гноиться и тебе конец.

Кряхтя и опираясь на руки, как древний старик, Александр поднялся. Обеспокоенные раны запекло так, что чуть не застонал, но перёд незнакомым человеком неудобно. Он и сам понимал, что оставлять всё, как есть, нельзя, раны действительно загноятся.

- Ну, веди тогда, Гиппократ, - невесело пошутил он, - к ближайшей бочке с водой.

- Я не Гиппократ, а Феофан, - ответил незнакомец и Александр вспомнил - это же уборщик, с которым Антип, старший стражник, разрешил разговаривать. - Иди за мной.

Феофан провёл Александра за сарай, свернул за угол. Недолго идут между старыми пустыми ящиками и, наконец, подошли к каморке Феофана. Тот же сарай, только меньше. Открыл дверь. Александр вошёл и хозяин сразу мотнул головой в сторону умывальника, а сам принялся тщательно закрывать

запоры. Александр послушно направился к воде - раны действительно сильно жгло. Проходя мимо грубо сделанной деревянной полки, увидел книги. Это было настолько неожиданно и удивительно, что едва не споткнулся. Феофан, заметив изумление гостя, удивился ещё больше:

- Грамотный гладиатор? Чудеса!

Спустя полчаса туго перемотанный чистыми бинтами Александр лежит на жёстком топчане. Тело горит огнём, раны ноют и чешутся невыносимо, но это были признаки выздоровления. Феофан густо смазал всё порезы целебным снадобьем. Запах незнаком, как Александр не принюхивался. Не выдержал, спросил:

- Зелье-то из чего готовил?

- А тебе лучше не знать, - ответил Феофан, - тут сухопутных трав мало, водяными пользуемся, да ещё гадов морских сушёных добавляем.

- Ага, гадов, значит, сушёных... - задумчиво произнёс Александр. - Ну, да ладно, лишь бы помогало.

- Поможет, поможет, не сомневайся. Ты засни лучше, - посоветовал Феофан.

Когда Александр проснулся, за маленьким окошком было темно. В комнате горит свет. Спина, затылок - всё занемело на жёстком топчане. С трудом повернулся. За плетёным из прутьев столом сидит на таком же плетёном стуле подметальщик и быстро пишет на длинном пергаменте. На столе ярко горит масляный светильник, рядом лежит раскрытая книга. Феофан пишет с неё. Время от времени отрывается от пергамента, читает, недовольно хмыкает, что-то бурчит под нос и продолжает писать. Александр уже привык, что окружающие его люди делают что угодно, но только не пишут и, тем более, не читают. Если бы Феофан сейчас кому нибудь резал горло тупым ножом, он бы и не удивился. Но человек читающий и пишущий - это уже из ряда вон выходящее, это сказка наяву. Топчан скрипнул. Феофан оглянулся.

- А-а, проснулся ... Как жизнь?

- Сушёные морские гады помогают, - вежливо сообщил Александр.

- Ну так! Сушёный гад с протёртым хреном - это вещь. Не то, что этот хфилософ римский, - ответил подметальщик и презрительно сплюнул в угол. Слово философ он произнёс как-то с буквы "х" и ударение поставил на последний слог.

- Чём же плох римский философ, - спросил Александр, осторожно вставая с топчана. - Отрицает основы мироздания?

- Да он в них вообще не смыслит, - пренебрежительно

отмахнулся Феофан, откидываясь на спинку стула, - это же Сенека.

Сказано так, как будто Сенека был ни разу не грамотным крестьянином с явно выраженными признаками слабоумия.

- Не думаю, что консул Рима Луций Анней Сенека был глуп, - ответил Александр, присаживаясь рядом на лавку.

- Что?! - Феофан подавился воздухом, глаза вылезли на лоб от удивления, он закашлял так, что Александр испугался, как бы кровь горлом не пошла, словно у чахоточного.

- Ты читал Сенеку? - просипел он изумлённо, - не может быть. Наверно, случайно слышал, запомнил ...

- Нет, почему случайно, я в школе учился, в княжеской, в Киеве. Нам учитель о нём рассказывал.

- А-а, ты этот ... Золотая Грива, вот, вспомнил! Кхе... тьфу... вот не ожидал встретить здесь учёного человека. Я думал, ты только мечом махать умеешь. И что, ты считаешь, что Сенека прав?

- Ну, смотря в чём, - осторожно произнёс Александр. Сенеку он действительно не очень хорошо знал, а если честно, то вовсе не знал. Имя помнил, да, но где ему было заниматься философией последнее время?

- Смотря в чё-ем ... - передразнил Феофан, - ладно. Вот смотри, сейчас ты гладиатор, ну, судьба так повернулась. Скажи, достойно ли человека, даже если он раб или гладиатор, уходить из жизни просто так, как попало? Вот что пишет по этому поводу Сенека. Так... ага, вот, сейчас переведу с варварской латыни на греческий ... так ... вот, слушай!

"Недавно перёд боем со зверями один из германцев, которых готовили для утреннего представления, отошёл, чтобы опорожниться - ведь больше ему негде было спрятаться от стражи; там лежала палочка с губкой для подтирки срамных мест; её-то он засунул себе в глотку, силой перегородив дыхание и от этого испустил дух. - "Но ведь это оскорбление смерти!" - Пусть так! - " До чего грязно, до чего непристойно!" - Но есть ли что глупее, чём привередливость в выборе смерти? Вот мужественный человек!" Каково?

- Он не хотел оставаться рабом, - угрюмо ответил Александр и подумал - А я?

- Ну, согласен. Сенека пишет далее: " Самая грязная смерть предпочтительней самого чистого рабства". Но! Не лучше ли погибнуть в бою на арене, чём вот так? Достойно ли воина и мужчины - а гладиатор по определению воин - уходить как попало?

Александр встал. Он почти весь забинтован, на белой ткани

проступили многочисленные тёмные пятна от мази, запах исходит просто гадский. Ну, как мумия ожила и стала ходить по комнате. Подошёл к зарешеченному окну, глухо спросил:

- Там девушка мёртвая была ... ну, я с арены унёс. Где она?

- Приз для Восточного Героя? Да выбросили за забор. Бродячие собаки уже съели, - равнодушно ответил Феофан.

- За забор!? Собакам!?

- Ну да. А куда ж ещё? Тут таких, как она, знаешь, сколько перебывало? Не сосчитаешь, - удивлённо ответил философ подметальщик, - слушай, ну, всё-таки, что ты, сам гладиатор, вот об этой мысли Сенеки думаешь?

- Палочки для подтирки? Думаю, германец был не прав, - рвущимся от сдерживаемой ярости голосом произнёс Александр, - хотя и не мне судить его.

- Да? Ну ладно, что-то ты разволновался так, прямо не знаю... Ложись спать.

Рано утром Александр проснулся от того, что на руки, ноги навалилась внезапная тяжесть. Лицо закрыли толстые потные ладони, так что он ничего не мог увидеть. Ощутил прикосновение холодного железа, услышал лязг цепей. На него снова надели кандалы. Тяжесть отпустила, убрались ладони с лица. Открыл глаза, сёл. Первое, что почувствовал и увидел - это железные кольца на руках и ногах. Цепью скованы ноги, а от кандалов на руках цепи расходятся в стороны. Каждую держит стражник, двумя руками. Внимательно рассмотрел заклёпки, измерил взглядом толщину цепей.

- И не надейся, - раздалось над ухом, - всё сделано как надо.

Поворачивает голову – рядом стоит ухмыляющийся Антип. Это его ладони удерживали голову, пока надевали кандалы. Не говоря ни слова, оборачивается к Феофану. Тот сидит в уголке, сгорбившийся, несчастный. Глаза безостановочно перемещаются по каморке, не останавливаясь ни на секунду ни на чём. Почувствовав тяжёлый взгляд, прячет руки на груди, голову вжимает в плечи.

- Ну, вставай, идём! - довольно взревел Антип, - их светлость Зина желает говорить с тобой.

- С каких пор шлюха стала светлостью?

- А вот с таких самых... ха-ха... В нашей империи демократия, понял? Простой солдат может стать полководцем, а то и самим императором, а простая...

- ... шалава может стать императрицей, только сначала её перепробуют всё солдаты, - закончил фразу Александр.

Антип угрожающе засопел, набычился. Покраснел от злости, срывающимся на хрип голосом ответил:

- Умный, да? Ну, ничего... Светлая Зина не велит трогать тебя. Пока! Но я упрошу её отрезать тебе язык, на арене он не нужен. Эй, вы, болваны, тащите его на выход! - заревел на стражников. Те глупо тянут цепи в разные стороны, застревают в дверях.

- А-а-а! - заревел Антип и от злости затопал ногами. Александр усмехнулся. Быстро наматывает цепи на руки, дёргает стражников на себя. Даёт пинка одному, шагает вслед за ним, второго тянет за собой, как бычка на верёвочке. Антип выходит следом, люто вращая глазами и ругаясь последними словами. Стражники подошли к простой деревянной беседке, сплошь увитой виноградом. Выходит Зина, критически осматривает Александра. Он весь в бинтах, пропитанных пахучей мазью. Кое-где полосы ткани размотались, обнажив раны.

- Хорош-ш, - произносит Зина сквозь зубы, - ладно... Эй, Антип! Этому подметальщику... как его... Феофану заплати сотню золотых и дай на ночь бабёнку почище. Только женщину выбери опытную, а то он сам уже разучился, наверно... - стражники угодливо заржали при этих словах, загыгыкал Антип. - Этого, - ткнула пальцем в Александра, - в каморку и стеречь как следует. Да, вот ещё что... У подметалы забери мазь, отдай Золотой Гриве, пускай долечивается. Понадобится ещё, бычок.

На старом топчане Александр с наслаждением потянулся и так, с вытянутыми руками, падает на доски. Топчан недовольно скрипнул, Александр улыбнулся - поздоровались! Закинул руки за голову, задумался. По дороге от угрюмых, неразговорчивых стражников узнал, что цирк не сгорел, как он надеялся. Совсем рядом пролив, воды хватает и горящие трибуны потушили. Потом заменили новыми, Зина не пожалела денег на плотников. Уже на следующий день в цирке не осталось никаких следов пожара. Зато весь город обсуждал поступок гладиатора Золотая Грива. Как здорово отомстил за девушку из бедной семьи! Особую известность это приобрело в кварталах бедноты, где проживает большая часть населения Константинополя. Александр понял, почему Зина не приказывает убить его. Теперь на представления с участием Золотой Гривы эта беднота валом повалит, отдаст последнее, лишь бы увидеть кумира. Кто же режет курицу, несущую золотые яйца?

Когда принцесса Анна вернулась после представления, то долго не могла заснуть. Слуги попытались раздеть её, она прогнала их. Елена залезла в просторное кресло с ногами, свернулась калачиком. Анна быстро ходила по просторной спальне, никого не замечая. Скоро устала, сёла прямо на пол, на ковёр.

- Боже мой, Елена, ты ходишь смотреть такое! - тихо произнесла Анна, - ведь этому нет названия...

- Я не смотрела и не ходила на такое, - забубнила Елена из глубины кресла, - раньше всё было красиво, благородно... Хорошие парни сражаются с плохими и побеждают, вот. А в этот раз как нарочно, всё не так пошло. И откуда девка эта взялась, не пойму?

- Бедную девочку зверски изнасиловали на глазах у всех, Елена! Разве так можно?

- Она вовсе не бедная девочка, а шлюха из публичного дома для матросов, - отозвалась Елена, - нашла, кого жалеть! Да ты знаешь, сколько таких простолюдинок каждый день убивают в городе? Они всё воровки и проститутки.

- Ну, не всё, перестань. Я подозреваю, что всё было подстроено. До меня доходили слухи, что этот урод Восточный Герой был когда-то изгнан из гвардии за изуверские преступления. Он добровольно нанялся в гладиаторы ну и... в общем, он работал в цирке не только за деньги.

- Да-да, я тоже так подумала, - затараторила Елена, - у этого красавчика, его Золотая Грива зовут, была романтическая любовь к юной девушке из простонародья. Но могущественные завистники задумали погубить девушку и отдали её в руки изувера прямо на арене. Ты заметила, как бросился на помощь девушке Золотая Грива? Но он не успел спасти её, зато убил негодяя. Боже мой, как это возвышенно - трагическая любовь гладиатора и простолюдинки!

- А разве всё простолюдинки не воровки и проститутки? - спросила Анна.

- Ну-у... не в этом случае! - нашлась Елена.

- Ой, перестань, подруга, всё это грязно, жестоко и ничего возвышенного.

Принцесса встала с ковра, задумчиво произнесла:

- Только вот гладиатор этот, Золотая Грива. Мне кажется, что я его знаю. Что-то в облике, понимаешь? Посадка головы, разворот плеч, жесты... Лицо чужое, точно. Но почему мне кажется, что я его знаю? Или где-то видела? Я должна поговорить с ним, услышать его голос. Слышишь, Елена?

- Слышу и повинуюсь, повелительница, - сонным голосом ответила Елена, - только сейчас давай спать, у меня глаза уже не открываются. Я пошла.

Елена выбралась из кресла, побрела по ковру пошатываясь, словно вот-вот упадёт.

- До завтра, - сказала, зевая и скрылась за дверью.

Анна проводила взглядом подругу, снова вернулась мыслями

к происшедшему в цирке. Теперь она точно была уверена, что видела гладиатора по имени Золотая Грива раньше, но где видела и кем был этот человек, вспомнить не могла.

С утра Елена куда-то запропастилась и не появлялась во дворце весь день. Обычно она не отходила от принцессы ни на шаг, всё время крутилась рядом. К этому так всё привыкли, что даже император Василий, встретивший сестру во время прогулки по саду, спросил о Елене.

- Она простудилась, ваше величество, - ответила Анна, опуская глаза, - лежит у себя в комнате, пьёт чай с лимоном и не желает никого видеть до выздоровления.

- Это всё от гуляний в неположенное время и вызывающей одежды, - назидательно произнёс Василий, - надо не бродить по ночам и не одевать такое, что всё встречные мужчины таращатся. Надеюсь, тлетворное влияние вашей подруги не затронет вас, сестра.

- Да, ваше величество, я всегда помню, кто я, - сказала Анна и поспешила уйти. Брат был умён и очень проницателен и она боялась, что прочтёт в её глазах то, в чём она не сознаётся даже сама себе.

Елена появилась в покоях принцессы, когда сияющий круг солнца коснулся моря. Тихо постучала в дверь.

- Да! - крикнула Анна и тут же спохватилась - не стоит выдавать волнение даже близкой подруге. Уже спокойнее сказала: - Проходи, не скребись у входа, Елена.

- Как ты догадалась, что это я? - закрывая за собой дверь, спросила подруга.

- Только ты не стучишь в дверь, а скребёшь ногтями. Как котёнок.

Елена подошла к дивану, сёла. Глаза скромно опустила, ручки сложила на коленках. Обе подруги некоторое время сидели молча, с самым равнодушным видом, словно виделись только что, обо всём поговорили и сейчас хотят просто помолчать. Елена время от времени вздыхает, закатывает глаза к потолку, как бы показывая всём своим видом, что ничего нового не произошло, она ничего не знает, ну вот ей-богу ничегошеньки...

- Елена! - грозно постукивая согнутым указательным пальцем по полированной столешнице, произнесла Анна, - не изображай из себя дурочку. Я знаю, ты умная и всё знаешь. Рассказывай немедленно!

- Слушаюсь и повинуюсь, ваше императорское величество, - ответила Елена, продолжая невинно разглядывать узорный потолок, будто первый раз его видит, потом не выдержала, стала быстро-быстро рассказывать:

- Вот так, принцесса, ходила я в цирк косой Зинки - у меня там приятельница, очень приличная девушка … ты не думай, просто у неё временные денежные затруднения, она хочет дом в городе купить, маленький такой, в два этажа, но немного не хватает, так она устроилась к Зинке… э-э … подметальщицей. Целый день не разгибается, метёт и метёт, метёт и метёт…

- Елена! - строго оборвала Анна словесный поток, - меня не интересует твоя не разгибающаяся знакомая. Ты узнала то, о чём я тебя просила?

- Ты ни о чём меня не просила, принцесса, - удивлённо подняла выщипанные брови Елена, - но я всё равно узнала. Слушай…

Когда солнце скрылось за горизонтом и в чёрном нёбе зажглись голубые льдинки, в дворцовой стене тихо открылась неприметная калитка. Две женские фигуры, закутанные в мафории так, что не видно глаз, бесшумно вышли и тотчас пропали в темноте. Вскоре раздалось негромкое щёлканье бича, по камням звонко цокнули копыта и всё стихло. В этот вечер было очень жарко. Александр не мог заснуть, ворочался на жёстком топчане. Не выдержал и встал. Зачерпнул из бочки вёдро воды, вылил на топчан, ещё два на себя. Полегчало. Сёл на лавку, прислонился спиной к прохладной каменной стене, чтобы подождать, пока с топчана стечёт лишняя вода. Внезапно услышал, как тихо зазвенел запор на дверях с той стороны. Дверь приоткрылась и маленькая женская фигурка проскользнула в комнату.

- Мне только бабы не хватает в такую жару, - с раздражением произнёс Александр, - убирайся или ложись у порога, мне всё равно!

Женщина подошла к столу, сёла. Несколько мгновений молчала, словно не решаясь заговорить, потом полуутвердительно, полувопросительно воскликнула:

- Генерал Александр!?

- Гладиатор Золотая Грива, - буркнул Александр, не поворачиваясь к незнакомке.

- Нет, вы генерал Александр, - тихо возразила женщина, - лицо другое, но голос, интонации, манеры … Как вы здесь оказались?

Александр лениво повернул голову, сквозь зубы процедил:

- Ты кто такая, что б я перёд тобой отчитывался?

- А вы меня не узнаёте?

- Нет. Таки платья половина женщин Константинополя носит. И голос из-под тряпки глухой, как после пьянки.

Поколебавшись, женщина сняла платок. Александр

равнодушно посмотрел, отвернулся. Потом подскочил, будто подброшенный пружиной.

- Принцесса Анна!!!

- Тише, моё имя никто не должен услышать, - тихо ответила принцесса и поднесла палец к губам.

- Да, простите...

Александр опустился на лавку.

- Как вы здесь оказались, генерал и что всё это значит? - спросила Анна.

- Это спрашивает сестра императора? - усмехнулся в ответ Александр - Вам ли не знать дворцовые порядки.

- По нашим законам провинившегося казнят или отправляют в тюрьму, но никак не в цирк. Мы, восточные римляне, христиане, а не богомерзкие язычники, как западные. Это у них преступников осуждали в гладиаторы, у нас такого нет.

- А цирки есть, - криво улыбнулся Александр, - и гладиаторы тоже есть.

- За всём не уследишь в огромной стране, - ответила Анна, опуская глаза, - но я расскажу брату об этом безобразии, он примет меры.

- Как будто он сам не знает, что в столице есть цирк... Бросьте, принцесса, императору всё известно и если он до сих пор не спалил этот гадюшник, значит, он ему нужен. Например, чтобы избавляться от таких, как я. Только не понимаю, к чему такие сложности, не проще ли было тихо прикончить?

- Да за что же! - вскрикнула Анна. - Какое преступление вы совершили?

- Да как сказать... Император приказал взять один город в Болгарии. Я выполнил приказ, но не штурмом, а переговорами. Город сдался, болгары ушли. Ну, вы знаете, как император относится к болгарам. Он, видимо, счёл, что город надо было непременно спалить, а жителей перебить. Получается, что я не выполнил приказ императора, но город-то взят! Ну, вот и ...

- Это неправда!

- Что неправда?

- Я знаю брата, - Анна встала, нервно прошла по комнате, снова сёла. - Он недоверчив, жёсток и коварен, но такова судьба императора. Властелин полумира не может быть другим, иначе не удержаться на вершине власти. Слишком много вокруг врагов и просто завистников. Да, вы правы, я знаю дворцовые обычаи. Неугодный человек может незаметно исчезнуть навсегда, даже имя его не вспомнят, но для этого надо быть личным врагом брата. О вас я никогда не слышала ничего плохого, уж поверьте сестре императора... Тут что-то другое.

- Меня захватили по дороге в порт люди Зины, хозяйки цирка и портовых борделей. Она что-то болтала насчёт мести Марку, сына сенатора. Я вытащил его из глухой африканской дыры, куда он попал якобы в результате интриг Зины. Он не захотел на ней жениться когда-то там и вот она ему отомстила. Ну, а я помешал планам мщения, - задумчиво произнёс Александр. Сёл, прислонился спиной к прохладной стене. - Но не думаю, что она могла так сделать сама. Ей разрешили.

- Нет, если Зина вам всё рассказала, значит, так и есть, - принцесса накинула на голову платок, закрыла лицо. - Я знаю её. Она очень мстительна. Всегда добивается поставленной цели и любыми средствами. Кто-то сообщил ей, что вас отставили от службы - у неё большие связи везде и во дворце тоже. Воспользовалась удобным моментом. А чтобы вас не узнали, изменила вам лицо.

- Пусть так, - согласился Александр, - рад, что император не держит зла на меня. Но позвольте спросить, принцесса, а вам всё это зачем? Мы с вами виделись один раз и то мельком. Конечно, я очень благодарён вам за участие, но как-то странно, что сестра императора хочет помочь гладиатору.

Анна опустила глаза.

- Вы стали гладиатором не по своей воле, - смущённо ответила она, - вы много сделали для нас. Для меня вы генерал, а не гладиатор.

- Но всё же? - продолжал допытываться Александр. - В ложе для почётных гостей сидело немало знатных людей, правда, всё в масках, но многих нетрудно узнать. Возможно, узнали и меня. И никто, кроме вас, не захотел помочь.

- Вас всё ненавидели за силу, быстрый успех, за то, что удавалось легко и быстро то, что не могли они.

- То есть вы решили помочь тому, кто оказался наиболее полезен престолу, так? Хотите поспособствовать расторопному слуге, у которого неприятности. Я правильно вас понял?

- Нет! - воскликнула Анна. Встала, бледная и решительная, хотела что-то сказать ещё, но... опять сёла на лавку. Лицо стало спокойным, даже царственно спокойным, как и подобает принцессе при любых обстоятельствах. Только с бледностью справиться не сумела, лицо белело в скудном свете масляного светильника, как обсыпанное мукой. Александр поднялся.

- Простите, ваше величество, - учтиво произнёс он, склоняясь. - Я не имею права задавать вам такие вопросы. В вашей стране я пришелец. Генералом меня сделал ваш брат. Он же вышвырнул, когда разонравился. Теперь я снова стал тем, кем был - никем, вдобавок ещё и лицо потерял. Генерал Александр принял бы вашу

помощь, гладиатору Золотая Грива она ни к чему. До свидания.

- Вас могут убить, Александр, - тихо произнесла Анна, беспомощно теребя концы платка. Ему показалось, что глаза принцессы странно заблестели.

- Всё умрём, - ответил Александр, - в назначенный час. Вам пора, принцесса, общество гладиатора не для вас.

Когда принцесса Анна скрылась за дверью, медленно опустился на топчан, упёрся руками в края, будто боится упасть и долго сидел так, пристально глядя в тёмный угол. Не заметил, как мигнул несколько раз светильник и погас. В глазах давно было темно.

Ещё не успели как следует зажить раны, а гладиатора по имени Золотая Грива снова вывели на арену. Зина, для которой золото важнее всего, вынуждена была так поступить - зрители, собравшиеся в неимоверном количестве, требовали только его. Тысячи людей орали, свистели, топали ногами и выкрикивали имя - Золотая Грива! Недавно отремонтированные трибуны, до сего дня казавшиеся прочными и крепкими, теперь жалко скрипели, трещали под напором огромной массы и со стороны казалось, что весь цирк приседает и вздрагивает, угрожая развалиться, словно карточный домик. Чтобы глупо не потерять такого ценного бойца, Зина, скрепя сердце, приказала выдать хорошую броню. У неё был один комплект отличных доспехов, таких, что самому императору не стыдно надеть. Притом, что даже просто хорошие солдатские доспехи стоили достаточно недёшево, а за доспехи императорского гвардейца надо было вообще состояние отдать, эти выглядели так, как будто их только что украли из императорской сокровищницы. Всё, кто был хорошо знаком с Зиной, знали, что она всегда предпочитала кражу честной сделке.

Под пристальным наблюдением целой своры стражников Александра облачили в сверкающую броню. Панцирь оказался немного узковат в плечах и поножи тесноваты. Вызвали кузнеца и приказали срочно заменить застёжки. Через полчаса взмокший от усердия кузнец собственноручно приладил панцирь, застегнул поножи и латные рукавицы. Когда облачение в броню закончилось, всё невольно ахнули - перёд изумлёнными стражниками, прислугой, Зиной стоит настоящий стальной великан. Отполированные листы брони холодно сверкают даже в тени помещения, всё сочленения, промежутки плотно закрыты сталью и только по краям выглядывают полоски поддетой под низ мелкоячеистой кольчуги. Александр повернулся направо, налево, чуть присел, поднял и опустил руки. Получилось легко, свободно, нигде не скрипнуло, не зазвенело. Броня было идеально

подогнана. Поднял руки к лицу, сжал железные кулаки. Стальные сочленения тихо скрипнули, сжатые сильными пальцами, но в абсолютной тишине получился грозный скрежет. Поднял глаза. Вокруг бледные, испуганные лица. Стражники сбились в кучу, ладони судорожно сжимают рукояти наполовину вынутых мечей. Зина, и так невысокая, как-то странно ссутулилась, опустила голову и откуда-то снизу злобно-испуганно смотрит на него. Даже Антип, всегда надутый и важный, в этот раз скромно сопит в сторонке, поминутно вытирая потную шею серым от грязи платком. С трибун донёсся очередной вал криков. Зрители требовали Золотую Гриву.

- Шлем не давать, - сипло каркнула Зина. С ненавистью глядя снизу вверх, добавила: - Прикажи арбалетчикам целиться в голову и чуть что - залп. Понял, Антип?

- Да, хозяйка, - поклонился в ответ.

- Хорошо. А теперь на арену. Да смотрите мне, паразиты!

Рабы ещё засыпали свежим песком кровавые пятна, когда на арену важно вышел объявляющий.

- А сейчас, уважаемые господа, на бой выходит Золотая Грива-а! - заревел он, раздувая щёки и шевеля чёрными усами. Трибуны, до отказа заполненные "уважаемыми господами", взорвались ликующим воплем. Словно одна гигантская пасть исторгла вой и крик. Шум идёт волной, по кругу, постепенно закручиваясь в водоворот и стихает, будто провалился в песок. Остался только странный шорох и гул, словно тысячи и тысячи крабов шуршат панцирями и сталкиваются шипастыми туловищами. Гул усилился. Два дюжих стражника на вытянутых руках торжественно выносят гигантский двуручный меч. Стараясь не споткнуться на песке, медленно выходят на середину арены. Один ловко убирает руки, длинное лезвие стремиться вниз, а второй с силой давит на рукоять. Меч вонзается в землю. Легко, словно в масло. Стражники идут обратно, а зрители умолкли, внимательно рассматривая блистающий в центре арены меч. Кроваво красные рубины, вставленные в навершие рукояти и крестовину, горят адским огнём, словно багровые глаза твари из преисподней. Кое-кто даже тихонько взвыл от сладкого ужаса.

Ворота, закрывающие вход на арену, медленно отворяются. Трибуны разом ахнули. Зрители вскочили с мест, замерли в восхищении. Из темноты медленно, не спеша, словно осадная башня выходит рыцарь в блистающих доспехах с непокрытой головой. Длинная густая грива золотых волос небрежно раскинулась на стальных плечах, водопадом сваливается на железную спину. Воин идёт к центру арены спокойно, с достоинством высокородного. Длинные ноги, укрытые

сверкающей бронёй, несут мощное тело легко, словно невесомое. Пыль взрывается облачками при каждом шаге. В полной тишине воин приблизился к мечу, легко выдернул из земли, подбросил и, когда тяжёлый меч становится вертикально, ловит одной рукой за рукоять. Широкое, длинное лезвие выстреливает залпом солнечных зайчиков и трибуны взрываются приветственными криками! Александр становится в пол-оборота к трибуне для почётных гостей, равнодушный взгляд скользит по цирку. На лавках, украшенных цветами и разноцветными лентами яблоку негде упасть. Богато одетые гости сидят плечом к плечу, как солдаты, не шевелясь. У мужчин лица спрятаны за шёлковыми шарфами - лориками, женские закрыты мафориями. Александр отвернулся. Его не интересовало, кто сегодня пришёл смотреть на убийство за деньги. Не волновал и сам поединок. Где-то глубоко внутри тлел огонь ненависти, мести и чутьё подсказывало ему, что сегодня этому огню будет, где разгуляться.

Принцесса Анна с неразлучной подругой Еленой тоже сидели в ложе. Устроились с краю, но так, что бы всё видеть. Когда из чёрного прямоугольника ворот вышел гладиатор Золотая Грива, Елена охнула, заёрзала на лавке, будто чём-то внезапно обеспокоилась. Наклонилась к Анне, забубнила через шёлк мафория:

- Смотри, смотри, Анна, какой красавец! Вот жалко, что его сегодня одели в сплошное железо, ну что за дураки, ей Богу, а? Когда в одной повязке, он такой, он такой... просто рехнуться можно! Гляди, гляди, - подтолкнула локтем, - как меч подхватил, будто деревяшку сухую. Ни один мускул на лице не дрогнул, а ведь тяжелённая железяка эта... А волосы, что за волосы! Жеребец натуральный!

- Перестань гундеть, Елена! - остановила восторженное словоизлияние Анна и незаметно для других щипает её за ногу. Елена ойкнула, голос обиженно смолкает.

Тём временем на арене начинают разворачиваться события. Ворота на противоположной стороне распахиваются, выбегает бык. Зрители, сидевшие напротив, успели заметить, как двое рабов больно стегнули быка напоследок. Разозлённое животное заревело, низко опуская рогатую башку. Горячий воздух из бычьей глотки взметнул вверх облако пыли. Бык ударил копытом землю, вперил налитые кровью глаза в одиноко стоящего посредине арены человека. Александр не ожидал увидеть на арене быка и слегка опешил, но потом быстро пришёл в себя и едва не рассмеялся - сбивать быка с ног было любимой забавой всех подростков на дворе боярина Твердослова. Делалось это так: в быка бросали камни, палки, кричали со всех сторон, пока бык

не начинал злиться. Когда расходился не на шутку, кто-то один запрыгивал в огороженный со всех сторон дворик с быком и начинал его дразнить. Животное быстро доходило до состояния бешенства и сломя голову бросалось на обидчика. Теперь надо было схватить быка за рога и, выворачивая их, склонить голову к земле. Тогда бык терял равновесие и по инерции, под тяжестью собственного тела, падал. Только делать это надо очень быстро, иначе бык поднимет на рога раз, другой, а на третий будет уже труп. Конечно, к быку выходили не сразу. Малышня пробовала силу на баранах, козах, на телятах. Те тоже могли надавать как следует, особенно бараны, но не убивали и не калечили. Подросшие дети, подростки уже тешились с быками.

Александр втыкает меч обратно в землю, идёт навстречу быку. Зрители в недоумении замолкают. Не доходя несколько шагов, пару раз хлопнул в ладоши. Над ареной дважды разносится резкий, неприятный металлический звон от железных рукавиц. Бык словно ожидал сигнала к наступлению. Наклоняет чёрную голову, рога становятся параллельно земле и бросается на человека. Зрители смотрят на арену, вытаращив глаза и разину рты. Когда от рогов до человека остаётся с вершок, многие в ужасе закрыли рты ладонями, чтобы не кричать … Александр молниеносно хватает за рога, поворачивает резко и сильно, как кормчий руль на корабле, когда внезапно увидел прямо по курсу рифы. С разворота всём телом давит на голову, укрытое железом бедро бьёт в шею. Быка переворачивается, тушу волочёт по земле. Поднимаются клубы белой пыли. Александр спокойно возвращается в центр арены, к мечу. Трибуны ошарашено молчат. Ромеи привыкли, что с животными дерутся. Они ожидали, что гладиатор, сам здоровый, как бык, и, следовательно, такой же, как бык, «умный», станет глупо тыкать его мечом или, на худой конец, будет мощно дубасить кулакам в железных рукавицах по бычьей морде. А тот его на рога … Вместо этого гладиатор сделал какое-то незаметное движение руками, крутнулся на месте и бык поехал мордой по земле. По трибунам полетел было удивлённый шум, но сразу затих: пока зрители решали, что это - недоразумение или случайность, бык поднялся на ноги. Он тоже присоединился к мнению людей, что это была случайность и теперь, "случайно" опозоренный, решил разобраться по полной программе. Рогатая башка наклоняется, копыта мощно роют песок, раздаётся короткий рёв. Полутонная масса костей и мяса мчится на врага!

Александру скучно состязаться с глупым ромейским быком. Потому решил закончить всё дело быстро. Когда обозлённый поражением бык подлетел к нему вплотную и уже почти коснулся

рогами, быстро развернулся в пол оборота, одновременно хватая быка за рога. Но клонить голову к земле не стал, а резко дёрнул на себя, заваливая спину назад и опять проворачивая, как корабельный руль. Бык тяжёл, пришлось приложить немалое усилие. Животное теряет равновесие, земля уходит сразу из-под всех четырёх копыт и бык, переворачиваясь в воздухе и по инерции облетая вокруг человека, со всего размаха шлёпается на землю. Акустика в цирке была отменной. Хлопок получился такой, будто на землю упал великанский мешок с отрубями. Трибуны дрогнули, а на первых рядах ясно услышали бычье хеканье - воздух из лёгких вышибло. На это раз быка протащило по земле задом наперёд. Туча белой пыли закрыла трибуны для простолюдинов, чистой осталась только ложа и часть трибун для состоятельных зрителей. В следующее мгновение мёртвая тишина сменяется восторженным рёвом зрителей. Всё кричат, смеются, хлопают в ладоши. Самые темпераментные подпрыгивали на лавках и размахивали руками. Цирк ощутимо трясёт. На стражников, рабов и любопытных девок из борделя посыпалась пыль, опилки, некоторые в испуге, что всё рухнет, бросились наутёк.

Ясно, что продолжать бой с быком не имеет смысла и рабы быстро уводят одуревшее животное с арены. Пыль улеглась. Александр подходит к мечу, укрытые железом руки ложатся на крестовину. Поворачивается к воротам. Оттуда должны показаться противники. То, что будут противники, а не противник, он не сомневался. Один на один против него выходить некому. Трибуны замирают в ожидании. Проходит несколько томительных секунд, дубовые створки медленно расходятся в стороны. Из темноты показывается неровный ряд щитов, над ним шеренга рогатых варяжских шлемов. Зрители довольно зашумели - Золотая Грива будет сражаться против викингов, самых страшных врагов побережья. В строю стоят те, кто выжил и оправился от ран после боя с Восточным Героем и несколько новеньких, взятых в плен совсем недавно. В глазах варягов нет ненависти, лица угрюмы.

Дюжина скандинавских воинов выходит на арену. Бывалые вояки сразу поняли, как надо биться против закованного в сталь богатыря. Большие прямоугольные щиты с грохотом сомкнулись, образуя широкую железную стену. Снизу выглядывают окованные железом сапоги, сверху торчат железные рогатые шлемы. Видно только глаза в узкой полоске между верхним срезом щита и налобником шлема. Из-за стены щитов глухо звучит команда, строй двинулся вперёд. Сражаться одному против дюжины викингов гиблое дело. Да ещё без шлема и щита. Александр

понял, что это - последний бой. Зина долго выбирала между жадностью и страхом. Страх победил. Решила избавиться от слишком опасного гладиатора, но - жадность берёт своё! - с выгодой. Легко выдернул меч из земли, несколько раз взмахнул им, перебрасывая из одной руки в другую, пошёл навстречу. Тело переполняет энергией, кровь бурлит в жилах и требует боя или тяжкой работы...

Он рубил двумя руками, легко и быстро уходя от ударов, отпрыгивая, кувыркаясь через голову и сразу вскакивая на ноги одним прыжком. Не замечал веса доспехов, не чувствовал боли от ударов тяжёлых секир викингов. Ровная линия щитов всё больше напоминает старый, изломанный забор скотного двора. Белый песок покрылся обломками, появились пятна крови. Но, странное дело, Александр не чувствовал наступательного напора варягов. Они только оборонялись, словно ожидая чего-то. Двенадцать воинов могли просто рубить со всех сторон, он не продержался бы и минуты. Вместо этого викинги наступали правым флангом, а левый чуть отходил. Как будто хотели выдавить его с арены. Викинги били очень сильно, укрываясь за тяжёлыми щитами и Александр вынужден был понемногу отступать. Ещё шаг, другой и он оказался возле ворот, тех самых, из которых выпустили викингов. Подумал, что это сделано умышленно, что бы окончательно добить его. Дело в том, что когда гладиатор отступал слишком сильно и прижимался спиной к воротам, они открывались и стражники копьями отгоняли труса на середину арены. Могли и вовсе убить. Похоже, с ним решили расправиться именно так. Александр перехватил меч поудобнее и ударил так, что ближайший викинг зашатался и упал на колени без памяти.

- Да уймись ты, дурило! - раздался негромкий голос из строя, - отходи к воротам, нам ворота нужны, соображаешь?

Александр ударил ещё раз, другой, но уже послабее. " На кой чёрт вам ворота, мужики, ведь за ними стража"! - хотел было крикнуть, но в последний момент удержался. Это шанс, внезапно понял он, слабый, невероятный, но шанс. Варяги хотели напасть на стражу за воротами, перебить её и пробиваться дальше к берегу. А там выжившие захватят любое судно и уйдут в море. Это чистая авантюра, но что ещё оставалось людям? Здесь, на арене они обречены - стена выше человеческого роста, везде наготове лучники, а там, за воротами всего полдюжины стражников с копьями. Дальше - как повезёт. Он отступил ещё и ещё, продолжая наносить удары. Зрители на трибунах заорали, подняли невероятный шум. Всё напряжённо наблюдали за сражением - ещё бы, непобедимый герой, Золотая Грива, отступает!

Тихий скрип раскрываемых ворот за спиной прозвучал, как гром небесный! Александр молниеносно развернулся. Как раз в этот момент в приоткрытую щель шириной в локоть просунулся стражник с копьём, намереваясь ткнуть в спину. Александр закрыл голову бронированными ладонями, бросился вперёд. Он как пушечное ядро пробил столпившихся стражников, те разлетелись в разные стороны, а следом за ним в образовавшуюся брешь бросаются викинги. Мужчины, которым плевать на жизнь и нечего терять, дерутся так, что бог войны от зависти зеленеет. Рассвирепевшие варяги словно демоны смерти уничтожали всё подряд. Несколько масляных светильников летят на пол. Масло моментально вспыхивает, огонь жадно ползёт по деревянным доскам, карабкается по столбам, намереваясь подобраться к потным задницам зрителей. Рыжее пламя осветило всё тёмные углы, по доскам ползут чёрные щупальца дыма. Несколько викингов сразу бросились к клеткам с гладиаторами из рабов, сбили запоры. Появилось ещё два десятка готовых на всё бойцов. Они как волки кинулись к оружию, схватились со стражей. Александр на секунду остановился, осмотрелся вокруг. Хищно оскалился, приподнял верхнюю губу. Белоснежные клыки тускло блеснули красным. "Это вам не губка для подтирки, - злорадно подумал он, вспоминая римского мудреца, - это вы будете дерьмом давиться, а не я." Огонь уже вовсю бушует под трибунами, оставаться опасно. Громко рассмеялся. Отмахнулся от падающей головешки железной рукой, шагнул к выходу. Откуда-то из-за стен доносятся истошные вопли, крики - викинги и освобождённые гладиаторы прокладывают себе дорогу к морю сквозь толпу зрителей. А вот ему ещё рано уходить из цирка, надо вернуть долги. Александр направился прямиком к дому Зины.

Всё-таки десяток простых и неграмотных варягов оказались куда умнее римского философа Сенеки Луция Аннея младшего! Хоть и проконсул, а дурак...

Выход уже пылает. С потолка сыпятся искры, целый дождь огня, словно где-то наверху прорвало запруду огненного озёра. Пройти тут невозможно. Не раздумывая, Александр бросается на стену, только голову прикрыл стальными рукавицами. Обуглившиеся от жара доски разлетаются в щепки, почти тотчас рушатся балки потолка, а за ними проваливается трибуна. Уже на улице Александр оглянулся - в гигантский пролом сыпятся не успевшие убежать зрители, как горох из худого мешка. Треск сгорающего дерева и гул пламени заглушает всё крики. "Ну и чёрт с вами, - равнодушно подумал он, - а вот где Зинка прячется сейчас, вот это интересно. Наверно, дома, больше негде вроде..." Дом Зины, где она жила с мамашей и несколькими самыми

верными слугами, стоит ближе к морю. Вокруг дома, как водится у богатых, сад с павлинами, на поверхности крошечного пруда копошится пара лебедей. Со стороны порта сад окружает каменная стена, а вот от территории цирка только изящная деревянная оградка. Александр забрасывает меч за спину. С недоброй улыбкой оглянулся - цирк пылает, как один гигантский костёр и потушить его уже невозможно. Огонь перекинулся на подсобные постройки, ветер несёт искры и горящие куски дерева дальше и вот уже здания борделя тоже загораются. " Хорошо, - подумал он, несколько раз вдохнул воздух, прочищая лёгкие от дыма и бросился к дому Зины. Несмотря на тяжёлые доспехи, бежать легко, как будто и не в железе, а так, в кожаной курточке. Белый песок, такой же, как на арене, громко хрустит под железными сапогами. Как тоненькие косточки ...

Возле уха коротко вжикнуло, больно дёрнуло за волосы. Александр немедля отскочил, пригнулся. Возле распахнутой калитки, от которой дорожка ведёт к крыльцу дома, стоят двое стражников. У обоих в руках натянутые луки, стрелы вот-вот сорвутся. Через мгновение стражники выстрелили. Александр в последний момент присел, стрелы проходят выше, со всех ног бросается вперёд. Опытному лучнику надо полсекунды, чтобы достать новую стрелу, но то опытному. Толстые, неповоротливые стражники, что привыкли безнаказанно избивать безоружных, да ещё в кандалах, были пригодны для боя с такими же вахлаками, каковы сами. Им удалось достать стрелы, когда до бегущего на них гладиатора, закованного с ног до головы в броню, оставалось десяток шагов. Более расторопные сумели бы пустить стрелы в незащищённую голову, но только не эти болваны. Стражники выронили луки, схватились за мечи. Один даже что-то крикнул, храбро и громко, махнул мечом - вот, мол, я тебя!

Александр принял удары на железные налокотники, резко опустил руки, как бы очерчивая два круга и мечи дураков оказались зажаты у него под мышками. Рывок вверх. Стражники дико закричали - руки переломились, острые концы прорвали кожу, ткань и вылезли наружу. Подхватил выпавшие мечи, небрежно ткнул – стражники падают замертво. Хотел было бросить оружие, но потом передумал - в маленьких, тесных коридорах и комнатах длинным двуручным мечом не помашешь, а вот средние, лёгкие мечи, в самый раз. От удара кованой ногой дверь распахнулась с пушечным грохотом. Куски штукатурки посыпались с потолка, Александр сразу отпрыгивает от проёма ... Короткое копьё стремительно вырвалось из полутьмы коридора и улетает в сад. Метнулся к стене. Впереди показался неясный силуэт. Не раздумывая, ударил быстро и сильно. Оба меча

врубаются во что-то вязкое, тяжёлое. С трудом освобождает оружие. Из тёмного угла вываливается туша Антипа, разрубленная почти до пояса, тяжко рушится на пол. " Ты здесь, Антипушка, - усмехнулся про себя Александр, - это хорошо. Значит и Зинуля с мамочкой где-то тут".

На минуту замер, привыкая к прохладной полутьме дома. Короткий холл заканчивается лестницей на второй этаж. На первом обычно располагаются подсобные помещения и прислуга, господа на втором. Значит, надо подниматься по лестнице. Александр прислушался, несколько раз глубоко втянул воздух носом. У охранников, набранных из бывших солдат, уволенных со службы за провинности, была скверная армейская привычка мыться раз в неделю. Чтобы избежать заразных болезней, которых в бедняцких кварталах Константинополя было с избытком, стражники поглощали лук и чеснок в неимоверных количествах. Только что компот с луком не пили, потому «духан» исходил от них ещё тот ...

Александр постоял ещё немного, но ничего подозрительного не почуял. Вдобавок ветер принёс с улицы запах гари, звуки пожара стали слышны сильнее. Осторожно подходит к лестнице. Ступени медленно плывут навстречу. В коридоре никого. Двери закрыты. За ними то ли спальни, то ли гостиные, чёрт их разберёт. Шагает вперёд. Железные сапоги громко лязгнули, деревянные половицы застонали от жёсткой тяжести. Невольно вздрогнул. Некстати вспомнилась Зинкина мамашу Клепа с её отравленной саблей. " Да что за чёрт такой! - озлобился про себя Александр, - эка напасть, бешеная старуха с отравленной сабелькой... Нашёл, кого бояться, орясина такая!" Уже не скрываясь, шагает к ближайшей двери, вышибает. Гостиная пуста. Вторая комната, спальня ... Проверил везде, вышел на балкон - никого, никаких следов. Обозлённый, спустился на первый этаж, вышиб всё двери и опять никого не обнаружил. С досады решил спалить дом. Оглянулся, отыскивая что ни будь зажигательное и тут заметил блеснувший в приоткрытую дверь огонёк. Огонёк светит слабо и как бы издалёка и снизу, словно с конца подвала. Александр сразу насторожился, подобрал брошенные было мечи. Ткнул кончиком лезвия, дверь без скрипа распахнулась и он увидел каменные ступени, тускло блестящие от масляных светильников, дальше начинается подвал, уходящий в сторону сада.

Слегка погромыхивая доспехами спускается. Тёмный коридор в десяток саженей, плохо освещённый двумя светильниками, заканчивается двойной дверью. Других нет. Идёт прямо по коридору. Возле светильника остановился, подумал и … гасит

один и другой. В полной темноте делает шаг, второй. Нога попадает на маленький камешек. Железо громко скрежещет в темноте и тотчас, словно по сигналу, незамеченные ранее двери распахиваются и целая толпа стражников кидается на него. Бросилось в глаза, что зал за спинами стражников ярко освещён факелами, огонь отражается на лезвиях мечей. За стражниками мелькнул маленькая фигурка, закутанная до головы в мафорий. Стражники явно рассчитывали на внезапность нападения и, когда вывалились в тёмный коридор, на секунду растерялись. Свет факелов отразился на доспехах Александра, стражники увидели его.

- Вот он! - закричал один. Крик оборвался стоном. Александр прыгнул вперёд и оба меча замелькали в тёмном воздухе, как крылья ветряной мельницы в ураган. Он врезался в середину и закружился на месте, рубя всех без разбора. Рубил быстро, жёстко, не оставляя ни раненых, ни оглушённых. Так дерутся солдаты в жестоких уличных боях, когда вокруг горящие развалины и некуда отступить или уклониться. Рубил и колол, пока не затихли всё хрипы и стоны. Шагнул в дверной проём. Яркий, после темноты, свет факелов на мгновение ослепил. В противоположной стене была ещё дверь, небольшая, под цвет камня. Маленькая фигурка в мафории бросилась к ней. Дверь распахнулась. Александр метнулся следом и едва успел в последний момент, когда неприметная дверь уже закрывалась. Дёрнул и что-то тёмное и визжащее накинулось на него. По груди, плечам и рукам часто-часто застучало железо. " Сабля мамаши Клепы"! - мелькнуло в голове. Подставил руку под удар - стальной налокотник сабля не прорубит - кулаком ткнул в бледное пятно лица. Под кулаком хрустнуло, сабля звякнула об пол и мёртвая старая Клепа рухнула на камни. Александр перешагнул через труп, нервно оглядываясь по сторонам. Где-то рядом должна быть Зина, а она похлеще мамочки. За спиной послышался шорох. Быстро шагнул в сторону. Стальная арбалетная стрела ударяет в стык панцирных пластин, пробивает кольчугу и наполовину входит между рёбер. В глазах сразу чернеет от боли, по телу разливается слабость. Выпавшие мечи громко звенят о камни. Ноги не держат потяжелевшее тело, он медленно опускается на колено.

В дверном проёме стоит улыбающаяся Зина, в руках тяжёлый пехотный арбалет. Неровный свет настенных факелов освещает только половину лица, остальное скрыто тьмой, оттого улыбка похожа на оскал какого-то потустороннего чудища. Зарядить тяжёлый арбалет женщине не под силу. Александр опускает глаза. В боку жжёт и болит, кровь течет по ноге и капает на пол.

Арбалетная стрела делается из целого железа, её можно вытащить без риска оставить внутри наконечник. Пальцы сжимают стальной прут. Медленно тянет. Стало так больно, будто в бок расплавленного свинца плеснули. Он тянет ещё и ещё, пока наконечник не вышел из лёгкого, потом резко дёргает. Железо царапает по живой кости, боль захлёстывает с головой, оглушает. Падает на оба колена и стискивает зубы. Ощутил, как хлещет кровь из дыры, поспешно зажимает локтем, но через панцирь получается хреново и кровь продолжает лить. Давит что есть сил, поток крови стихает.

- Какой ты жи-ивучий, - протянула тоненьким голоском Зина, - как жалко убивать такого си-ильного мужчину.

Об пол грохнуло тяжёлым. Открыл глаза, с трудом повернул голову. Пустой арбалет валяется на камнях. Зина тоненькими ручками тащит из-за спины другой заряжённый арбалет, поменьше. Даже в полутьме было видно, как покраснело лицо от усилия не уронить тяжёлую железяку. Александр без сил прислонился к стене. Тяжелораненый, он не успеет достать её, Зина выстрелит раньше. Правая рука опускается к полу. Ладонь касается брошенного меча, пальцы рефлекторно обхватывают рукоять. Плохо соображая, ничего не видя в рваной темноте, Александр бросает меч наугад, на шорох. От усилия бок так ожгло болью, валится на пол без сил. Сквозь боль едва услышал вскрик, звон железа. Непроизвольно сжался, ожидая ещё одной, смертельной, боли. Но ничего не произошло.

- Ну! - хрипло выкрикнул он и открыл глаза. Вокруг никого. Кое-как отклеился от холодной стены, взглянул на порог. Там лежит Зина, рядом заряжённый арбалет. " Она мертва! - вдруг понял Александр, - как же это я так?" От удивления сумел подняться на колени. Опёрся одной рукой об пол и так, на четвереньках, подполз ближе. Железный кругляш на рукояти меча ударил прямо в лицо. Левый глаз заплыл чёрной опухолью, из рассечённой до кости брови тонкой струйкой вытекает тёмная кровь. Женщина не двигается и не дышит. Даже обессиленный от раны, умирающий от боли, Александр сумел вложить последние силы в бросок. Повезло, мог ведь и промахнуться! В боку опять закололо калёным железом. Чувствуя, что скоро потеряет сознание, стал карабкаться по стенке вверх. Кое-как поднялся на дрожащие ноги. Надо снять панцирь, перевязать рану, иначе он умрёт в этом подвале от потери крови. Деревенеющие пальцы безуспешно подёргали застёжки. Ничего не вышло, слабые пальцы соскальзывают с окровавленного железа. Надо выбираться отсюда. Сделал шаг, с трудом поднял ногу на порог. В конце коридора раздался звук открываемой двери, послышались осторожные шаги. Тёмный силуэт медленно приблизился. Лица Александр разглядеть не смог, факелы освещают только до шеи, но фигура показалась знакомой.

- Феофан! - окликнул Александр, - а тебе что здесь надо?

Он старался говорить твёрдо, чтобы Феофан не догадался о ранении.

- Господи, помилуй! - вскрикнул Феофан, шарахнулся в сторону, мелко крестясь. Сделал робкий шажок, сгорбился ещё больше.

- Золотая Грива, ты? - спросил удивлённо, слабо махнул рукой, - тогда всё понятно. Цирк сгорел, в доме всё мертвы. Зина тоже?

- Вон лежит, - буркнул Александр, - можешь поцеловать в лобик.

Феофан приблизился, всмотрелся. Громко ахнул, снова стал мелко креститься. Александр неловко пошевелился, железо громко заскрежетало о камень. Феофан вздрогнул, упал на колени.

- Не убивай, прошу! - запричитал он, - я не хотел предавать тебя, меня выследили, мне угрожали и хотели убить, я бы ни за что...

- Заткнись, - оборвал причитания Александр, - нужен ты мне... Помоги снять панцирь и перевязать рану, тогда в расчёте.

- Да-да, сейчас...

Феофан торопливо подбежал. Задыхаясь от страха, расстегнул тугие застёжки, снял железо. Достал из сумки чистые тряпки, бинты, из узелков извлёк молотую траву.

- Сейчас, сейчас, - без конца повторял, - я ведь лекарь, у меня всегда снадобья под рукой. Ранится кто, порежется - я тут как тут...

Он ловко свёл края раны, наложил лечебную траву, туго забинтовал.

- Ну вот, Грива, всё сделано. Теперь тебе три дня полежать, сырой печёнки покушать и силы вернутся.

- Ладно. Теперь помоги выбраться отсюда.

- А ты разве не хочешь осмотреть этот подвал? - удивлённо отступил на шаг назад Феофан, - ты же не случайно сюда забрёл, верно? Рана заживёт, не бойся. А подвал у Зины интересный.

- Да ну его к чёрту, этот подвал, - зарычал Александр, - выведи меня, а потом возвращайся.

- Нет, нет, - забормотал Феофан, отступая ещё больше, - ведь мы уже пришли. Вот она, дверь-то...

Пошёл вдоль стены, перебирая руками, как слепой и лёгонько постукивая пальцами. Звук раздавался слабый, едва слышный. Но вот стукнуло гулко, раз, другой. Феофан суетливо забарабанил кулаками в стену. Отозвалось деревянным грохотом.

- Нашёл, нашёл... - забормотал Феофан. Оглянулся, схватил валявшийся на полу меч. Александр дёрнулся было, решив, что Феофан хочет зарубить его. Но тот бросился к стене и стал колотить рукояткой, словно сумасшедший. Посыпались куски штукатурки, Феофан повернул меч и остриём стал сковыривать крупные куски. Под слоем штукатурки показалось железное кольцо. Торопливо оббил мечом, зацепил лезвием и приподнял. Отшвырнул меч. Сталь тускло сверкнула при свете факелов, меч описал в воздухе пологую дугу и ударился в стену рядом с ногой Александра. " Вот чёрт горбатый, - раздражённо подумал он, - на

ладонь бы левее и как раз в ногу". Тём временем тщедушный Феофан бешено дёргал за кольцо, колотил ногами и ругался, как ненормальный. Стена сотрясается, с неё сыпятся камни, пыль, кажется, что вот-вот потолок рухнет. Наконец, старые доски не выдерживают бешеного напора, стена трещит и громадный кусок, от пола до потолка, медленно ползёт в сторону. За фальшивой стеной оказалась маленькая комната с громадным, в два человеческих роста, ящиком. Феофан метнулся обратно, сорвал с подставки факел.

- Смотри, Грива! - закричал он, - перёд тобой сокровищница. Старая вурдалачка Клеопатра всю жизнь копила золото, монетку к монетке. А Зинка, кровопийца, мешками валила.

- Не вижу никаких сокровищ, - ответил Александр, пожимая плечами, - ящик. И что?

- Э-эх, ты... Одно слово - гладиатор. Этот ящик до верха полон золота. Золото ссыпали в отверстие сверху. Приподнимали дощечку, быстро высыпали и опускали дощечку ... Я сам, когда был помоложе, не раз засыпал золотишко сюда. Ты думаешь, почему я жил столько лёт здесь и никто меня не смёл тронуть? Да потому что я подсказал Клепе, как и где хранить золотишко и только три человека знали про него - я, Клеопатра и Зина. Сколько раз приходили с обыском чиновники... Городская стража всё вверх дном переворачивала. А мы ... ха-ха ... подкинем мешочек золотишка куда нибудь в уголок, они найдут и уходят ... ха-ха... идиоты!

Он ходил вокруг ящика кругами, возбуждённо гладил рукой стенки, размахивал факелом. Когда он скрывался на другой стороне, голос доносился глухо, как будто из могилы. Возвращался, голос снова звенел. Он даже выпрямился, стал выше ростом. Только лицо сильно кривилось в неровном свете факела и глаза вспыхивали красным. Нежно погладил раздувшийся от тяжести бок, похлопал, как послушную лошадь. Повернулся к Александру.

- А дурак всё-таки тот римский мудрец, Сенека, - вдруг ни с того, ни с чего провозгласил Феофан, - проповедовал скромность, даже бедность, а был самым богатым в Риме после императора. Мы всё философы, когда бедные. А каково быть богатым?

Достал из сумки свёрнутые в трубочку листы бумаги, потряс ими.

- Вот он, мудрец, весь тут, в бумажках! А моя мудрость - здесь! - повернулся к ящику и ударил по доскам сжатыми в кулак ладонями, словно обнимая...

Громадный ящик громко затрещал, накренился, словно наклоняясь к маленькому человеку. Внезапно доски расходятся, в

расширяющееся отверстие золото льётся ручьём. Затрещало сильнее, старые доски не выдерживают напора, стена лопается и золото хлынуло водопадом. Подвал наполняется металлическим звоном. Феофан вскрикнул, волна золота сбивает его с ног, засыпает с головой. Всё произошло так стремительно, что Александр не успел даже пошевелиться. В лицо пахнуло тугой волной воздуха и пыли. Он закрылся рукой, отступил на шаг. Звон стихает, воцаряется тишина. Пыль нехотя оседает. Александр опустил руки, ошеломлённо посмотрел вокруг. Вся комната засыпана толстым слоем монет. Среди груды золота сверкают драгоценные камни, золотая посуда и оружие. Не веря своим глазам, подходит ближе ... Ноги тонут в золоте, оно с тихим звоном расходится, приглашая тонуть ещё и ещё. Прислушался, но из-под груды золота не доносится ни звука. Тщедушного Феофана задавило насмерть. А может и нет, но у него, раненого арбалетной стрелой, всё равно не хватит сил раскопать гору золота. Среди сплошного блеска и сверкания заметил пятно. Наклонился, поднял свёрнутые в рулон исписанные листы бумаги. Это перевод философского трактата " Письма Сенеки Луциллию" с латыни на греческий. Всё, что осталось от убийцы, труса и любителя философии Феофана. Александр сунул бумаги за пояс, повернулся к выходу. В боку опять заболело. С трудом выбрался из тёмного подвала на свет божий. Постоял на крыльце, отдыхая. На месте бывшего цирка тлеет огромное кострище, воздух пропитан дымом и гарью". Надо и вправду пару дней отлежаться, - подумал, - подживёт бочина немного и ладно. Остальное на корабле заживёт. Хватит с меня Константинополя".

Сильный попутный ветер гонит волны, срывая верхушки. Быстроходный новгородский струг летит ещё быстрее волн, на нём подняты вертикальный и косой паруса, вёсла убраны за ненадобностью. Команда, пользуясь передышкой, отдыхает. Только рулевой внимательно следит за горизонтом - не появится ли где варяжский драккар, варяги известные любители поживиться чужим добром. Впрочем, новгородцы тоже не парни не промах, подберут всё, что плохо охраняется, даже небольшой портовый городишко, но сейчас, в открытом море они всё добропорядочные мореходы, всё мысли заняты одним - как бы побыстрее домой попасть. На корме, укрывшись под навесом от прохладного ветра, сидит купец, хозяин судна и в который раз пересчитывает навар. В этот раз торговалось хорошо, константинопольские бабёнки снова полюбили наряды из соболей и куниц. Меха расхватали на ура, а прошлый раз намучился - не берут, заразы, хоть ты тресни. Пошла мода на всё

лёгкое, тонкое, чтоб изящность фигуры была видна. Зимы-то здесь так себе, баловство. Вот и мается дурью здешний люд, то так, то эдак.

В этот год всё по-другому. Догадались дамочки, озабоченные показом фигурных достоинств, что можно шубу не застёгивать, а носить нараспашку. Тогда и видно всё, и богатство своё можно показать. Жалко, думал купец, что не привёз больше шкур, но кто ж знал, что бабские капризы обернутся наизнанку. Думал, едва концы с концами сведёт в нынешней торговле, но вдруг явился земляк один, попросил до Киева довезти да предложил такую цену, что купец сразу свернул торговлишку и засобирался домой. Этот земляк сейчас сидит неподалёку и - невиданное и неслыханное дело! - читает!!! В руках крепко зажаты листы дорогой, редкостной бумаги, исписанной словами на греческом языке. Сам купец разумел греческое письмо, без грамотности серьёзной торговли с ромеями не будет, но этому-то зачем? Ведь сразу видно, что не монах, не купец, а разбойник с большой ромейской дороги. Хотя, вздохнул купец, всё так быстро меняется, что уже и не знаешь, как выглядят заграничные монахи, торговые люди или разбойники. Но заплатил богато!

Купец ещё и ещё пересчитывал барыш. Получалось столько, что можно целый проулок купить в Новгороде, а то и улицу, только коротенькую, в десяток домов. Душа купеческая обмирала от счастья и думал смятенно новгородец - это сколько же надо было зарезать и ограбить, чтоб столько золота иметь, а!? Ещё и грамотный!

Александр легко спрыгнул на дубовые доски причала. За спиной раздалось чертыханье - от толчка струг качнулся, идущий следом купец с громадным тюком ромейской парчи едва в воду не свалился. С бурчанием прошёл мимо, глянул зло, но не посмел даже плечом задеть. За время, что провёл на ромейской службе, взматерел Александр так, что на него с опаской посматривали даже самые крутые мужики. Плечи сильно раздались вширь, на груди рубаха натянулась, как бычий пузырь на окне, вот-вот лопнет. Руки, будто ветви дуба - мощные, перевитые жилами, ухватит такой за голову и оторвёт, как осенний листок. Движения точные, быстрые, нет суетливости и прибитости, так заметной в любом простолюдине. Одет Александр просто, как крестьянин на выходной. Обычная холщовая рубаха, серые портки, заправленные в добротные коричневые сапоги. По-мальчишечьи тонкую талию оборачивает широкий пояс из буйволиной кожи, висит нож, баклажка воды и всё. Заплечный мешок, сшитый из кожи и ткани, туго забит под самую завязку. На голове шапка,

какую носят мужики на Руси. Всякий, кто посмотрит, скажет - мастеровой или зажиточный крестьянин. И только длинный, с широким лезвием двуручный меч в простых деревянных ножнах за спиной говорил о том, что его хозяин не крестьянин. Во всяком случае, не простой.

Ветер с реки дохнул влажным холодом в лицо, вытащил из-под шапки прядь. Золотые волосы заблестели на солнце. Ветер дунул ещё раз, хлестнул прядью по щеке. Александр одни точным движением убрал волосы под шапку. В двадцати шагах впереди деревянная площадка заканчивается, дальше начинается берёг. Длинные ряды складов, харчевни для приезжих незаметно переходили в нижний город, который потому и прозвали Подолом. Отсюда начиналась дорога вверх, в Киёв. Александр грустно улыбнулся. Как давно уже он не был тут! В мире произошло столько разных событий, а здесь всё по-прежнему. Поднял руку, намереваясь сдвинуть шапку на затылок и тут что-то несильно стукнуло в локоть. Шапка съехала дальше, чём надо, чуть не упала. Раздражённо поправил, огляделся. Рядом, в луже, сидит мужик и зло ругается. Одной рукой зажимает подбитый глаз, другой показывает кулак - щас, мол, встану и наваляю тебе!

- Я не хотел. Ты сам наткнулся, - произнёс Александр, пожимая плечами.

Мужик подскакивает, как будто лужа под ним превратилась в кипяток.

- Чаво сам, чаво сам ... - затараторил он, - эт ты нарошно миня вдарил! Понаехали тута разны - всяки, проходу чесным людям не дают. Тута тебе не лес твой родной, тута закон и порядок. А ну, гони залатишко за синяк!

Не говоря ничего, Александр складывает из трёх пальцев фигуру, которой научился у константинопольских девок. Мужик из лужи, разумеется, не знал заморских штучек, но по выражению лица незнакомца смысл понял.

- А-а! - завизжал он, - добры люди, помогите-защитите, разбойник обижает калеку немощного!

Моментально собирается толпа зевак, вперёд выступают добры молодцы числом не менее пяти. Окружают Александра, в руках у каждого небольшая дубинка.

- За то, что обидел бедного обывателя, с тебя, чужак, пять золотых, - говорит один. Дубинка у него самая толстая, он угрожающе постукивает ей по ладони. Звук получается смачный, как будто стопку блинов на стол роняют, - да ещё пять за то, что мы пришли.

- А вам-то за что? - удивился Александр.

- А за то, что сапоги топтали, понял?

- Один золотой убогому дурачку дам. А вот вы, ребята, денег за сапоги не получите, потому как вам они не понадобятся. Копыта я вам через три минуты поотрубаю! – произносит Александр, криво улыбаясь.

В мгновенно наступившей тишине раздаётся короткий шелест, так знакомый всём. Остро отточенная полоса стали сверкнула синеватыми искорками. Замирает, словно вспыхнувшая молния, неуловимо быстро прочерчивает круг и опять скрывается в ножнах. Толпа вокруг Александра шарахнулась прочь с каким-то стонущим выдохом, замерла на почтительном расстоянии и только один из молодцов с дубинкой остался недвижим. Всё взгляды непонимающе сосредоточились на нём, а он вдруг как-то странно кашлянул, из горла хлынул фонтан крови. Красные поток мгновенно залил грудь, ручьями потёк по ногам и стал растекаться по земле, моментально впитываясь в сухой песок.

- Разбойник хотел напасть на меня сзади, я защищался, - процедил сквозь зубы Александр.

- Это не разбойники! - выкрикнул кто-то из толпы зевак.

- А где знаки отличия княжеских стражников? - спросил Александр.

Из толпы не ответили.

- Значит, разбойники, - заключил Александр, - а вы всё - их сообщники. Всех порубаю!!!

Громадный меч вновь появляется в руках. Толпа зашумела, раздался топот множества ног. Зеваки бросились кто куда. Уже через несколько секунд вокруг никого не осталось. Только какая-то деревенская баба стоит, глупо разинув беззубый рот. Большие обветренные руки прижимают к животу старую корзину, в которой орёт и колотит крыльями гусь, вежливо намекая хозяйке, что пора ноги уносить. Александр прячет меч в ножны за спиной. Равнодушно перешагивает через залитый подсыхающей кровью труп. Портовый народ успокаивается на удивление быстро, только посматривал с опаской и уважением. В самом начале конфликта, когда мужичок упал в лужу, Александр понял, что сейчас будет разыгран спектакль с целью примитивного ограбления среди бела дня. Он эти фокусы знал ещё по Константинополю, там этаких массовиков-затейников пруд пруди. Разводить простаков на деньги давно превратилось в профессию, в столице империи выросли целые династии всякого рода разводил и кидал. " Молодцы киевляне, догнали цивилизацию, - усмехнулся про себя, - только чуть-чуть мастерства не хватает". Вздохнул, оглянулся на ходу. Идти некуда. Он давно стал чужим в Киеве. Сошёл с дороги, сёл на валяющееся на обочине бревно, предварительно оглядевшись в поисках хозяина - мало ли что!

Что делать дальше? Идти к князю - вот, мол, я, бывший генерал империи, всё умею, всё знаю, бери на службу, не пожалеешь? Так здесь и своих героев хватает, заслуженных, титулованных, в окружении знатной родни. Да и не пустят к князю, мало ли тут просителей должностей ходит...

Его размышления прерывает тяжёлый топот десятков подкованных сапог. Повернулся, увидел целое стадо городских стражников, что бегут прямо на него. Впереди тот самый молодец с дубинкой, что хотел скачать на дурняк десяток золотых монет. " Во зараза, - плюнул с досады Александр, - надо было гада разом срубить, без базаров. Теперь вот заморочка с городской стражей будет."

- Эй, я сдаюсь! - крикнул он, делая шаг назад, за бревно, - отведите меня к князю!

Развёл руки в стороны, показывая, что безоружен. Вместо ответа услышал характерный лязг и шелест - звук вытаскиваемых из ножен мечей. Ни говоря более ни слова, подхватывает обеими руками бревно. Рывком поднимает на уровень груди, швыряет навстречу бегущим. Первый ряд стражников замирает на месте, но задние продолжают бежать, упираются в передних, те шарахнулись назад...

В сумятице больше всех пострадал молодец с дубинкой. Он бежал самым первым. Бревно всей тяжестью ударило в грудь, опрокинуло на спину. Рёбра громко хрустнули, будто кто пучок сухих веток сломал, из ушей и носа хлынула кровь. Бревно медленно перекатилось дальше, с треском вдавливая голову в землю, остановилось. Стражники растерянно топтались на месте, не решаясь приблизиться. Вдруг Александр увидел, как один из них, стоящий поодаль, натягивает лук. Ещё мгновение и стрела сорвётся. Не раздумывая, метнулся вбок... и вовремя! Стрела вжикнула над ухом, а стражник уже положил новую и целился опять. Вдобавок ближайший очнулся от шока, вызванного брошенным бревном, замахнулся секирой. Александр отбросил всё попытки объясниться, выхватил меч. Стрела звонко стукнул в подставленное лезвие, отскочила. У лучника глаза на лоб полезли - он ещё не видел, чтоб пущенную в упор стрелу приняли на меч. Секиру стражника Александр отбил так, что рукоять, вся в железных полосах, просто переломилась - булатное лезвие перерубило сталь, как соломинку. Пока стражник ошарашено разглядывал обрубок, Александр несильно ткнул кулаком в рожу дураку и стражник шлёпнулся на землю, так что шлем слетел с головы и укатился.

- Уймитесь, дурни, я не враг, - произнёс Александр.

Ударил мечом плашмя одного, второго, третьего ...

Стражники разлетелись от него, как соломенные куклы. Внезапно старший, здоровенный усатый десятник заорал:

- Закройтесь щитами, дураки и навалитесь скопом!

Стражники послушно сомкнули щиты, мечи выставили между ними. "Совсем как ромеи!" - мелькнула мысль. Думать дальше было некогда, стража пошла скорым шагом в атаку. Он понял, что стражники и не собираются его арестовывать, а просто хотят убить. Одним движением сбросил заплечный мешок, кувырком ушёл вбок от атакующего строя. Вскочил на ноги и, пока стражники не опомнились, стал безжалостно и быстро рубить. В воздух полетели обрубки рук, головы, клочья кольчуг, разрубленные пополам шлемы и куски доспехов. Кровища брызгала так, словно кто из вёдра плескал...

Минуты не прошло, как на невеликой площадке образовалась большая лужа крови, в которой плавают страшно разрубленные человеческие тела, тускло блестит покорёженное железо и обломки щитов с эмблемой городской стражи. Александр опустил меч. Он вдруг услышал странную тишину вокруг, словно внезапно оказался в безжизненной пустыне. Медленно повернул голову. Глаза равнодушно скользнули по убитым, только на мгновение остановились на мёртвом десятнике. Вернее, на его разрубленной пополам голове. Острое, как бритва, лезвие рассекло череп ровно на две развалившиеся половинки, перемешанные мозги вытекли на землю... Не голова, а какой-то страшный цветок из потустороннего мира!

Он смотрел, как быстро густеющая кровь медленно капает с длинного лезвия двуручного меча, понимая, что это всё. Дорога в город для него закрыта навсегда, он теперь тать и разбойник, убийца людей великого князя киевского. Отныне он, Александр, вне закона!

- Эй, добрый молодец! - крикнул кто-то насмешливо.

Проводил взглядом последнюю каплю крови, тяжело поднимает взгляд. Неподалёку стоит молодая бабёнка. Машет рукой, смеётся, будто ярмарочного скомороха увидала.

- Ну-ну! - буркнул Александр, с трудом передвигая стылые губы.

- Не нукай, не раздел ещё, - громко фыркнула бабёнка и опять засмеялась. - Ты чего встал, как ...гм... столб, ждёшь, когда вся киевская стража сбежится?

- Ну так... э-э... вот, - Александр пожимает плечами, потом растерянно разводит руки в стороны, при этом окровавленный меч описывает широкий полукруг.

- Да-а, ну, тупые вы, мужики! Ей богу, кони и то умнее вас, - усмехнулась женщина, - беги за мной, чудо заморское!

Повернулась и прытко помчалась по тропинке, только пёстрый платок замелькал. Александр мгновение смотрел вслед, ничего не соображая, потом подхватил брошенный заплечный мешок, бросился следом. Бабёнка оказалась такой шустрой, что он едва догнал её на крутом подъёме. Тропа запетляла среди каких-то лачуг, начали отходить другие тропки. Они несколько раз поворачивали в стороны, вроде как возвращались обратно, потом опять шли вперёд. Наконец показался большой добротный дом в два этажа, сложённый из толстых дубовых брёвен, мощный, кряжистый. Среди халуп и лачуг он выглядел как рыцарский замок в стиле а ля рюс. Александр невольно засмотрелся на крышу - она выстелена гонтой, такими дощечками из морёного дуба. Деревянные крыши на Руси никого не удивляют, потому что железо дорого, не всякий может себе позволить, а солома - это для бедняков. В Константинополе крыть дубовой гонтой могли позволить себе только очень богатые. Дубовая гонта - это последний стон ромейской столичной моды. Даже позолоченные крыши там не в диковинку, железные самые обычные, для обывателей и провинциалов, а вот дубовые, заграничные, из неведомой, загадочной Руси - это да-а! Зазевавшись, не заметил торчащий камень. Споткнулся, падая на колени, вытянул руки и получилось так, что схватился за бёдра идущей впереди женщины, а лицом уткнулся прямо ей в мягкие круглые ягодицы.

- Эй-эй, ...ха-ха... добрый молодец, - захохотала бабёнка, - не рано ли ты туда целовать меня начал, а?

- Да я... вот ... - забубнил побагровевший от смущения Александр.

- Такого любезного кавалера у меня ещё не было, - радостно сообщила ему женщина. - Ах, вот оно, счастье-то бабье!

Александр вытер рукавом холщовой рубахи взмокшее лицо, стал внимательно смотреть под ноги.

Взошли на резное крыльцо. Женщина достала из складок платья ключ, ловко управилась с громадным железным замком. Толстая дубовая дверь без скрипа распахнулась, в лицо дохнуло тёплым домашним очагом и почему-то терпким запахом странных трав.

- Проходи, - посторонилась женщина, пропуская Александра в дом, - да смотри, не побей чего в сенях. Чай, не видишь ничего со света.

Александр вошёл. Явственно ощутил запах трав и женский голос вдруг показался знакомым. Пока размышлял, врезал сапогом по вёдру, в сенях загремело, что-то булькнуло.

- Ну вот я ж говорила - смотри, не побей чего, а ты? - раздался за спиной сварливый голос.

- Да-да, извините, - торопливо ответил он, а про себя подумал: "- Где-то я уже слыхал такой голосок, а? Вроде как знакомая говорит..."

- Иди в горницу, - как-то скрипуче бросила незнакомка, проходя мимо.

Александр послушно пошёл прямо, сёл на лавку возле окошка. Пока хозяйки не было, огляделся.

Горница большая, просторная. Посредине печь, на стене висят шкуры медведей, рысей и волков, как будто хозяйка завзятая охотница. Из щелей между брёвен торчат пучки трав. Именно они издают такой горьковатый степной запах. Вторая стена, самая широкая, потому что без окна, завешена невиданной роскошной штукой - персидским ковром! Такие на Руси даже в столице, Киеве, большая редкость. Их везут издалёка, путешествие чрезвычайно опасное и долгое. Привычку украшать стены коврами русичи переняли у половцев, для них самотканые ковры необходимы для утепления юрт в холода. У них ковры грубые, толстые, они ценятся невысоко. Яркие восточные ковры предназначены для украшения богачей, они говорят о достатке хозяина, его положении в обществе. Русские, падкие на всё заграничное, тоже стали украшать свои дома коврами, по большей части простенькими половецкими и только очень богатые бояре покупали яркие, восточные. На них вешали дорогое оружие в золотой и серебряной оправе. Получалось круто и модно! У хозяйки этого дома ковёр был шириной сажени в три. И в длину не меньше. Весь в красных, синих, жёлтых и зелёных цветах, как будто на нём стаю попугаев раздавили. По всей длине развешаны кривые половецкие сабли, прямые мечи и киевские топорики с золотой и серебряной насечкой. " Боевая баба тут проживает, - подумал Александр, - интересно, чего ей от меня нужно? Пока он размышлял, хозяйка принесла чашки из тонкого фарфора и заварник. Из неплотно закрытой крышки струится пар и Александр с изумлением чует знакомый запах кофе. Он только было собрался спросить - откуда, мол, у тебя господская штука, как хозяйка с ласковым прищуром спросила:

- Тебе со сливками или так будешь?

Александр не нашёлся, что ответить, пожал плечами - да всё равно!

- А сахар какой предпочитаешь, белый али коричневый, заморский?

- Слушай, ты кто? - не выдержал он, - да в Константинополе не каждый аристократ может себе позволить такое. Ты простая подольская мещанка, а живёшь как княгиня. Меня от верной смерти спасла... Кто такая, а!?

- Костан... э-э ... концан... тьфу! Эт Царьград что ль? - пренебрежительно произнесла женщина, - тоже мне, столица мира! Видали городишки поприличне! Кто я? Гм...

Женщина подходит к стене, занавесь отползает в сторону и потрясённый Александр видит громадное, в человеческий рост, зеркало. Таких огромных даже в императорском дворце нет! Женщина отразилась вся, в полный рост. Ласково провела руками по плечам, груди, по бёдрам. Повернулась, лукаво глянула:

- Так и не признал?

- Ни сном ни духом не ведаю, вот ей богу!

Незнакомка снова посмотрела на своё отражение, приподняла подбородок, повертелась.

- Ай да я, - с довольной улыбкой произнесла она, - сотворила с собой такое чудо, не зря так трудилась.

- Мне кажется, что это папа с мамой старались тебя такой сделать, - осторожно сказал Александр.

- Ну конешно, прям-таки, - скривилась женщина, - особенно папуля. Сказала б я тебе, куда он старался, да ценю твою невинность.

Подходит к столу, аккуратно садится.

- Ладно, не буду томить тебя. Ты помнишь бабушку, что встретил в лесу пару лёт тому? Ты ей травку разную собирал, ещё помог от гостей незваных избавиться.

- Конечно помню, - улыбнулся Александр, - она меня таким настоем из трав напоила ... До сих пор сказывается. Если бы не она, неизвестно ещё, как моя жизнь сложилась бы. Хорошая бабушка. Она твоя родственница? Поклон ей.

- Это я!

Александр кивнул, отпил глоток горячего кофе... Вдруг глаза выпучились, лицо побагровело. Он как-то странно разинул рот, захлопнул, развёл руки в стороны, потом глупо замахал.

- Подавился, сердешный? Щас выручу, - и бывшая Баба Яга со всей силы врезала ладонью по широкой спине Александра.

Словно по мановению волшебной палочки глаза становятся на место, лицо приобретает обычный цвет, руки опускаются на колени. Александр глубоко вдохнул, поднял глаза. Женщина с искривлённым от боли лицом трясёт отбитой ладонью, шипит:

- Ш-ш-ш... каменный, что ли? В следующий раз поленом огрею!

Александр отсаживается на сухое место, тщательно вытирается от остатков кофе.

- Так это вы, бабушка? - неуверенно спросил он голосом пятилетнего ребёнка.

- Я, внучек, я, - пискляво передразнила его Баба Яга. - Какая я

тебе бабушка, ты, чудо ромейское! - возмущённо завизжала она. - Ты глаза-то раскрой да посмотри, кто перёд тобой стоит! Я честная женщина и добропорядочная вдова. Муж мой, боярин Волчья Губа, погиб на охоте при трагических обстоятельствах прошлым лётом. С той поры я осталась одна-одинёшенька, слабая, беззащитная вдовушка и каждый паразит норовит меня обидеть ...

- Ладно, ладно, - замахал руками Александр, - замолчи, ради бога, у меня от твоего визга в глазах темнеет, всё-всё!

Бедная вдовушка налила из фарфорового заварника в фарфоровую, с золотой каймой, чашку дорогого заморского варева, добавила кусок сахара, помешала изящной золотой ложечкой. Тонкие пальчики с тщательно ухоженными ноготками аккуратно обхватили тоненькую фарфоровую ручку, поднесли чашку к губам. На изящно согнутом мизинчике блеснуло маленькое золотое колечко с громадным бриллиантом. Отпила глоточек, посмаковала...

- Так вот, юноша, - продолжила как ни в чём ни бывало, - за красу мою невиданную и характер добрый, весёлый люди прозвали меня Радой, а муж звал Радушкой. Живу я скромно - сам видишь! - тихо, после смерти трагической мужа моего вынуждена взвалить на хрупкие плечи заботы по хозяйству. А хозяйство досталось мне большое, беспокойное, нужен глаз да глаз. Тяжело одной-то, - громко отхлебнула остатки кофе, поставила чашку, - в помощи бескорыстной нуждаюсь... Ты рот-то закрой, милок!

Александр опомнился, сжал губы.

- Ага, ага ... э-э... а как это всё вот так-то, а? - бестолково спросил.

- Да проще некуда, - усмехнулась Баба Яга, - помнишь, ты мне травы собирал? Ну, я к той травке ещё кое-чего добавила, вот и получилась такая. А что? Всякая баба хочет быть молодой да красивой, мажется всякой дрянью или есть перестает. Кто побогаче, в молоке с мёдом купается. Слыхала я, будто есть искусные лекари, что кожу лица заменяют кожей с задницы. Мол, там она белая да нежная и ежели к ней - заднице - приделать нос, глаза и уши, то краса будет неописуемая, во как!

- А ты ничего не перепутала? - осторожно спросил Александр.

- Ну, может наоборот, не знаю точно. Мне ведь это ни к чему, я другому выучена. Да-а … так вот, надоело мне в дремучем лесу, поколдовала я чуть-чуть над собой и отправилась в Киёв. Ну, с моей красой писаной да опытом глубоким выйти замуж за приличного человека труда не составило. Муж мой, боярин Волчья Губа, был человек весёлый, лихой, да только вот она-то его и подвела...

Из дальнейшей болтовни бывшей Бабы Яги Александр узнал, что муженёк был крутым разбойником, который держал в страхе всю округу. В его подчинении было несколько разбойничьих шаек, которые контролировали основные купеческие маршруты к городу. Самым выгодным был тот, что вёл в далёкие восточные земли, откуда купцы привозили невиданные украшения, драгоценности, дорогое оружие и чудесные снадобья, что превращали самую обычную еду в изысканное и необыкновенно вкусное кушанье - пряности. А ещё по этой дороге везли соль из далёкого соляного озёра. Всякий купец должен был заплатить за проезд, иначе он рисковал головой и товаром. Некоторые сбивались в ватаги, нанимали стражу, но охрана стоила очень дорого и не всегда спасала. Разбойники знали всё леса в округе, устраивали искусные засады, так что караваны пробивались с боями и несли такие потери, что в пору было нанимать купцам княжеских дружинников для охраны. Великий князь киевский несколько раз посылал дружину на татей, но безрезультатно. Шайки бесследно исчезали в дремучих лесах, что со всех сторон окружали Киёв. Купеческие караваны, пользуясь моментом, торопливо проскакивали в город. А потом всё возвращалось обратно - ведь невозможно бесконечно держать дружину в лесу.

- Так вот, милок, - продолжила рассказ боярская вдова, - мужа моего убил завистник. Позавидовал он удаче его в делах, что жена, - как бы случайно провела ладонями по округлостям, - красавица. Ещё и сватов присылал, гад подколодный! Предложение у меня к тебе есть.

Боярыня Рада, в девичестве Баба Яга, замолчала, испытующе глядя на Александра.

- Э-э... и какое же предложение? - спросил он, незаметно подгибая ноги под лавкой, словно для прыжка и как бы между прочим оглядываясь.

- Ты отыщешь убийцу моего мужа, покараешь. Это первое, - чётко произнесла боярыня, - второе: разыщешь племя лесных людей, местные жители их деревлянами кличут, потому как в дуплах живут. Третье: заставишь их на верность великому князю присягнуть да тракт купеческий от разбойников охранять.

Александр тяжело вздохнул, взглянул на вдову, словно на смертельно больную. Ласковым голосом спросил:

- Ты, бабушка... э-э ... Радушка, в своём уме? Такого даже великий князь не может со всей своей дружиной, а воины у него будь здоров, получше императорской гвардии будут. Спасибо тебе, боярыня, за хлеб-соль, пошёл я.

- Иди, милок, иди. Тебя сейчас вся городская стража ищет, на куски разорвать хочет за товарищей своих, которых ты изрубил в

капусту, - ехидно сказала вдова, - просто ждёт не дождётся, когда ты на улице покажешься.

Александр тяжело опускается на лавку.

- Ну! - рыкнул.

- Не нукай, не раздел ещё, - ответила вдова.

- И не собираюсь, - буркнул он, - не хватало мне … невестушки в триста годов!

- Дурак ты молодой, - нисколько не обидевшись, засмеялась вдова, - не знаешь, что такое опытная женщина. Мужчины толковые ценят ох как высоко! Ну да ладно… Первым делом пойдёшь к князю и скажешь ему…

- Да ты что, бабка, спятила? - заорал Александр, - князь со мной и разговаривать не станет, враз на кол посадит за то, что я на пристани стражников побил!

- Не ори, мальчишка! - стукнула кулачком по столу вдова. - Не посадит. Князь наш теперь не какой нибудь неумытый вождь дикого племени язычников, а этот, как его - христианнейший государь, во! Окрестился он, зовут его теперь не Владимир, а Василий. Я кому надо пошепчу, тебя пропустят к нему. Скажешь, что повиниться пришёл, а повинную голову меч не сечёт. Стражники напали спьяну, ты защищался и свидетели тому имеются … э-э … будут, не беспокойся! Так вот, у князя эта дорога головная боль. И племя этих самых деревлян тоже надо бы давно к рукам прибрать, да всё не досуг было. Скоро из города большой караван должен выйти. Перёд ним пойдёт дружина. Скажешь: так мол и так, князюшко, отправь меня с малой дружиной в лес, я племя деревлян покорю и заставлю ту дорогу охранять да пошлину собирать с купчишек. Потом пойду на разбойников.

- Князь не такой дурак, что б первому встречному поверить.

- Ты не первый встречный, - возразила вдова, - о тебе при дворе князя знают, приезжие из Царьграда купцы рассказывали. Дружину не тебе дадут, а ты при ней будешь. Если уговорить вождя деревлян не сумеешь, дружинники тебя тут же и казнят.

- Конечно, не сумею! Кто я ему такой? А раз так, то чего за семь вёрст переться киселя хлебать? Голову мне и здесь отрубят.

- У тебя всё получится, - уверенно возразила вдова. - Слушай сюда! Князь деревлян - мой воздыхатель. Он давно на меня глаз положил, да мне неохота была снова замуж идти. Но сейчас тот гад, что мужа моего убил, сам на мне жениться хочет, а он такой, что … В общем, лучше мне за деревлянина сходить. Он мужчина видный, здоровый, не то, что городские хлюпики. Дам я тебе письмо. Напишу, что выйду за него, если он согласится тебе помочь побить разбойников, их атамана извести да подданство

киевское принять. Будет он вместо разбойников купчишек проезжих гра ... пошлину за проезд и охрану собирать да Киеву отдавать. И ему хорошо и князю прибыль. Понял?

- Теперь понятно, - усмехнулся Александр, - ты отомстишь убийце, получишь нового мужа, а заодно и бедность свою поправишь. Ты ведь бедно живёшь, - поморщился он, глядя на дорогой заморский ковёр, весь увешанный золотым оружием. Крупные рубины и изумруды, искусно вставленные в рукояти и ножны, ярко сверкали разноцветными огнями, рыдая в голос о бедности их хозяйки. - Не обязательно отдавать князю пошлину всю до копейки, верно?

- Верно. Вот сразу видно, почему государь император ромейский тебя генералом назначил! - засмеялась вдова. Поднялась из-за стола, кокетливо расправила складки платья на широких бёдрах.

- Ну, я пошла делами заниматься, а ты поднимайся на второй поверх, там комната есть свободная. Поживи дня три, пока я всё не улажу, да что б не выходил никуда, понял? А не то я тебя в жабу превращу, посажу в кадку во дворе и будешь ты там три дня квакать. Договорились, Александрушка?

Утром четвёртого дня Александр ступил на резное крыльцо княжеского терема. К княжескому дому его доставила крытая повозка. В ней сидел молчаливый человек, который за всю дорогу не произнёс ни слова. Он молча вышел из повозки, жестом предложил следовать за ним. Дубовые доски пола глухо перестукивались под каблуками двух мужчин. Шли долго, несколько раз поворачивали, спускались ниже, потом снова поднимались. Где-то - Александр не заметил - за его спиной стали перестукиваться ещё каблуки. Шаги звучали твёрдо, с железной жёсткостью. " Дружинники, из личной стражи великого князя, - понял Александр, - стерегут отца родного... Что ж, тоже верно". Он вспомнил, сколько личной охраны у ромейского императора и усмехнулся - русскому князю, даже великому, ещё далёко! Незаметно он оказался в окружении громадного роста воинов, сплошь закованных в блестящую сталь. Ни у кого не было больших щитов, длинных двуручных мечей. Всё это не нужно в тесных помещениях. Александр сам был не малого роста, но эти всё были на полторы головы выше, широченные плечи едва не задевали стены. Воины были, как горошины из одного стручка - одной стати, в одинаковых доспехах, поджарые, без капли жира или дурного мяса. Даже под толстой сталью доспехов чувствовались глыбы железных мускулов. Александр почувствовал себя маленьким мальчиком в царстве великанов. " Если что, такие и голыми руками удавят, - подумал, - пикнуть не

успею!"

Наконец, полутёмный коридор кончился, распахнулись резные двери. Александр вошёл в невеликую горницу, ярко освещённую солнечным светом через три больших окна на противоположной от двери стене. Окна были не слюдяные, как у всех, а из редкого стёкла, прозрачного, словно воздух. Вдоль стен стоят лавки, а в центре комнаты стол, заваленный бумагами, пергаментами, лежит несколько толстых книг в дорогих - кожа с золотом! - переплётах. Великий князь стоит у центрального окна, одна рука лежит на спинке стула, другая на оконной раме. Голова повёрнута к окну, лицо хмуро. Что-то внимательно рассматривает во дворе. Князь обернулся, взмахом руки велел молчать сопровождающему - он было уже рот раскрыл для доклада и Александру стало интересно - что за голос у молчуна? Князь мгновение оценивающе смотрел на гостя, потом ленивым движением ладони отпустил охрану и сопровождающего. " Не боится", - уважительно подумал Александр, всё же чувствуя себя задетым, Он слышал много рассказов о силе и воинской сноровке великого князя, но считал их явно преувеличенными, но сейчас вдруг поверил. Князь действительно выглядел очень сильным. По скупым, точным движениям, по осанке и почему-то ещё, неуловимому и невидимому простым глазом, он понял, что перёд ним великий воин и великий человек.

- Здравствуй, Александр, - негромко произнёс князь, показывая рукой на лавку, - садись.

- Здравия желаю, великий князь, - с поклоном ответил Александр, - не знаю вот, каким именем звать тебя - старым или новым?

Осторожно присел на краешек.

- Зови новым, - усмехнулся князь, - старого имени нет, как и старой жизни.

- Добро, великий князь Василий. Я пришёл повиниться перёд тобой. Драка на пристани была не по моей вине. Налетели шахраи, хотели ограбить, я не дался. Тут стражники набежали, старший не разобрался, что к чему, давай кричать, руками размахивать... Ну, защищался я! - развёл руки Александр.

- Да, доложили мне, что портовая стража кровью умылась. А ведь у каждого друзья, родня многочисленная в городе... Сотни людей! И как мне объяснить им, что ты - убийца десятков людей - не виноват, а виноваты они сами, а? Ведь порядок в Киеве держится не силой князя, а справедливостью.

Александр пожал плечами.

- Много ли пользы просто срубить голову? Это всегда успеешь. Слышал я, что разбойники на восточном тракте

донимают твоих купцов. Могу помочь.

- Ты! - изумился князь. Усмехнулся, сёл за стол. Сильные руки ложатся на ворох бумаг, пальцы сжимаются в кулаки. - Да я дружину трижды посылал тракт зачищать, леса придорожные жгли, огнём пытали всех встречных-поперечных, а толку? Срубили сотни полторы голов, так на их место двести встало. Им племя деревлян помогает, эти лесные жители каждую звериную тропку знают, прячут разбойников за непроходимыми болотами. Не могу же я дружину без конца на дороге держать, а как она уйдёт, так разбойники снова появляются!

Великий князь откинулся на спинку стула, глаза сощурились. Дерево жалобно пискнуло, по-старчески закряхтело.

- Я слышал, что ты отважный и хитроумный воевода, но здесь, в наших лесах ты едва ли на что сгодишься, - произнёс князь, постукивая костяшками пальцев по столу.

- Я не ромей, великий князь. Здешние леса для меня родные. Говорят, ты посольство с богатыми дарами к вождю деревлян на днях посылаешь?

- Да не посольство, - поморщился Владимир, - много чести деревлянскому вождишке послов слать. Так, немножко серебра для баб его, чтоб за дорогой присмотрел, когда заморские купцы из Киева восвояси поедут.

- Ага. Ты ведь малую дружину отправишь с обозом для охраны-то, верно? Вот и меня пошли с ней. Если вождь деревлян со мной говорить не захочет, твой воевода прямо там меня и казнит. Ну, а если всё пойдёт по-моему, тогда ты всё мои грехи простишь. Согласен?

Князь упёрся узорчатым красным сапогом в край стола, покачался на стуле, будто в качалке. Кривые ножки предостерегающе хрустнули.

- С чего бы это вождь лесных людей станет разговаривать с бывшим ромейским генералом и гладиатором Александром Золотая Грива, а? Что за козыри у тебя в кармане?

" Всё ведает про меня князь! - мелькнуло в голове, - правду сказали, что он хитроумный."

- Самый сильный - женщина. Такой козырь крыть нечем.

- Да когда ж ты успел о таком разузнать? - удивился Владимир.

- Старые знакомые попросили дела устроить, - скромно ответил Александр.

- Ну-ну... Не успел приехать, как уже старые знакомые объявились?

Великий князь молча прошёлся по горнице, сёл на край стола. Пальцы рассеянно погладили гладко выбритый

подбородок.

- А что, это можно, - задумчиво произнёс он, - сторожить тебя будут крепко. Если вздумаешь удрать, так по рукам и ногам свяжут, в таком виде и доставят. Ну, а там - или голову на плаху, или золотую цепь на шею. Ладно, согласен!

- И вот ещё что, князь...

- Великий князь, - вежливо перебил Владимир.

- Да, прошу прощения, - извинился Александр, - дозволь, великий князь, осмотреть подарки да на дружину взглянуть.

- Это почто? - нахмурился Владимир.

- Я не всегда был простым гладиатором в цирке, - спокойно ответил Александр, - есть опыт общения с вождями дикарей. Смогу подсказать, каких подарков следует добавить, а которых вовсе не нужно. А дружина... Больно хорошо ты, великий князь, обучил её ромейскому строю, слишком грозен вид дружинника. Ты тоже в императорской гвардии служил?

- Было дело, - довольно улыбнулся князь, - а что с того, что вид дружинника грозен? Он и должен быть грозой для врагов.

- Так ты деревлян врагами считаешь?

Владимир вздохнул.

- Ладно, смотри. Может, вправду найдёшь чего ненужного. Со стороны видней бывает.

Получив разрешение великого князя, Александр придирчиво осмотрел дары и остался недоволен. Велел казначею добавить платьев заморских, тканей и всяких красивых безделушек вроде свистулек, кукол и прочих игрушек. Женские украшения забраковал всё, потребовал дорогих и изящных, с драгоценными камнями. Казначей не возражал против свистулек и кукол, но взбеленился, едва услыхал про драгоценные украшения, побежал жаловаться великому князю. Владимир спокойно выслушал сбивчивую от возмущения речь казначея. Поднялся из-за стола, подошёл к распахнутому окну. Через двор идёт девка с водой. Два здоровенных вёдра висят на крюках резного коромысла, будто лёгкие колокольчики, только слегка покачиваются в такт шагам. На лавках, в тени, сидят дворовые, молодые парни и мужики и во всё глаза смотрят, любуются. Девка чует, что на неё глядят десятки пар мужских глаз, держит спину ровно, носик вскинула - ах, какое мне дело до этих кобелей! - но полная грудь выпирает так, что вот-вот сарафан треснет, круглые ягодицы оттопырились, а походка стала плавной, замедленной и под тонкой тканью сарафана чётко видны очертания стройных бёдер.

Великий князь Киевский отошёл от окна, кашлянул в кулак.

- Ты вот что, хранитель сокровищ, - негромко произнёс он, снова усаживаясь за письменный стол, - Александр этот был

большим человеком в ромейской державе, дело своё знает хорошо, так что всё его требования насчёт женских прикрас исполни как мои, понял?

- Слушаюсь, великий князь, - растерянно развёл руками казначей.

Ранним утром следующего дня князь с усмешкой наблюдал за последними приготовлениями к дороге своей малой дружины с обозом. Из раскрытого окна ему видно, как кружит вокруг телег злой казначей, высматривая, что бы забрать обратно, в казну. Хранитель княжеских сокровищ был необыкновенно скуп, очень любил, когда казна пополняется хоть на ржавый гвоздь и терпеть не мог отдавать даже ломаный грош. Теперь он крутился возле обоза злой, раздражённый донельзя растратой и выискивал, где что не так положено, чтобы придраться и утащить обратно в прохладный подвал княжеской сокровищницы. Другим недовольным всём происходящим был воевода по имени Шрам. Его князь назначил старшим по малой дружине, отправляемой к деревлянам. Воевода бит перебит в многочисленных сражениях, несколько раз бывал так изрублен, что никто и не надеялся, что выживет, но всякий раз выкарабкивался. Воевода был убеждённым сторонником громадных мечей, секир и железных дубин, утыканных шипами. Из доспехов признавал только панцири толщиной в два пальца и шлемы с глухими личинами. Когда князь по наущению какого-то приблуды приказал взять в поход только лёгкие сабли да кольчуги, воевода сильно расстроился. Он немедленно отправился к князю и долго бурчал, что так не годится, княжий дружинник должен быть лют, страшен и грозен на вид да и вообще, мало ли что может произойти в дороге, надобно быть готовыми ко всему, а всякие советчики заморские пускай хоть голыми едут верхом на козе. Он бубнил и бубнил и князь махнул рукой - надевайте тяжёлые кольчуги, то есть такие, у которых на груди и спине нашиты стальные пластинки для лучшей защиты. Воевода тяжело вздохнул - и на том спасибо - повеселев, отправился к дружине.

Приготовления закончились, воины заняли места в строю. Шрам вздохнул полной грудью, любовно оглядел конный строй. Шлемы сверкают, щиты блестят алым цветом, лёгкий ветерок треплет яловцы на вершинах шлемов - орлы готовы к полёту! Он собрался было идти на доклад князю, как вдруг заметил, что в строю не хватает того самого советчика, по чьему наущению творились всё безобразия с дружиной. Воевода громко пыхнул в усы, свирепо выкатил глаза, намереваясь заорать на всё подворье - да где же это чудо заморское, спит, что ли до сих пор?

От конюшни раздался перестук копыт. Воевода скосил

недовольный глаз. Брови подпрыгнули на середину лба и так там и остались. Того, кого Шрам презрительно называл заморским советчиком, было не узнать. Короткая, до бёдер, кольчуга без рукавов, перехвачена в поясе широким ремнём. Руки по локоть укрыты сталью, на предплечьях широкие браслеты. Каменные бугры мускулов перевиты толстыми жилами и напоминают сытых удавов в железной упряжке. Кольчужные штаны перехвачены кожаными ремнями и заправлены в высокие сапоги, укрытые стальными поножами. Шлема нет, густые пшеничные волосы перевязаны по лбу ремешком и водопадом спадают на спину. Но самоё главное, отчего взгляд воеводы потеплел - это огромный двуручный меч. Длинная, ухватистая рукоять нагло и вызывающе торчит из-за спины, вежливо говоря всём и каждому - мой хозяин одним махом разрубит пополам любого до задницы. Каплевидный щит, туго набитый дорожный мешок, лук с колчаном стрел приторочены к седлу так, что не колыхнутся при ходьбе и нисколько не мешают коню. Не касаясь сёдла, словно подброшенный невидимой пружиной, Александр запрыгнул на коня и замер, будто статуя. Шрам одобрительно пошевелил усами, мощно кашлянул в кулак, прочищая горло и повернулся к терему. Великий князь уже спускается по резным ступеням, воевода заторопился навстречу. Владимир выслушал доклад воеводы, окинул взглядом обоз, строй воинов. Ничего не сказал, но Шрам понял и без слов, что князь доволен.

- Ну что ж, воевода, - обратился Владимир к Шраму, - верю, что вернёшься с победой, как всегда.

- Так и будет, отец родной, не сомневайся, - ответил воевода, нахлобучивая конический шлем. - Всё повеления исполним в точности.

Узкая полоса земли, утоптанной до каменной твёрдости, называемая здешними людьми дорогой, неторопливо выползает из громадной пасти крепостных ворот и тащится далее, вниз с холма. Суетливый, душный город остался за спиной, впереди наливается неприветливой темнотой непролазная чаща русского леса. Строили в Киеве только из дерева, каменных домов было раз, два и обчёлся. Слишком дороги палаты, мало кто мог позволить себе такую роскошь, а дерева вокруг сколько хочешь. Город почти постоянно строился, перестраивался, много дерева требовалось на ремонт городской стены. На три вёрсты вокруг лес вырубили начисто. Пустые земли заняли под пашни, огороды, а вот дальше начинался дремучий лес. Сосны в три обхвата, корявые дубы толщиной с крепостную башню, чёрные громадные ели - и всё это густо переплетено подлеском, орешником, ольхой. Такой лес по-настоящему непроходим, только звериными

тропами и можно ходить ... пока не встретишь того, кто эту тропу проложил.

Обоз вошёл в лес, как в пещеру. Кроны деревьев сомкнулись в вышине, на лица пала зелёная тьма. Заметно похолодало, воздух стал резче, запахи распаренных солнцем трав исчезли. От влажного дыхания чащи доспехи покрылись едва заметной изморосью, пахнуло запахом прелых листьев, гнилой коры. Как ни странно, вид мрачного леса поднял настроение дружинникам. Сказалась воинская привычка ждать внезапного нападения ватаги кочевников в открытом поле. А лес что, в лесу бояться нечего.

Александр любопытно вертел головой. Он уже отвык от тёмного леса, от сырого холодка, что тянется из чащи и обнимает стылыми руками. Кованые копыта коня тихонько чвакали, ударяясь в слой прелых листьев, что толстым слоем укрыли дорогу. Вообще-то не дорогу, а тропу шириной в сажень. За время, проведённое в империи, он привык, что дорогой называется мощёная камнем полоса шириной в два копья. Дорожное строительство ромеи вели по традициям своих западных соседей - дороги мостились плоскими камнями, один к одному с минимальным зазором. Ширина проезжей части - чтобы свободно могли разъехаться два всадника с копьями поперёк сёдел. Это правило неукоснительно соблюдалось всегда и везде на всей территории империи. На Руси дорогой считали кратчайшее расстояние от пункта А до пункта Б, по которому могла проехать телега. Там, где лошадь не могла протащить воз, бездорожье.

На всём протяжении этой лесной дороги Александр ни разу не видел нёба, если не считать пары привалов на лесных полянах. Тогда далёко в вышине можно было увидеть солнечную синеву в ломаной раме темно-зелёной листвы. День отличался от ночи только тем, что тьма становилась гуще и, когда едущий первым воевода Шрам не мог разглядеть уши своего коня, объявлялся привал на ночёвку. Когда ночная тьма бледнела, свёртывалась в клубки и отступала в чащу, воевода поднимался и громким медвежьим рёвом будил дружину. Короткий завтрак, осмотр коней и обоз идёт дальше. Так продолжалось пять дней, на шестой прискакал дозорный и сообщил, что к ним вышло охранение деревлян. Обоз стал. Александр увидел, как на дорогу вышил четверо кряжистых, невысоких воинов. Всё вооружены двуручными секирами, простые железные доспехи укрыты кусками медвежьих шкур. На стальные шишаки, что носят простые стражники или воины победней, надеты медвежьи черепа. Щитов нет, они не нужны в густом лесу, зато у каждого за плечами лук и полные колчаны. Стрелы в палец толщиной,

стальные наконечники в ладонь шириной холодно блестят. На левой руке каждого кожаная рукавица - чтобы при стрельбе из лука не рассечь тетивой пальцы.

Воевода коротко переговорил с одним из деревлянских воинов, махнул рукой на телеги - вашему князю везём, мол, веди прямо к нему. Деревлянин важно кивнул. Обоз тронулся. Дорога выползла на громадную поляну и повернула на юг, но деревлянин шёл всё также прямо. Когда обоз вплотную приблизился к сплошной стене бурелома, брёвна медленно поползли в стороны. Несколько сухих сучьев с хрустом обломились, щепки взлетели выше голов всадников. Вслед за брёвнами разошёлся кустарник, словно мёртвые гигантские пауки внезапно ожили и нехотя поползли в чащу, уступая дорогу людям. Открылась одна из тайных дорог лесного племени. Кони шагнули с солнечной поляны в тёмную прохладу леса. Александр с высоты лошади успел заметить несколько десятков воинов, что растащили искусственный завал. Он придержал коня. Обоз неторопливо втянулся в чащу, мимо проехал арьергард из десятка дружинников и опять словно по неслышимой команде ожил лес. Неошкуренные брёвна, ощетинившиеся заострёнными обрубками сучьев, поползли навстречу друг другу, словно длинные кривые зубы чудовищной по размерам пасти. Клыки со скрежетом и треском сомкнулись, вслед за ними сплелись чёрные ветви мёртвого кустарника и уже через минуту залитая весёлым солнцем поляна исчезла за мрачной стеной бурелома. Александр покачал головой - такую крепость с наскока не возьмёшь. Каменные ядра будут тонуть в переплетении веток, как в трясине, таран увязнет, словно копьё в стоге сена. Да и не притащишь сюда ни таран, ни камнемёт. " Только греческим огнём можно пробить, - подумал бывший генерал, - залпом из двух десятков корабельных пироболов. Но опять же жди, пока прогорит, ведь солдат не пойдёт в пламя. А эти лесники под прикрытием огня отойдут и новый завал соорудят. Снова пробивайся и так пока лес не кончится... Неплохо устроились деревляне, неплохо!"

Теперь дорога пролегла через такой густой лес, что Александр не верил своим глазам. Словно гигантский крот размером с сарай прорыл нору в сплошном переплетении веток и стволов. Можно было, даже не вставая в седле дотянуться до потолка этого удивительного тоннеля. Впрочем, когда он внимательнее вгляделся, то понял, что в естественную паутину ветвей искусно вставлены рубленые прутья. Получился такой своеобразный плетень, наполовину природный, наполовину сделанный людьми. В потолке через каждые десять-двенадцать шагов проделаны небольшие отверстия для дневного света, так

что видеть дорогу можно хорошо. Путешествие по тоннелю продолжалось долго, почти час. После поворота показался ослепительно яркий круг света, конец тоннеля. Через несколько минут Александр выехал из темноты на свет божий и едва не ахнул. Перёд ним расстилается громадная, залитая солнцем равнина. В двух полётах стрелы от чёрной стены леса, из которого только что выбрался обоз, прямо из зелёной травы вырастает частокол, а за ним высокие деревянные стены города лесных людей. Город велик, он занимает почти всё поле или, лучше сказать, поляну, потому что вокруг города лес. Александр пришпорил коня, подъехал к Шраму.

- Воевода, ты раньше здесь бывал?

- Бывал, - равнодушно ответил Шрам, - ничего интересного. Одни избушки на курьих ножках.

- А чём живут жители?

- Охотой, грабежами. Ещё горох сажают. С той стороны вся земля распахана под горох, - указал воевода плетью за стены, - а за полями болота непроходимые. Они тут как на острове живут.

Тём временем передние возы уже скрылись в настежь распахнутых воротах. Ещё немного и весь караван оказался в городе. Воевода не соврал, за стенами прилепились один к одному деревянные домишки с маленькими подслеповатыми окошками. Всё домики на высоких столбах, так что от земли до пола почти рост взрослого мужчины. Видно, земля здесь очень влажная и подобным образом жители спасаются от сырости в избах. У тех, кто побогаче, дома из дубовых брёвен, сваи тоже дубовые. Остальные довольствуются сосной. Её древесина быстро сгнивает и потому большая часть домов выглядит так, словно их строили много лёт назад. На улицу высыпала любопытная ребятня. Александра поразил внешний вид детей - всё в шкурах волков. Только девочки, и то не всё, носят одежду из шкуры енота или барсука. На ногах странные обмотки, из шкур. Взрослые тоже в основном в грубо выделанных безрукавках из волчьих шкур. В обычной полотняной одежде почти никого. Женщины заплетают косы, а мужчины так и ходят с лохмами. Старики и молодёжь одинаково заросли бородами до глаз. Кажется, что вокруг одни деды.

Кони вынесли Александра и воеводу на просторную площадь. В центре возвышается столб в три обхвата и выстой с корабельную сосну. Вершина оканчивается грубо вырезанной человеческой головой. Лик страшен. Выпученные глаза уставились куда-то поверх домов и стен. Губы толстые, вывернутые, уши похожи на кое-как сколоченные двери. Углы обтёсаны. Вообще, всё изображение сделано нарочито грубо,

устрашающе. Основание столба на высоту человеческого роста темно-коричневое от засохшей крови. Тучи мух облепили столб, ползают по земле. Воздух гудит и вибрирует от непрерывного жужжания. Поодаль возвышаются острые колья ограды вокруг княжеского терема. Отличается от изб простых жителей только размерами. Сваи поставили чуть длиннее и дом здешнего князя получился на сажень выше остальных. Воевода остановился, взмахом руки велел снимать дары с возов.

- Ну что, Золотая Грива, сразу до вождя или опосля? - с усмешкой спросил Александра.

Тот молча ткнул шпорами в конские бока. Конь фыркнул, взмахнул гривой, отгоняя надоедливых мух. Подкованные копыта глухо стукнули по влажной земле.

- Прикажи, чтоб с дарами не мешкали, воевода, - не глядя, произнёс Александр.

- Ну-ну ... - с угрозой пробормотал Шрам, провожая взглядом прямую спину бывшего генерала, - ещё посмотрим ...

Конь входит в распахнутые ворота княжеского двора. Осторожно ступает на бревенчатый настил. Подковы громко и нагло стучат по дубовой мостовой. Звероватого вида стражник в медвежьей шкуре поднимает волосатую руку.

- Кто такой, куды прёшь?

- К князю деревлянскому, с важным известием, - отвечает Александр, спрыгивая с сёдла. - Куда коня-то отвести, воин?

Услышав слово "князь" стражник напыжился, выпрямляет спину. Ладонь крепче сжимает рукоять громадной секиры. Важно задирает бородищу, молвит:

- Вона бревно ... э-э ... коновязь. Туды ступай.

Александр не спеша наматывает узду на колышек. Достаёт из седельной сумки свёрнутое в трубку письмо. Новоявленная боярыня Рада постаралась - пергамент аккуратно обёрнут красной лентой, концы запаяны громадной сургучной печатью. Послание выглядит так, словно сам ромейский монарх прислал поздравление с днём рождения.

- Велено вручить в руки, - важно произносит Александр.

Стражник уважительно смотрит на ленту, переводит взгляд на рукоять двуручного меча, что торчит из-за спины гонца. Александр понимающе кивает. Относит меч к коновязи. Возвращается к стражнику, протягивает руку. В раскрытой ладони блеснуло золото.

- Присмотри, ладно?

Стражник крякнул, погладил бороду. Маленькие глаза из-под нависших бровей мелькнули туда-сюда и золото исчезает в складках шкуры. Александр в два прыжка преодолел ступени

крутой лестницы, на минуту останавливается перёд дверью. Он никогда в жизни не видел здешнего вождя. Даже его имя - Костогрыз, узнал от воеводы перёд самым приездом. Как вести переговоры, о чём беседовать с вождём дикарей - ничего не знает. И всё-таки в душе уверенность, что всё получиться как нельзя лучше. Улыбнулся, решительно взялся за дверную ручку в виде соболя, колесом изогнувшего спину. Дверь без скрипа отворяется. Низко склонил голову, потому что притолок нарочно опущен, входит. Низкая дверь не удивила. Время беспокойное, окна в домах закрывались толстыми ставнями, а двери делали едва ли не из брёвен и низенькими, чтобы входящим недругам можно было легко голову срубить. Прямо с порога. В небольшой, полутёмной горнице Александр сразу видит резной стул с подлокотниками возле дальней стены. На троне восседает крепкий чернобородый мужчина. Одет в кожаную куртку, кожаные штаны заправлены в красные сапоги с загнутыми носами. Плечи укрыты выделанной медвежьей шкурой. Густые чёрные волосы зачёсаны на затылок, поверх надет серебряный обруч. Мужчина старательно хмурит брови, строго смотрит прищуренными глазами. Справа и слева, на резных лавках сидит несколько пожилых деревлян в богатых одеждах. " Ага, - подумал Александр, - всё ясно ..."

- Здравствуй, князь Костогрыз, - громко произносит Александр, низко кланяется, - великий князь киевский шлет привет тебе и всём уважаемым людям твоего племени!

Быстро поднимает глаза и видит то, что ожидал - хмурое лицо расплывается в улыбке, пальцы, сжимающие подлокотники, выпрямляются. Мужчина с видимым облегчением облокачивается на спинку стула. На лавках вдоль стен происходит незаметное шевеление, пасмурные лица светлеют.

- Здравствуй и ты, добрый молодец, - хриплым басом отвечает Костогрыз, - сам-то кто?

- Александр Золотая Грива, боярского рода, был на службе у ромейского императора воеводой, теперь служу князю киевскому, - произнёс Александр.

Деревлянский вождь солидно кашлянул в кулак, глаза пробежали по ромейскому доспеху в золотых насечках, поножам, стальным рукавицам. Такой доспех стоит очень дорого, десяток деревень отдадут не торгуясь. Важно глянул на своих бояр. Те согласно кивают бородами - да, уважил киевский князь.

- Ну, и с чём приехал?

- С подарками княжескими, - улыбается Александр. - Пойдём, посмотрим, а?

В распахнутые окна врывается шум с улицы, женские голоса.

Тонко завизжала девка, бубнят мужские голоса.

- Похоже, без тебя не обойтись, - кивает Александр на двор.

Когда Костогрыз в сопровождении Александра и бояр вышел на крыльцо, весь двор был заполнен народом. Казалось, что всё население города сбежалось смотреть на дары киевского князя. Дружинники аккуратно расставили сундуки с женским платьем, отдельно на подставки шкатулки с драгоценностями. На самом видном месте, в центре разложили мечи, кривые арабские сабли. Кольчуги, панцири отливают серебром, отстреливают в лица солнечные искры. Дорогое оружие и доспехи сверкают ярче драгоценных камней и золота. Жители сгрудились за ограждением из дружинников, во всё глаза разглядывают невиданную роскошь. Жёны вождя от имени мужа прорвали ограждение и увлечённо роются в сундуках. Костогрыз недовольно засопел, глядя на пять округлых задов. Верхняя часть туловища скрыта в ворохе тряпья. Время от времени одна из жён выпрямляется. Улыбаясь во всё лицо, растопыривает сарафан или платье, вышитое жемчугом и камнями. В толпе завистливо ахают. Покрутив обнову и насладившись впечатлением окружающих, откладывает в сторонку и снова ныряет в сундук. Костогрыз нахмурился, собрался рыкнуть на жадных дур. Взгляд цепляется за груду сверкающих доспехов. Мужчина сразу забывает о жёнах. Как заворожённый шагает с крыльца и, не отрывая глаз от мечей и кольчуг, подходит к разложенным на раскладных столиках сокровищам. Александр заметил, как задрожали руки вождя, когда коснулись голубой харалужной стали мечей и сабель, ласково погладили кольчуги, похожие на кожу, снятую с неведомой железной змеи.

- Хороша работа, ох как хороша, - тихо забормотал Костогрыз. Не утерпел, взял меч. Пальцы крепко сжимают рифлёную рукоять, синеватое лезвие медленно взмывает ввысь. Солнечный луч рассекает на сотню маленьких. Световые стрелы ослепительно сверкают в воздухе, пляшут по лицам, заставляя щуриться и закрывать глаза. Нехотя кладёт меч, берёт саблю. Сгибает обручем, отпускает. Клинок выпрямляется, холодно блещет синей искрой. Костогрыз только прерывисто вздыхает. Александр отступает за спины бояр. Быстро подходит к коновязи. Из седельной сумки появляется плотный свёрток. Возвращается к вождю. Из толпы зрителей раздаётся насмешливый голос:

- Лучше нашего железа на всём свете не сыскать, потому доспехи и мечи такие хорошие. Киевляне за бесценок скупают, а потом нам же и продают втридорога!

Александр оборачивается. Из толпы выступает вперёд молодой парень. Почти ровесник. Румяный, русоволосый,

налитый здоровьем и силой. Симпатичное лицо портит длинный, ото лба до шеи, шрам. Словно делит голову наискось.

- Опять этот чёрт лесной, - слышится ворчливый голос Шрама, - сейчас начнёт воду мутить.

- Кто такой? - спрашивает Александр.

- Буян и заводила, самый удачливый разбойник среди деревлян. Шустрый такой, потому Белкой кличут, - отвечает Шрам.

Парень выбрался из толпы, становится в первый ряд зрителей. Александр про себя отметил, что переходить за линию киевских дружинников не решается.

- Ты, Белка, от зависти говоришь, - не оборачиваясь, произносит Костогрыз, - твои-то братья так ковать не могут.

- Да что тут мочь, - пренебрежительно кривится парень, - только в нашем лесу доспех с лосиной кожи куда как лучше, а железяки эти только вначале красивые, потом их ржа есть начинает.

- Только у таких лентяев, как ты, кольчуги ржавеют, - громко произносит Александр. - Вот, князь Костогрыз, посмотри на другой доспех, кожаный. Железо на нём не ржавеет никогда.

Краем глаза замечает, как мгновенно багровеет лицо парня. Разворачивает холстину. Всё вокруг ахают, даже Шрам таращит глаза.

Александр держит на вытянутых руках длинный кафтан из неведомой зелено-чёрной кожи. Плечи, рукава, грудь обшиты булатными пластинами. Доспех прошит золотой нитью, а стоячий воротник весь покрыт золотыми пластинами, словно чешуёй. Блестит, сверкает, аж глазам больно. Наступает тишина. Один из бояр Костогрыза от удивления разевает рот. Пальцы разжимаются, сабля падает. Над притихшими людьми раздаётся звон. Костогрыз вздрагивает, трясёт головой.

- Это чего у тебя, а?

- Доспех из шкуры заморского дракона. Дракона я убил, доспех сшили по заказу мастера, - отвечает Александр.

- Что такое дракон? - удивлённо спрашивает Костогрыз.

- Ну ... змей на четырёх ногах. В пасти кабан помещается целиком, а зубы, как ножи.

- Врёшь, не бывает таких зверей! - кричит опомнившийся Белка.

- Это в вашей глухомани не бывает зверя страшнее росомахи, - отмахивается Александр, - а кто по земле ходил да за моря плавал, тот всяких чудищ видал. Такой вот зверь крокодилом зовётся.

Мужики разинули рты, даже дружинники вытаращили глаза,

совершенно позабыв про обязанности удерживать любопытных. Всё сгрудились вокруг Александра и его чудесного доспеха. Костогрыз опомнился первым. Спина выпрямляется, чёрные брови сходятся на переносице. Лохматая голова поднимается на вершок выше остальных. Густым, начальственным басом рявкает:

- А ну, народ, отойди в сторону, не заслоняй свет!

Деревляне шарахаются от громового голоса вождя, дружинники Шрама помогают руками и тупыми концами копий. Костогрыз важно принимает необыкновенный доспех. Повертел в руках и вроде как нехотя надевает. Пришлось впору, только вождь чуть пониже ростом и полы закрывают колени. На это никто не обращает внимания. Деревлянская одежда вся длинная, короткого никто не носит. Костогрыз нежно погладил заскорузлыми ладонями по плечам, поднял и опустил руки, проверяя, не жмёт ли подмышками.

- У-у-ий ... - тоненько завизжали жёны, - красавец ты наш!

- Да ладно ... - отмахнулся Костогрыз, но лицо против воли зарумянилось, рот расплылся в улыбке до ушей.

Толпа вокруг загомонила, словно по команде. Сквозь гвалт и удивлённые крики прорезался насмешливый голос Белки:

- Украл небось или купил, а теперь врёт, что сам убил!

Шум голосов стихает. Александр, не говоря ни слова, подходит к коновязи. Молча возвращается. Неторопливо разматывает ткань, рывком отбрасывает ножны. Ставит громадный двуручный меч остриём в землю, так что крестовина на уровне лица. Лезвие шириной с лопату холодно выстреливает белыми искрам отражённых лучей.

- Кто считает меня трусом и вором? Я готов доказать обратное любому из присутствующих, - говорит Александр, глядя на заметно побледневшего парня. Шрам, до этого помалкивавший, громко хмыкает в усы. Говорит, не обращаясь ни к кому:

- Хорош меч. Таким окованного железом рыцаря можно разрубить вместе с конём.

Толпа ахнула, подалась назад. Получилось, что Белка оказался один. Растерянно вертит головой, отступает на шаг. Быстро приходит в себя. Нагло улыбаясь, произносит:

- Нечестно получается. У тебя меч вон какой и сам ты весь в железе. Надо на равных.

- Согласен, - кивает Александр.

Быстро скидывает панцирь, кольчугу. Остаётся только в обычной полотняной рубахе и кожаных штанах. Берёт меч из тех, что прислал киевский князь в подарок вождю деревлян.

- Готов? - спрашивает Белку.

Тот картинно жмёт плечами, кривится, словно его упросили сделать одолжение убогому. Снимает кожаную куртку, вытаскивает из-за пояса топор. Дружинники шире раздвигают толпу зевак, Шрам, Костогрыз и бояре торопливо рассаживаются по лавкам. Всё приготовились смотреть на самоё интересное зрелище - поединок. Александру не хотелось убивать. Надо красиво победить, что бы симпатии зрителей остались на его стороне. Шагнул навстречу противнику. Перебросил меч из правой руки в левую. Легко ударил, проверяя реакцию Белки. Тот небрежно, с ухмылочкой, отразил. Александр перехватил меч левой, молниеносно ударил наотмашь. Противник не ждал такой быстроты. Едва успел подставить рукоять топора, как второй удар рушится сверху. Спасая жизнь, резко отклоняет голову, отпрыгивает назад - нога цепляется за спутанные стебли репейника. Удержаться на ногах не смог и позорно шлёпается задом. Из толпы зевак раздаются ехидные смешки. Шрам довольно кряхтит, ладонью приглаживает волосы, проводит по бороде. Не опираясь руками о землю, Белка вскакивает на ноги. Пренебрежение, насмешка исчезают. Злобно скалится. Топор мелькает, будто крылья стрекозы. Но каждый раз натыкается на меч. Непрерывный звон железа заполняет поляну. Несколько мгновений противники кружат вокруг невидимой оси. Никто не уступает другому. Но вот меч пробивает защиту. По белой рубахе растекается кровавое пятно. На краткий миг Белка замирает от острой боли в груди - лезвие рассекло кожу наискосок, задело рёбра. Следует молниеносный удар кулаком и Белка валится на траву с разбитым лицом. Как ни в чём ни бывало, Александр подходит к Костогрызу.

- Смотри, князь, меч даже не затупился. Ни одной зазубрины, - произносит он, протягивая оружие.

Костогрыз принимает меч, внимательно смотрит. Выразительно крякнул, передаёт боярам. Те затрясли бородами, соглашаясь. Противник Александра так и не смог подняться. Из толпы зевак выбегает двое. Торопливо подхватывают под руки, волокут. Красные сапоги чертят две глубокие борозды. Александр надевает доспехи, двуручный меч занимает обычное место на спине. Подходит к Костогрызу.

- Есть разговор, князь, - тихо говорит на ухо, - только для тебя.

Ни слова не говоря, Костогрыз указывает в сторону дома. Стражник у дверей выразительно посмотрел на громадного Александра. Выпученные глаза замирают на гигантском мече. Костогрыз небрежным движение ладони отодвигает стражника. Распахивает дверь. Александр сразу направляется ближе к окну.

- Ну, говори, - произносит Костогрыз, усаживаясь рядом на лавке.

Во дворе волнуется народ, стараясь получше разглядеть подарки киевского князя. Раздаются пронзительные звуки дудок, стучат бубны, колокольчики - начинают представление скоморохи. Александр настоял, чтобы их взяли как можно больше из Киева. Теперь два десятка уличных артистов визгливо дудят, кривляются, развлекая деревлянский народ. Лесным жителям представление столичных скоморохов в такую диковинку, что сбегаются всё, даже немощные старики приползают. Возле княжеских даров остаются только дружинники да пять костогрызовых жён. Сквозь мутную плёнку бычьего пузыря Александр видит, как озадаченно скребёт затылок Шрам. Растерянно смотрит на разложенные сокровища, в сердцах плюет.

Слышно, как скрипит лавка под Костогрызом. Александр молча вручает письмо «вдовы» в руки князю. К немалому удивлению Александра, Костогрыз оказался грамотным. Разворачивает свиток и глаза словно прикипают к бумаге. Лицо медленно меняется, краснеет. Рот растягивает довольная улыбка.

- А-ах, какая женщина! - жмурясь, словно кот, произносит Костогрыз. Качает головой, радостно причмокивает. Спохватившись, хмурится, подозрительно спрашивает:

- А ты откуда её знаешь?

Александр садится рядом.

- Она мне когда-то жизнь спасла. Я ещё пацаном был, - отвечает с улыбкой.

- Точно? - сдвигает брови Костогрыз.

- Не сомневайся, князь, - серьёзно говорит Александр, - она и сейчас меня здорово выручает.

- Да? Ну ладно ... Деловая женщина. Как раз такая мне нужна, - задумчиво произносит Костогрыз.

- А пятерых жён куда денешь?

- Да ... - Костогрыз неопределённо машет рукой, - это так, для мужской надобности. Всё дуры. Не можно вождю без жён, уважения не будет. Вот и взял пяток штук, чтоб не очень страшных.

- Боярыня шестой женой за тебя не пойдёт.

- Знаю, - ворчит Костогрыз, - она такая, что изведёт всех пятерых за неделю. Да и мне на орехи достанется.

Громко вздыхает, чешет затылок.

- Ну, раз знаешь, давай о деле, - серьёзно говорит Александр, - киевский князь хочет видеть тебя союзником. Он предлагает тебе защиту от всех врагов. Взамен ты берёшь под охрану торговый путь в Киёв, собираешь пошлину с проезжих купцов,

часть оставляешь себе, остальное - князю. С Киева пришлют мастеровых, отстроят хорошую дорогу, терем тебе изготовят настоящий, княжеский. Детей отправишь в школу, научатся чтению, счёту. Сам-то грамотный, а много ли таких среди соплеменников?

- А на что она им? - хмыкает Костогрыз.

- Как на что? - удивляется Александр, - разве приезжие купчишки киевские не обманывают?

- Это бывает, - соглашается Костогрыз. - Когда много шкур берут или железа, всегда обжулят.

- Ну вот, а как выучатся, так сами жулить начнут, а?

- Да ладно! - отмахивается Костогрыз. - Дуракам переводу нет.

Яростно скребёт затылок. Тяжёлый кулак бьёт по лавке.

- Я бы давно согласен князю поклониться, - шепчет, - да не дают волхвы. Им, видишь, новый бог не нравится. Привыкли, что каждую весну жертвуем и золотом, и скотом, и людьми. А новому, я слышал, жертв не надобно. Ты видал, какой столбище Велесу поставили? И народ дурной, тёмный, верит волхвам.

- А ты разве сам не верховный волхв? - осторожно спрашивает Александр.

- Верховный, верховный ... А куда денешься, иначе князем не быть. Только я не всегда в лесу жил, поездил по миру, посмотрел. Ты вот в Царьграде бывал. А ну, скажи, как тамошние люди нас обзывают?

- Дикари - это самоё вежливое называлово, - отвечает Александр. - О других говорить не стану.

- Вот! Думаешь, мне нравится сидеть тут, на болоте, грибы с горохом жрать? Надоело всё, смотреть тошно. Бросить бы, да нельзя. Люди тут хорошие, если уйду, разбойники и тати вроде Белки власть захватят. Тогда беда всём.

- Я понимаю тебя, князь, но надо решать.

- Надо, - вздыхает Костогрыз, - только как? За волхвами пойдут многие.

Александр подходит к окну. Смотрит на городок, поднимает взгляд. Сразу за крепостной стеной расстилается поле. По краю растут кривые берёзы. За ними начинается болото. Тихо за окном, ни ветерка. Слепящее солнце заливает расплавленным золотом лучей землю. Парит. Распахивает окно. В горницу врываются крики скоморохов, шум толпы. Горячий густой воздух течет с улицы, как топлёное молоко.

- Наверно, гроза будет, - произносит Костогрыз. Сидит на лавке. Пальцы мнут письмо боярыни.

- Да, наверно, - соглашается Александр. Взгляд медленно

скользит по домам, цепляется за столб Велеса. " Надо решать, надо решать ... - бьётся мысль, - а как?"

Ночь затопила городок душным мраком. Плотные, словно стёганое одеяло, тучи закрыли нёбо. Полный месяц жалобно мигнул и навсегда утонул в свинцовой волне. Сине-чёрные грозовые тучи сначала проглотили нёбо и звёзды, потом медленно поползли к земле. Тьма наступили такая, что даже свет факелов тонет трясине мрака. Ничего нельзя разглядеть на расстоянии вытянутой руки. Александр почти на ощупь добрался до гостевой избы. Будто слепой, вытягивает руку, шарит по резным перилам. Осторожно переставляет ноги по лестнице, боясь оступиться. Толкает дверь. Из душной темноты выкатываются волны храпа. Шрам дрыхнет, не обращая внимания на комаров и духоту. Сильно пахнет чесноком и перегаром. " Нажрался мяса с горохом, запил ковшиком браги, - раздражённо думает Александр, - теперь храпит на весь лес. Уснёшь тут..." Плюнул с досады, сёл на ступеньку. Настроение упало окончательно. И спать негде, и Костогрыза этого уговорить не удалось. Трусоват оказался лесной вождь, боится крови. Дружина Шрама тоже не поможет - что такое полсотни воинов? Голова медленно опускается на ладони. Жёсткие волосы трещат под пальцами. Что придумать? Волхвы в любом племени пользуются влиянием, почти всегда их слово решающе. Они толкуют волю богов, кто будет спорить с такими?

Далёко, на грани видимости, слабо сверкнуло. Через несколько бесконечно длинных минут доносится слабый гром. " Гроза, - рассеянно отметил Александр, - ливень начнётся, зальёт всё к чёрту!" Вспомнил, как однажды гроза застала его с отрядом латной пехоты на переходе. Плоская, словно лицо кочевника, степь равнодушно тянется до горизонта. Смолкли насекомые, трава замерла в ожидании потоков оживляющей влаги. Солдаты, равнодушные ко всему от одуряющей жары, оживились. В строю пошли разговоры, шутки.

- Господин Александр, необходимо остановиться, переждать грозу! - раздался голос командира тысячи.

- Боимся промочить ноги? - удивился Александр.

- Нет, гроза может убить. И вам, генерал, надо сойти с коня.

Поколебавшись, Александр слёз с коня. Адьютант подхватывает повод, уводит животное к обозу. Первый порыв ветра бросает в лицо комок сухой травы, пыль. С шелестом наклоняются стебли, струи воздуха несутся над горячей землёй, гигантскими змеями раздвигая ковыль. Первые капли падают в пыль. Раздались команды сотников, им вторят сорванными голосами десятники. Строй тает в густой траве, превратившись в

холмики с ярко красными вершинами - солдаты садятся на походные мешки, укрываются щитами. Возницы с криками выпрягают лошадей, укладывают на траву. В считанные минуты колонна в полторы тысячи солдат исчезает и только возы со свёрнутыми шатрами и десяток монаконов - малых камнемётов, возвышаются над травой. Только Александр стоит во весь рост. Ему никто не решается скомандовать. Ослепительно сверкает столб белого огня и сразу оглушительно гремит. Кто-то дёргает за край одежды. Александр послушно опускается на землю, поднимает щит. В эту минуту с чёрного нёба обрушивается поток ледяной воды, опять сверкает молния и грохочет. Обозная лошадь, испугавшись, вскакивает. Спутанные передние ноги не дают убежать, лошадь нелепо дрыгается на месте. Бежит возница. В этот момент чёрное нёбо с оглушающим треском швыряет молнию - белый столб огня бьёт в лошадь. Животное исчезает в блеске и грохоте. Александр успевает увидеть, как замертво падает возница. Опять гремит, молнии сверкают одна за другой. Никто не посмел подняться на ноги, подойти к упавшему. Когда стих ливень и гроза перестала злобно сверкать клыками молний, Александр поднимается. На месте лошади осталось чёрное пятно сгоревшей земли. Убитого молнией возницу закопали и отряд тронулся в путь. На земляное надгробие положили расколотый молнией шлем ...

Вдали опять полыхнуло, уже сильнее. " Столб Велеса самый высокий здесь, даже выше деревьев, - вдруг подумал Александр, - он должен притягивать молнии. А вот если бы на Велесовой башке был железный шлем, тогда..." Дикая, сумасшедшая мысль появляется ниоткуда, гонит раздражение на храпящего воеводу. " Или не шлем, а что-то другое? Ну какой, к чёрту, шлем на такую башку. Котёл, разве, да и то не всякий. Да и не в шлеме дело, в железе. Оно притягивает молнию!" Александр в растерянности хлопает себя по груди, укрытой панцирем, по кольчужным штанам. Рука поднимается к затылку. Пальцы натыкаются на рукоять меча.

" Меч! А что если воткнуть меч в макушку Велеса? У ромеев были случаи, когда молния убивала катафрактария - воина тяжёлой конницы. Всадник весь в броне, на лошади железо и копьё, длинное, в три сажени. Тупой конец упирается в выемку в стремени, стальное остриё смотрит в нёбо. Удар молнии - человек и лошадь падаю замертво!"Торопливо сбрасывает доспехи. Железо гремит, но Александр не обращает никакого внимания на лязг брони. На улице пусто, а Шрам храпит так, что приближающегося грома не слышно. Разделся до пояса. Оставил только меч и ножи, на всякий случай. Крадучись, спускается с высокого крыльца.

Присел, оглядывается. Вокруг никого, тишина. Осторожно, чтоб под ногами случайно щепка не треснула, идёт к столбу Велеса. Близко, над лесом бьёт разлапистая молния. Неровные лини рвут горизонт, мертвенным бликом освещают уходящий в тучи столб. Александр только сейчас видит, как огромен идол Велеса. Ствол не обхватить и двоим, оскаленная голова так далёко наверху, что шапка свалится, если посмотреть. Как забраться на такую высоту?

Приблизился. Пальцы коснулись отполированной поверхности. Дерево покрыто глубокими трещинами. Столб поставлен давно, древесина растрескалась от холода, жары, дождя. Обошёл вокруг. В некоторых местах трещины превратились в разломы. Время неумолимо разрушает идола, но стоять он будет ещё долгие годы. Подпрыгивает, хватается за выступ. Подтягивается, ноги находят опору. Поднимается ещё на шаг. Выступов мало, больше глубоких разломов. Достаёт ножи. Втыкает лезвие в трещину, подтягивается, отталкиваясь от трещин ногами. Второй нож вонзается в дерево, Александр поднимается ещё на вершок, ещё ...

Земли давно не видать, только море тьмы под ногами. Над головой тоже темнота. Словно поднимается со дна глубокой пропасти и конца-краю подъёму не видно. Молнии сверкают всё чаще, освещая пространство вокруг. Александр не опускает глаз, видит только растрескавшуюся поверхность столба. Всё внимание ей - одно неловкое движение и новая жертва Велесу готова. " Господи, сделай так, чтобы дождь не пошёл, пока я на стене, - взмолился Александр, - если столб намокнет, не удержусь!" Несколько раз ноги срываются и тогда он виснет на одной руке. Другая судорожно ищет опору среди трещин. Находит. Торопливо ощупывает дерево носками сапог, цепляется. Минутная передышка и опять вверх. Руки упираются в громадный выступ. Осторожно проводит пальцами по грубо оструганной поверхности. Выступ похож на громадное ухо. Значит, он почти добрался до вершины, ещё немного и окажется на голове идола. Последним усилием хватается за край уха, сильно отталкивается ногами. Прыжок и Александр сидит верхом на макушке Велеса. Дрожащие от усталости руки опускаются на шершавую поверхность. С любопытством оглядывается. Вокруг - непроглядная тьма. Ни нёба, ни земли нет. Он словно сидит в клубке первозданной тёмной материи, во всё стороны простираются бесконечные вёрсты клубящегося мрака. Шипение, раздирающий напополам треск, переходящий в оглушительный гром возвращают чувство реальности. Мгновенная вспышка освещает мир. Далёко внизу крыши домиков, неровная линия городской стены. И уходящий вертикально вниз столб, на

котором сидит. Сильный порыв ветра приносит запах близкой воды. Ещё немного и ливень обрушится на землю. Тогда верная смерть - слезть с мокрого, скользкого столба не удастся.

Кое-как поднимается на дрожащие ноги. Ступни упираются в глубокие трещины, это придаёт устойчивость. Осторожно достаёт меч. Ненужные ножны летят в темноту. Долгая тишина обрывается чуть слышным стуком. Вздымает меч высоко вверх. Рукоять плотно сжата пальцами. Резко опускает и лезвие вонзается точно в середину громадной башки. Всё, теперь можно возвращаться. И начинается страшный спуск в бездну. Тело наливается свинцом, мышцы стонут от напряжения, дрожат и не хотят повиноваться. Проклятые сапоги скользят, словно по льду и тогда ты виснешь на одной руке. Другой судорожно хватаешься за малейший выступ и повисаешь в пустоте, чувствуя, как кровь выдавливается из-под ногтей и тёплые капли стекают к локтю. Ноги находят опору. Нож, намертво всаженный в трещину, с недовольным скрежетом выползает наружу. Втыкаешь в другую трещину, пониже. Спускаешься на вершок, ещё ... И так много, бесконечно много раз. Александр не почувствовал, как подошвы коснулись твёрдого. Только когда колени упёрлись в жёсткое, осознал, что уже на земле. Силы оставили измученное тело. Рухнул, как пустой мешок. Словно разом лишился всех костей.

Очнулся оттого, что по лицу больно стучат холодные, мокрые пальцы. Болезненно бьёт по векам, словно неведомый злодей хочет выбить глаза. Суматошно машет руками, отгоняя неизвестного, вскакивает. Дико оглядывается - вокруг ни души. Оглушительно гремит над головой, ослепительная белая молния распарывает чёрное нёбо напополам, словно предупреждая - уходи, пока не поздно. Пошатываясь, сквозь красные круги в глазах, бежит прочь. Вбегает в дом. Шрам храпит так, словно хочет распугать всю нечистую силу в лесу. Александру едва хватает сил сбросить пудовые сапоги. Падает на лавку и мгновенно засыпает.

Рассветную тишину режет напополам истошный вопль. Кто-то кричит изо всех сил, словно режут живьём на куски. Крик бьётся между бревенчатых стен, врывается в распахнутые окна. Люди вскакивают, ничего не понимая. Осторожные бросаются к маленьким, подслеповатым окошкам. Что посмелее хватаются за оружие. Одеваясь на бегу, выскакивают на улицу. Ошеломлённо оглядываются, пытаясь понять, что произошло. Очень скоро на центральной площади собирается громадная толпа. Крики стихают. Над площадью иногда проносится короткий, как вздох, всхлип и опять тишина. Люди молча смотрят на столб Велеса, не в силах осознать случившегося. Гигантский, в три обхвата, идол

расколот надвое, словно неведомый великан ударил секирой. От вершины остались дымящиеся головешки, туловище безобразно разодрано пополам. Левая часть угрожающе наклонилась и вот-вот рухнет. Вокруг идола земля усыпана обгорелыми щепками, страшно чернеет сгоревшая трава. Расталкивая народ, к остаткам столба Велеса приближаются волхвы. Князь Костогрыз обходит пожарище вокруг, словно не решаясь приблизится. Волхвы беспомощно разводят руки. Слабый ветер треплет клочья седых волос. Длинные пряди колышутся, словно космы старой паутины. Александр подходит последним. Останавливается возле Шрама. Сердце колотится так, что едва не выламывает рёбра. Ещё не совсем понимает происшедшее, но предчувствие просто кричит о невероятной удаче.

- Ну, чего тут, воевода? - спрашивает как ни в чём ни бывало.

- Да вот, - зевая во всю пасть, отвечает Шрам, - молния в столб попала. Вчерась гроза была, молнии так и сверкали. Одна, может две прямо в маковку Велесу долбанули. Да так, что одни головешки остались. Какая-то дура встала ни свет ни заря, увидала и давай орать ... А-а-у-у! - зевнул воевода с волчьим подвыванием.

- Да-а, дела! - изобразил удивление Александр, - только ты, воевода, много не зевай. Собери дружинников да приготовь к бою. Чую, драка будет нешуточной.

Шрам поспешно захлопывает пасть. Поворачивается всём телом. Карие выпуклые глаза с прищуром смотрят в лицо Александру.

- Чего это деревляне драться начнут? Эка невидаль, молния в болвана попала. Поставят нового. Или ты чего знаешь? А где твой меч, вояка?

- Не твоё дело, - быстрым шёпотом отвечает Александр, - за войском следи, а я без твоих забот обойдусь. Если хочешь остаться в живых и похвалу князя заслужить, делай, как сказано.

Скорым шагом уходит. Шрам надувается от злости, усы угрожающе топорщатся. Хотел было догнать наглого выскочку да надавать по роже, но тут заметил, что воины Костогрыза при полном вооружении собираются в сторонке. Всеобщее внимание сосредоточено на останках столба Велеса, на воинов не обращают внимания. Но не просто же так Костогрыз приказал собраться как на битву?

- Ну, погоди у меня, Грива ... - ворчит воевода.

Александр вбегает в избу, торопливо хватает доспехи. От волнения пальцы срываются с застёжек, обдирает руку об острый угол. Чертыхаясь, прилаживает всё части брони. Руки привычно закидывают за спину меч.

- Вот чёрт! - ругается сквозь зубы. Отшвыривает пустые ножны. Бежит в княжеский терем. У массивной резной двери стоит вчерашний страж в медвежьей шкуре. На ходу бросает ему золотой, произносит:

- По приказу князя!

Увалень в шкуре ещё растерянно хлопал глазами, когда Александр выбежал из княжеской палаты с двумя мечами за спиной. Выбрал самые лучшие из тех, что прислал в дар киевский князь.

- Благодарю за службу! - генеральским басом рыкает Александр на бегу.

- Ага ... это ... пжалста! - кричит растерявшийся стражник вдогонку.

Грозный гул сотен голосов штормовой волной обрушился на город деревлян. Шум набирает силу, становится больше, охватывает весь город и выплёскивается за пределы стен. Стражи с тревогой вслушиваются в далёкие крики, насторожённо переглядываются. Что бы не происходило в городе, они не имеют права оставить службу под страхом смертной казни. Напряжённо всматриваются в кромку далёкого леса - может, враг приближается?

... шум на городской площади не стих. Сильный голос князя режет гул напополам, заставляя одних умолкнуть, других кричать громче. Но слова князя слышны всём.

- Посмотрите, как мы живём! - звучит мощный голос, - одеваемся в шкуры зверей и становимся сами похожими на зверей. Ничего не знаем и не умеем, кроме охоты. Каждую зиму половина наших детей умирает от голода. Стариков отвозим в лес, на съедение волкам, потому что сами прокормить не можем. Нет закона, порядка на нашей земле. Правит тот, у кого сила, а не правда. Разбой за удаль почитаем! Разве так надо жить?

Выкрики, шум то стихают, то вновь усиливаются. Александр видит, что больше всех недовольны волхвы. Именно они кричат, злобно трясут худыми руками. Вокруг них собираются те, кто не хочет ничего менять. В основном это здоровые, молодые мужчины. По манерам, внешнему виду Александр узнаёт в них разбойников. Это та категория людей, что ни за что не хотят работать. В крайнем случае сторожами пойдут, но работать - ни-ни. Они не верят ни в каких богов. Служители старого бога не осуждают разбой, потому что получают щедрые пожертвования, в том числе и людьми. И тех и других не переубедить. Но остальные, а их большинство, всё-таки склоняются на сторону князя. Слишком большое впечатление произвело уничтожение молнией идола.

Вперёд выходит дряхлый старик. Длинная, до пола, рубаха волхва висит, как на пугале, седые космы волос свисают на грудь, как густая паутина. Узкий ремешок из кожи гадюки обёрнут вокруг головы, лохмотья змеиной кожи свисают на глаза. Подпоясан широким ремнём, тоже из змеиной кожи. Посох, выделанный из молодого дубка, увенчан человеческим черепом. Рука медленно вздымается, ладонь с вытянутыми пальцами замирает над толпой. Старческая ладонь сухая, плоская, скрюченные ревматизмом пальцы с длинными, загнутыми ногтями. Чёрная тень от руки волхва падает на толпу горожан. Крики стихают.

- Молния, что спалила идола Велеса, - раздался хриплый голос, - это гнев божий, что слишком мало жертвовали. Надобно поставить нового идола и напоить его свежей кровью отступников!

Старик медленно опустил руку. Крючковатые пальцы сжимают посох. Череп медленно поворачивается, тёмные глазницы угрожающе смотрят на Костогрыза и его сторонников. Толпа горожан грозно зашумела, раздались призывы убить всех неверных. Разрозненный гул голосов режет мощный бас Шрама.

- К бою!

В ответ киевские дружинники трижды бьют мечами по щитам. Над городом несётся железный грохот. Этот воинский ритуал появился в незапамятные времена. Так делали перёд битвой древние греки, римляне, так же грохочут оружием имперские солдаты перёд боем. Великий князь Владимир сделал его обязательным и для своих воинов. Растерявшиеся горожане совсем позабыли, что рядом войско киевского князя и теперь со страхом смотрели, как сотня закованных в железо воинов смыкает строй. Стена красных щитов в рост человека недобро сверкнула сталью обнажённых клинков. Середина строя колыхнулась, красные щиты поднялись и укрыли его сверху. Киевляне построились в знаменитую римскую черепаху. Такой строй не пробить копьём, дротиком, стрелы отскакивают от железных щитов, как горох от стенки. Раздаётся команда. Строй делает шаг, другой. Железная черепаха становится вровень с воинами Костогрыза. Толпа горожан в страхе шарахается прочь. В давке кто-то толкает старого волхва, валит навзничь. Посох катится по земле. Чей-то грязный сапог с хрустом давит череп.

- Остановитесь! - заглушает гомон толпы рёв Костогрыза, - я не стану проливать кровь соплеменников. Кто со мной, кто хочет изменить свою жизнь - переходи на мою сторону!

Толпа нерешительно останавливается. Сразу несколько человек идут к князю, становятся за его спиной, потом ещё и ещё

... Вскоре на площади перёд княжескими дружинниками остаются только волхвы и два десятка мужчин явно разбойничьего вида. Всё остальные, в том числе и женщины, с Костогрызом. Александр опускает мечи, облегчённо вздыхает. Он совсем не хотел кровавой драки, несказанно рад, что пока всё обходится без крови. Оглянулся на воеводу. Шрам успокаивающе кивнул, поднял большой палец. Старый волхв беспомощно барахтается в грязи. Подбегают двое, помогают стать на ноги. Помощник волхва с поклоном подаёт посох. Старик вцепляется в палку обеими руками. Горящие злобой глаза останавливаются на навершии. От черепа осталась только косточка, да и та того и гляди отвалится. Кое-как укрепившись на дрожащих ногах, старый волхв негромко произносит:

- Ладно, Костогрыз, твоя взяла. Но мы поквитаемся.

Медленно идёт в направлении городских ворот. Вслед за ним идут те, кто не пожелал новой жизни. Их немного, но это те, кто опаснее всех. Для них нет ничего запретного. В народе таких зовут отморозками. Александр тронул воеводу за плечо:

- Шрам, этих так просто отпускать нельзя.

- Без тебя знаю, умник, - недовольно буркнул воевода, - за ними уже послано, далёко не уйдут. Ты лучше Костогрызом займись.

Александр кивнул. По его знаку двое дружинников выносят ларец, опускают на землю перёд вождём. Ларец невелик размером, но богато разукрашен золотом, изумрудами. Толпа простодушных деревлян ахнула, подалась вперёд. Александр подошёл к ларцу.

- Люди, ваш вождь совершил поступок, достойный княжеского звания, - торжественно произнёс он.

Откинул крышку. Солнечный луч пал на ларец, отпрыгнул, расколотый драгоценными камнями на сотни маленьких лучиков. Ослепительные солнечные зайчики заиграли на лицах людей, заставляя щуриться, закрывать глаза ладонями. Из сверкающего всеми цветами радуги ларца Александр извлекает золотую цепь, надевает на шею вождя. Достаёт конический шлем с красным яловцем на навершии. Шлем украшен золотой насечкой, ободок и личина окованы золотом. Последним вынул из ларца красный плащ - знак княжеского отличия, накинул на плечи Костогрыза. Пальцы ловко защёлкнули золотые застёжки в виде оскаленных медвежьих голов.

- Отныне у вас нет вождя, у вас есть князь, который равен другим князьям Руси и на равных будет говорить с великим князем Владимиром! - провозгласил Александр в абсолютной тишине.

Толпа несколько мгновений изумлённо молчала, затем взрывается криками восторга. В нёбо летят шапки, люди прыгают, размахивают руками от радости. Даже стражники на крепостной стене довольно переговаривались между собой, совершенно забыв об обязанности наблюдать за близким лесом. Они не увидели и не услышали за гомоном толпы, как зазвенело железо в сотне шагов от стены. Короткое сражение вспыхнуло и погасло за две минуты. На земле остались лежать порубленные трупы волхвов и тех, кто пошёл за ними.

В этот же день объединённая дружина киевлян и воинов князя Костогрыза на рысях отправилась в поход. Деревляне, знавшие каждую тропку в окрестных лесах, вышли прямо на лагерь разбойников. В короткой, злой сече изрубили всех, кого нашли.

Воевода Шрам ещё до нападения на разбойничий лагерь послал гонца к князю с сообщением об успехе и просил срочно прислать священника, чтобы быстренько окрестить и деревлян и князя Костогрыза. А то мало ли что, вдруг передумают!

Когда дружина с победой возвратилась в лесное городище, её ждали не только жёны и дети, но и священник. В тот же день всех окрестили и стал деревлянский вождь Костогрыз князем Михаилом. Такое имя выбрал он при крещении.

Александр узнал обо всём этом позже всех. Ему не повезло в походе. Чья-то стрела случайно попала в щель между пластинами доспеха. Рана была незначительной, он не обратил внимания на царапину. Но когда по телу разлилась странная слабость и стало трудно дышать, понял, что стрела была не простой. Сознание помутилось, внезапно отяжелевшее тело сползло с коня. Сквозь мутнеющую пелену в глазах разглядел склонившегося Костогрыза, успел шепнуть название лечебной травы и мир пропал. Прошло много дней, прежде чём смог открыть глаза. Трудно, с усилием поднял непослушные веки. Прямо над ним низкий потолок из толстых досок. Щели тщательно заделаны сухим мохом. Вдоль стены развешаны пучки высушенной травы, грибы. Из маленького окошка, затянутого бычьим пузырём, пробивается мутный свет. Попробовал посмотреть в другую сторону, но стало так больно, словно глаза отрываются и вот-вот выпадут. Попытался подняться. Медленно, будто поднимая грудью непомерную тяжесть, садится. В голове сразу зашумело, по телу разлилась пугающая слабость. Несколько мгновений сидит, раскачиваясь, словно под ударами ветра. Сумел толчком опустить ноги, пальцы вцепляются в края лавки. Стало легче. Захотелось пить. Увидел в углу бочонок, на боку висит деревянный ковшик. Подобрался к стене, встал. Прислонился

всём телом к прохладным брёвнам, медленно, помогая руками, мелко переставляя непослушные ноги, идёт вдоль стенки к бочонку. Заноза впилась в щёку, больно засвербела под кожей. Не было сил достать, так и брёл, как разбитый параличом старик, шаркая босыми ногами.

Добрался до бочонка, дрожащие от усталости пальцы сжали рукоять ковшика. Не обращая внимания на дохлых мух, зачерпывает воды едва на треть. Больше побоялся - вдруг не поднимет! Ледяная колодезная вода остужает сухое горло, несколько капель упало на грудь. Похорошело. Зачерпнул ещё, вылил на голову. Мокрый ковшик выскользнул из слабых пальцев, грохнулся на пол. Поднимать не стал - если наклонится, уже не встанет. Раздались быстрые шаги. Кованые каблучки дробно простучали по доскам. Дверь распахнулась. В проём хлынул яркий дневной свет, полумрак каморки залил ослепляющий поток солнечных лучей. Успел заметить женский силуэт, зажмурился. Знакомый голос сердито произнёс:

- Ну вот, только оклемался и сразу на ноги. Ложись сейчас же!

Александр попятился, словно старый рак. Пяткой больно зацепил сучок в полу. Не удержался, больно шлёпнулся на лавку, затылок ощутимо врезался в бревенчатую стену. Показалось, что изба затряслась от удара. Мягкие женские руки решительно уложили на лавку, подсунули медвежью шкуру.

- Лежи, богатырь, - произнёс тот же голос, - нельзя тебе ещё на волю, таракан пробежит, лапкой заденет, зашибёт. У меня в избушке тараканов нет, ты в безопасности.

Сознание опять провалилось ...

Он не знал, сколько ещё пролежал на медвежьих шкурах в маленькой лесной избушке. Так считал, что маленькая лесная избушка. Чувствовал сквозь тяжёлую дрёму, как его переворачивают, кормят с ложечки чём-то тёплым, обтирают лицо влажной тканью. Опять проваливался в небытие. Пришёл в себя, словно вынырнул из глубокого тёмного омута. Колючий воздух со вкусом лёгкого мороза ворвался в грудь, прогоняя сонную одурь. Мозг заработал чётко, ясно. Ощутил тело, складки шкуры, что больно упираются в рёбра. Открыл глаза. Увидел знакомый потолок. Осторожно, весь в ожидании боли, сёл. С радостью отметил, что голова не закружилась, как ожидал, в глазах не заметались белые искры. Провёл пальцами по светлой льняной рубахе длиной до колен, посмотрел, есть ли штаны. Убедился, что на месте и только тогда опустил босые ноги на дощатый пол. Поток холодного воздуха схватил колючими лапами за голую кожу, полез выше. Торопливо подошёл к неплотно закрытой

двери. Открыл шире, выглянул на улицу. Ожидал увидеть лес или поляну, но глаза упёрлись в близкий забор из толстых, неструганных досок. На утоптанной земле сердито блеснули льдинки. " Осень, что ли? - удивился Александр, - вроде рано таким холодам лётом-то!" Обернулся, осмотрел избу. В углу, под грубой кривоногой скамейкой, сиротливо лежат старые лапти, под стеной пыжится кадка с водой. «Умыться надобно»! – решил Александр.

Дощатый забор через сажень обрывается колючими зарослями шиповника. Сразу за углом избы раскинулось широкое подворье. Бродят сердитые гуси, волосатые свиньи сбились в кучу в центре, возле сложённого из дубовых брёвен колодца и визгливо совещаются о чём-то своём, свинячьем. Сараи, постройки, коновязь - обычный двор зажиточного обывателя. Никакого дремучего леса, как ожидал Александр, вокруг нет. Пожал плечами, вздохнул. Хлопнула дверь, во двор неспешно вышла девка с коромыслом на плече. Пустые вёдра болтаются в такт плавной походке. Девка поправила сползающее коромысло, заметила Александра. Остановилась. Взгляд пробежал по рубахе, штанам, остановился на лаптях. Девка хихикнул, независимо вскинула носик. Потом как опомнилась - торопливо поставила вёдра, стремглав бросилась обратно в дом. Александр и шага не успел сделать, как раздалась торопливая дробь каблуков и в дверном проёме появилась молодая женщина. Поверх сарафана надето бархатное лёгкое пальто длиной до колен, красный цветастый платок укрывает голову. Руки в боки, пальцы унизаны перстнями с драгоценными камнями.

- Здравствуй, боярыня, - хрипло произнёс Александр, сразу узнав бывшую Бабу-Ягу, а ныне боярскую вдову по имени Рада. - Не скажешь, где я и что со мной?

- Здравствуй, Золотая Грива. Ты у меня на дворе, в Киеве. Не уж-то не узнал дом? - усмехнулась Рада.

- Не-а, - развёл руки Александр, - я думал, что ещё в лесу, у деревлян. И давно я тут ... э-э ... отдыхаю?

- Ты пройди-ка обратно да сядь, - сказала женщина, внимательно вглядываясь в лицо Александру, - что-то мне не нравится цвет твоего лица, белый с голубым.

- Так вот, Золотая Грива, - обратилась к нему Рада, - ты у меня дома, вернее, возле. В доме мой муж, князь Михаил, а я ныне не боярыня, а княжна, окрещённая Серафима.

Глаза у Александра округлились, рот приоткрылся.

- А я тогда кто? Заведующий твоим хозяйством?

- Во всяком случае, не князь. Можешь не волноваться, - усмехнулась бывшая вдова, боярыня и Баба-Яга. - Ты что же,

ничего не помнишь?

- Ну, так ... вроде ехали по лесу. Рядом вождь деревлян Костогрыз, чего-то рассказывает. Потом в шею стрела ударила, несильно, на излёте, я ещё успел выдернуть. Ну, а дальше не помню ...

- В тебя попали отравленной стрелой. Ты успел шепнуть Костогрызу название снадобья, им тебя поили всю дорогу, когда повезли обратно. Если б не оно, помер бы. Потом привезли ко мне, сюда. Я тебя лечила своими травами с приправами, кровь пускала два раза. Хорошо, что ты здоровый, как два быка, иначе и я не управилась бы.

- Спасибо тебе, боя ... княжна. А как тебя угораздило княжной стать?

- Это просто - вышла замуж за князя, - небрежно махнула ладошкой женщина.

- Да, действительно. И как я сам не догадался?

- Да ты и вправду ничего не помнишь, - вздохнула Рада. - Это ж ты постарался, князя для меня сыскал. Отправился с дружиной к деревлянам, склонил их к подданству Владимиру. Разбойников всех, что не давали проходу честным купцам, порубили. За это Костогрыза, жениха моего, Владимир князем сделал. Имя Михаил получил при крещении. Александр, ты сделал всё, о чём я тебя просила! И Владимир давно простил тебе драку на пристани. Ещё недельку полежишь, отъешься как следует и к князю, за наградой!

От неплотно закрытой двери пахнуло холодом, Александра пробрал озноб.

- Больно холодно чего-то! Вроде рано ещё...

- Уже осень, Грива Золотая, а ты думал. Пока я тебя из могилы вытаскивала, лето минуло.

Теперь Александру стало всё ясно. Он ещё удивился, что листья на деревьях вокруг пожухлые и солнце какое-то тусклое, когда на двор вышел. И холод злой, не летний. Понятна теперь и слабость, и худоба.

- Ну, ты давай не броди по двору, - сказала Рада, вставая, - рано тебе ещё. Прикажу кормить как следует, самым лучшим, отвара наварю - за полмесяца окрепнешь, мясом обрастёшь и тогда к Владимиру. Он недавно из похода вернулся, удачно сходил. Женился!

- Эко событие! - усмехнулся Александр, - у него в каждом городишке по десятку жён, да по два - наложниц.

- Не-ё, то раньше было. Я говорила тебе, что князь веру новую, ромейскую принял? Он от всех прошлых жён отказался, имя при крещении принял Василий. А в жёны взял принцессу заморскую, Анну.

- Сестру ромейского императора? Не может быть!

- Вот те крест святой! - перекрестилась бывшая Баба-Яга. - А тебе что? Знакомая, что ли?

- Да. Как с тобой разговаривал, и с ней, и с братом её, императором.

- Ах, вон как! - уважительно произнесла Рада. - Раз такое дело, я тебя побыстрее на ноги поставлю, за неделю. Повидаешься со старой знакомой!

Чёрный жеребец покосился злодейским глазом на незнакомца, что решил забраться в седло. Жёлтые волчьи клыки недобро глянули из жаркой пасти. Короткое ржание, переходящее в рык, вырвалось из глотки. Александр успокаивающе хлопнул по упругому боку. Ноги мощно оттолкнулись от стылой земли, сильное тело взметнулось вверх. Правая рука потянула повод, колени сдавили чёрные горячие бока. Конь сразу почувствовал жёсткого хозяина. Разочарованно тряхнул рыжей гривой, фыркнул: жаль, сегодня не будет забавы - зашвырнуть седока в колючие кусты возле дороги, коварно взбрыкнув задом. Ничего, в другой раз и с другим седоком повезёт.

Александр небрежно швырнул повод подбегающему коноводу, легко спрыгнул с коня лицом вперёд, а не спиной, как обычно делали остальные. Для этого пришлось перекинуть ногу через шею коня, намотать чёрный дорожный плащ на правую руку, одновременно отталкиваясь всём телом от жёсткого сёдла. Получилось вызывающе небрежно и легко. Коновод, веснушчатый подросток, вытаращил васильковые глаза - такого он ещё не видал! Вымощенный, на Царьградский манер, плоским камнем двор великого князя пуст. Владимир очень не любил праздношатающихся. По его приказу по княжескому двору можно было только бегать. Ходить пешими дворне разрешалось, только если надо тащить что-то тяжёлое или когда дворовая девка несёт вёдра с водой - с ними не набегаешься. А если князь увидит кого бездельничающими - беда! Лодыря секут на конюшне так, что вопли наказуемого слышны далёко за пределами двора. Даже гусям и свиньям не разрешалось забредать на княжеский двор, паслись только за оградой возле хозяйственных построек. Великий князь любил порядок во всём - двор только для князя и его знатных подданных!

Каменные плиты сухо лязгнули, соприкоснувшись с железными подковками сапог. Чёрный конь хлестнул на прощание рыжим хвостом, длинные волосы цвета сухой соломы взметнулись и опали на плечи, удерживаемые стальным обручем. Александр глубоко вдохнул утренний чистый воздух, ноги сами понесли к крыльцу княжеского терема. Легко взбегает по резным

ступеням, стража распахивает двери. Ещё лестница, поворот, опять вверх по ступеням, длинный коридор с неподвижными воинами в стальной броне и красными каплевидными щитами до середины груди. Стражники неодобрительно смотрят на высокого широкоплечего мужчину, что твёрдой походкой направляется в покои великого князя. Хоть и безоружен, но уж больно здоров - такой голым кулаком может быка убить.

Великий князь Киевской Руси принял Александра в небольшой горнице с окнами на восход. Называется горница по заморскому - кабинет. На двух прямоугольных окнах ромейские белые занавески до пола, но самоё удивительное - окна застеклены! Сияющие в солнечных лучах громадные плоские куски стёкла аккуратно вставлены в дубовые рамы. Лучший киевский кузнец выковал маленькие штуковины, которые позволяют открывать рамы, словно двери, когда в комнате душно и закрывать, если стало прохладно. Таких чудесных окошек, будто из застывшей воды, нет более в Киеве ни у кого. Александр только покосился на заморское чудо - видал в Царьграде! - низко, до земли поклонился князю.

- Здравствуй, великий князь!

- И тебе здоровья, Золотая Грива, - ответил Владимир, вставая из-за стола.

Узорчатый кожаный пояс с кинжалом зацепил край пергамента, он тотчас скрутился в трубку, покатился по столу. Князь подхватил не глядя, швырнул в кадку, из которой торчит ещё с десяток таких пергаментных трубок.

- Садись, рассказывай, как поручение моё выполнил, - предложил князь, указал на лавку.

- Благодарю, княже, - ответил Александр, осторожно присаживаясь на край, - только чего рассказывать, я всё лето без памяти провалялся. Почти ничего не помню. Слыхал, что Шрам исполнил всё, как надо.

- Это верно, Шрам молодец. Только воевода прост, как топор, без твоих хитрых стараний у него ничего не вышло бы. Сказывали мне, что ты не только хороший воин и хитрец, но ещё и колдовать умеешь. Сколько лёт идол Велеса стоял, ничего ему не делалось, а ты появился и в ту же ночь его молнией сожгло. Скажешь, ты тут ни причём?

- Истинно так, великий князь, - развёл руками Александр, - ну как я могу молниями швырять, сам подумай. Врут всё.

- Я так и подумал. Но вот какая штука: после той ночи меч твой пропал. Знатный меч, такие дают только этериотам, императорским гвардейцам. А дорогущи-ий! Таких клинков на всю Русь только раз да два. Первый у меня, второй у тебя был.

Неужто потерял? - хитро сощурился Владимир.

- Ну ... э-э ... не помню я, княже, - замялся Александр, - ранило меня отравленной стрелой потом.

- Кстати, с отравленной стрелой тоже странность получилась. Когда злодея поймали да спросили как следует, что за яд, он клялся всеми богами, что его снадобье убивает любого. Ни в какую не верил, что ты жив. Когда показали тебя обеспамятевшего, но живого, он сам без чувств упал. Звали его Беляк или Белка, не помню... Знал такого?

- Немного. Он был первым заводилой у деревлян, всё к бунту подбивал против Костогрыза. Пришлось зарубить его. Думал, мёртв, а оно вон как получилось.

- Значит, не до конца разрубил. Надо было от макушки до развилки, вот тогда бы точно не оклемался. Имей в виду на будущее, - усмехнулся Владимир. - Столб Велеса спалил, яд смертельный тебе нипочём - что прикажешь простым людям о тебе думать?

- Да совпадения это, княже, выдумки невежд!

Владимир посмотрел в глаза Александру. Взгляд серьёзен, без усмешки. Вздохнул, вернулся за стол. Развернул бумагу, принялся внимательно читать. Не поднимая глаз произнёс:

- Что-то скрываешь ты от меня, Золотая Грива. А я скрытным да хитрым не доверяю. Да, чуть не забыл ... Драка на пристани прощена, ты выполнил обещание, я держу слово. Ступай.

Александр встал, нерешительно шагнул к двери. Остановился, повернулся к Владимиру.

- Да не колдун я, княже и скрывать мне нечего. Снадобьям разным я с детства обучен, баба ... э-э ... одна умная женщина научила. Пока в твёрдой памяти был, шепнул Костогрызу, чём отпаивать меня, потом знахарка одна выходила. А со столбом Велеса так получилось ... - и рассказал всё князю.

Владимир молча слушал, забыв о бумагах, только недоверчиво качал головой и хмыкал.

- А откуда знал, что меч молнию притянет? - спросил в конце рассказа.

- Сам видел, как во время грозы молния бьёт в наконечник копья. Убивает и всадника, и лошадь. Броня аж докрасна накаляется.

- А на столб как забрался?

- На ножах, он весь в трещинах был. Да ты и сам так умеешь. Я слыхал, как ты по копьям на стену залезть можешь.

Владимир скупо улыбнулся. Видно, вспомнил бурную молодость. Кажется, только вчера вместе с варягами брал коротким злым штурмом прибрежные крепости франков,

норманнов и тех же ромеев. Подумать только, два десятка викингов захватывали крепости с гарнизоном в несколько сотен солдат! И так было не раз и не два! Даже не верится ...

Князь протянул руку к бочонку, где хранились свёрнутые рулоны карт. Расстелил на столе самую большую. Что бы твёрдая кожа не скрутилась обратно, придавил края подсвечниками.

- Подходи ближе, Александр Золотая Грива, боярин русский, становись сюда, - произнёс великий князь, указывая рукой. - Раз был ромейским воеводой, карту читать умеешь, верно?

- Могу, великий князь.

- Смотри, это карта Руси. Мы здесь, - ткнул пальцем в середину. - Вот Днепр, по нему путь до моря, в Царьград и далее аж до песков Африки. Если вверх идти, то к варягам. А вот ежели здесь Днепр переплыть и далее идти пешим или верхом на север, то к весне выйдешь к великой реке. Сказывают, что она шире Днепра втрое... Врут, как всегда, разве бывают такие? Вот тут в неё впадает другая река, чуть поменьше, но тоже поболее Днепра. Так говорят. Первую реку кочевники зовут Итиль, наши Волгой. Отчего так, не знаю. Вторую вовсе чудно обзывают - Ок. Вроде на её берегах люди живут окающие, потому и реку так назвали. Вот здесь, в этом месте, две реки сливаются. Эта самая Ока и Волга. Здесь крепость стояла с небольшим гарнизоном. В крепости проезжие люди отдыхали, припасы хранили, струги перёд дальнем плаванием ремонтировали. Уж больно удобно по Волге добираться до южных стран - Колхиды, Персии. Сказывают, и в неведомую Индию попасть можно, одному удалому купцу повезло. А может и врут, кто проверит? Словом, самый удобный торговый путь в неведомые страны. Опасный смертельно, но те, кому повезло, такие сокровища привозят, что более нигде не сыскать.

Так вот. Я трижды дружину посылал в те края. Две сгинули бесследно в пути. От последней только полдюжины добрались. Через десятые руки прислал весточку воевода прошлым лётом, с тех пор ничего. Хочу послать туда верного человека, разумного и опытного. Лучше тебя нет. Витязей храбрых при дворе хватает, да они только в битвах хороши да на пирах. Удалью блещут, доспехами, а вот умом - нет. Я не приказываю, можешь отказаться. Но если согласен - жалую княжеским званием тебя и твоих потомков, землёй и людьми - сколько завоевать сумеешь и удержать. Будешь полным хозяином, подчиняться только мне и никому более.

Александр в раздумье смотрел на карту. Попросил:

- Покажи, великий князь, ещё раз, где это?

- Вот! - указательный палец князя сухо стукнул ногтем почти

в обрез карты. Золотой перстень с громадным алмазом предостерегающе сверкнул и тут же погас, словно испугался княжеского гнева.

Александр вздохнул, тихо произнёс:

- Край земли ...

- Да, - так же тихо ответил Владимир, - что за земли вокруг, какие люди населяют - неведомо. Известно только, что ниже живёт племя берендеев, булгарских татар. Знаешь их?

- Знаю. Один род осёл на границе империи, подчинил местных славян. Теперь ромеи не знают, куда деваться от таких соседей. Император спит и видит, как бы всех болгар извести.

- Да, и я с ними повоевал, когда этериотом был. Если татар со славянами породнить, племя получается, будь здоров, а? - неожиданно спросил Владимир.

- Верно, - ответил удивлённый таким поворотом Александр, - получается гремучая смесь почище греческого огня.

Князь подошёл к распахнутому окну. Нагретый осенним солнцем ветер бесцеремонно взъерошил чёрные волосы на макушке, бросил пригоршню жёлтых листьев в лицо. Князь досадливо отмахнулся, повернулся к Александру.

- Ну, ступай Золотая Грива, думай. Как надумаешь чего, приходи. Завтра утром жду с ответом.

Александр ещё раз посмотрел на карту. На жёлто-серой грубой бумаге проведены две кривые линии. Начинаются ниоткуда, сливаются в одну и дальше в никуда. Вокруг - ничего, пустота. Ни городов, ни посёлков. Не нарисованы горы, леса или пустоши, ничего. Огромное белое пятно.

Идёт обратно, никого не замечая вокруг. Тихо поскрипывает пол, медленно плывут мимо закованные в железо гиганты стражники ...

Великий князь не неволит, можно отказаться. И что? Останешься в столице. Тут шумно, весело, заморские гости прибывают, что ни день. Владимир устраивает пиры, на которые приглашают лучших витязей, знатных бояр и тех же заморских гостей. Идут люди, себя показать, на других посмотреть, выпить и закусить на халяву. А потом удивляются - откуда Владимир всё о них знает? И заморские купцы падки на дармовщинку, выпьют, болтают что ни попадя, а протрезвеют - ничего не помнят! Зато потом, вернувшись домой, рассказывают, как богата Русь и хорошо живётся русским людям. И ширится слух о несметных богатствах далёкой неведомой Руси, о вольготной жизни. Таким вот нехитрым способом приманивает князь заморских учёных людей - своих-то мало! А что, при таком государе можно неплохо устроиться. Жениться по-умному, породниться со знатной

столичной семьёй. Всё, жизнь устроена! И кто осудит, ведь всё хотят так! Ну, а тем, кто ещё не понял смысла жизни, растолкуют умудрённые опытом родители и более сообразительные друзья. На кой чёрт ехать туда, где шанс потерять голову девяносто девять из ста?

... что-то твёрдое, блестящее ткнулось в грудь. Александр поднимает глаза. Огромный, как бочонок, кулак в латной рукавице упирается в рёбра. Рука, покрытая стальной чешуёй доспехов. Громадный стражник, на голову выше Александра. Плечи такие, что пришлось повернуть голову, чтобы оценить ширину. Густой бас вежливо рычит с высоты:

- Вам не дозволено проходить на половину княгини!

- Княгини? Ах да, княгини! Извини, заблудился, - рассеянно бормочет Александр, - ухожу...

Заходить на половину жёны великого князя опасно. Быстро уходит, проклиная дурную привычку думать на ходу, не обращая внимания, что вокруг делается. Совсем нюх потерял бывший императорский гвардеец! За спиной раздаётся странно знакомый голос:

- Генерал Александр, вы?

Замер, словно наткнулся на невидимое препятствие, медленно обернулся. Дверь на женскую половину распахнута, на пороге стоит принцесса Анна. Рядом с гигантским стражником кажется маленькой, как семилетняя девочка. Одета так же, как во дворце императора Василия, своего брата, только мафорий - женская накидка - тёмного цвета. Такие носят замужние женщины.

- Я, прин ... княгиня! - наклонил голову Александр.

- Рада, что вы живы и здоровы, - произнесла Анна, подходя ближе, - я слышала, что вы блестяще выполнили поручение великого князя, уничтожили гнездо разбойников, но были тяжело ранены. Наверно, Владимир дал вам новое задание? Какое, если не секрет?

- Э-э ... да как обычно: езжай туда, не знаю куда и наведи там порядок, - улыбнулся Александр.

- Не сомневаюсь, что вы его выполните и самые невероятные слухи появятся раньше, чём прискачет гонец с известием. То, что вы сделали в Константинополе, стало легендой. Мой царственный брат жалеет, что отстранил вас от службы.

- При дворе великого князя тоже ... интересно.

- Да, ваша страна удивительна, - кивнула Анна. - Мне сказали, что вы не женаты. Почему?

От неожиданного вопроса Александр растерялся, невнятно промычал:

- Да вот... э-э ... вот... ну, не везёт мне в таких делах.

- Если вы не женаты, значит, вы напрасно тратите жизнь. Обязанность каждого мужчины продлить род, - наставительно произнесла Анна, укоризненно покачивая пальчиком, - вернётесь, обязательно исправьте положение, а мы с князем поможем.

Александр улыбнулся, вскинул руку в приветствии, как это делают императорские гвардейцы при встрече с августейшими особами.

"Ну вот, - с досадой думал он, торопливо уходя по длинному коридору подальше от женской половины, - теперь вроде как согласился на предложение Владимира. Скажу князю нет, а как потом в глаза княгине смотреть? С другой стороны, не всё ли тебе равно, что подумает княгиня и всё остальные? Стыд не дым, глаза не выест. Хватит махать мечом, пора и о себе подумать. Найти богатенькую вдовушку лёт восемнадцати - в столице таких хватает - да жениться. Начну выполнять мужскую обязанность по продлению рода!" Довольно усмехаясь, словно на халяву наелся чёрной икры, сбежал с высокого крыльца княжеского терема. Шустрый мальчишка коновод уже тащит упирающегося жеребца. Конь недовольно трясёт головой, торопливо дожёвывая пригоршню овса. Александр без заметного усилия запрыгивает в седло, рука привычно швыряет мелкую монетку мальчишке за старание. Пришпорил, сытый конь с места взял в галоп. Стражники на воротах, пожилые толстые увальни, проводили завистливыми взглядами. Чёрный жеребец вдоволь наелся княжеского овса, успел подраться с соседями по стойлу и теперь, довольный жизнью, стрелой летел по улице. Кованые копыта с хряском дробят молодой ледок лужиц, стылая земля разлетается мелкими камушками, барабанной дробью рассыпаясь по заборам. Куры с паническим кудахтаньем шарахаются с улицы, редкие прохожие с проклятиями бросаются в стороны от всадника на бешеном коне. Хорошо!!!

Жеребец ворвался на подворье деревлянского князя Михаила, как ураган. Александр на скаку спрыгнул, пробежал по инерции несколько шагов. Коновод с криком кинулся ловить жеребца, что решил немного побегать по двору самостоятельно, без всадника. Александр стащил с затылка шапку, вытер разгорячённое лицо. Пальцы ловко расстегнули костяные пуговицы на вороте, холодный воздух приятно остудил грудь. Шагнул было на крыльцо, но остановился - терем-то не его, не хозяин он тут. Повернулся к избушке, где провалялся без сознания почти всё лето. Дошёл едва до середины двора, как на втором этаже терема распахнулось окно. Показалось лицо княгини, звонкий голос ехидно произнёс:

- Что это вы, светлый боярин Золотая Грива, брезгуете зайти в терем простого князя?

- Как вы могли так подумать, княгиня!? - притворно ужаснулся Александр. - Будучи воспитанным при дворе его императорского величества Василия, я не смею без приглашения

прийти к высокородной даме. Бегу и припадаю к вашим ногам, сударыня.

- Да-а ... - озадаченно протянула бывшая Баба-Яга, - вона как! Надо будет мне свово Мишку научить так галантно изъясняться. Он же князь, не хвост собачий!

Едва Александр появился в конце коридора, как сгорающая от любопытства Рада подхватила под локоть, не по-женски сильная рука повлекла в горницу.

- Ну, давай - давай, Золотая Грива, рассказывай! - затараторила она, от нетерпения пристукивая кулачком по столу.

- Расскажу, расскажу, княгиня, только не торопи, - ответил Александр, шутливо защищаясь поднятыми руками, - простил меня князь и службу новую предложил.

- Какую?

Рассказал всё, без утайки. Княгиня некоторое время молча смотрела, потом осторожно поинтересовалась:

- И что, согласился?

" Да что я, дурак! - мысленно говорит Александр, - переться за тридевять земель киселя хлебать..." Кто-то другой произносит его голосом:

- Да что я, трус что ли! Если откажусь, как людям в глаза смотреть буду!

- Молодец! - воскликнула княгиня, - я знала, что ты так ответишь!

Маленький кулачок по-мужски стукнул по столу, серебряная тарелка с яблоками подпрыгнула, фрукты раскатились по полированным доскам. Карие глаза зажглись тем огнём, что запомнился Александру с их первой встречи, когда княгиня была лесной хозяйкой, Бабой-Ягой.

- Я знала, что ты не купишься на столичное барахло - на терема, расписные повозки, красивые тряпки и расфуфыренных девок. Дом сам построишь, а расписные мягкие повозки - это для стариков, больных и полумужчин.

- !?

- Ну, есть такие, снаружи мужик, а внутри баба. Да ладно тебе, Грива, неужто у ромеев не видал!

- Слышал, что есть, - брезгливо морщась, ответил Александр, - но таких по приказу императора в медного быка бросают. Ни один ромей не смеет отказать женщине. А те, что не женаты, ходят к девкам. И не приведи Бог, если девка пожалуется равдухам. Это такие стражники, что следят за соблюдением законов.

- Вот! Наш-то, Владимир, тоже таких не жалует. Сразу на кол! Да кол нарочно подбирают такой, с расширением, чтоб не сразу

помирали, а сидели на нём до-олго!.. Так вот, насчёт девок. С этим делом не спеши. В столице они всё порчены жадностью, завистью. Прыщики цветной грязью замазывают, брови и ресницы красят сажей - тьфу! А в лесных неведомых краях, на чистом воздухе и сметане такие цветки в женском обличье расцветают - упадёшь без памяти, как увидишь. Вот, к примеру, возьми меня. Представь, я - моложе на триста лёт, а?

- Гм... э-э... представил. Ладно, княгиня, оставим барышень в покое. Добираться туда как? Я, когда карту рассматривал, посчитал, что если по прямой и без остановок, месяц скакать на коне. А ведь лес сплошной, реки, болота, дорог никаких. С дружиной к следующему лёту доберусь, если жив буду.

- Нет, и к следующему лёту не доберёшься, и жив не будешь, - усмехнулась Рада.

- Это почему?

- Да потому что не даст князь тебе дружины. Подумай сам - ехать тебе в неведомые земли, на край земли, по дороге всё что угодно случится, может. Да что далёко ходить: от Киева в десяти вёрстах незнамо что творится. Леса дремучие, болота непроходимые, бездонные. Какие люди живут там, никто не знает. Да и люди ли? Ты верь мне, Грива, уж я-то знаю, что говорю. Так вот, какой резон князю дружину давать, даже малую, на верную смерть? И здесь хлопот хватает, то бояр непокорных усмирять надо, то кочевников погонять, чтоб не шалили очень. Каждый воин на счёту! Даст тебе князь сотню лодырей да смутьянов - таких в любом войске сыскать можно, сам знаешь - и всё. Воеводы только рады будут от таких избавиться. Одна морока с таким войском выйдет.

- Ну, спасибо, княгиня Серафима, обрадовала! Раз так, никуда не поеду. Тьфу на того князя, пусть дураков ищет в другом месте! - разозлился Александр. Вскакивает, в ярости хватает серебряную чашу со стола. Пальцы сжались, чаша сминается в комок, будто бумажная. Лавка с грохотом валится на пол.

- Успокойся, витязь, не так страшен чёрт, как его малюют, - усмехнувшись, говорит Рада. - Сядь-ка!

Проводит рукой над столом. Пальцы, унизанные перстнями, рисуют невидимый узор в воздухе. Тяжёлая дубовая лавка подпрыгивает, становится на место. Александр изумлённо косит глазом через плечо, брови ползут на лоб. Рада берёт раздавленную чашу, задумчиво рассматривает. Качает головой, отставляет на край стола. Весёлые глаза останавливаются на лице удивлённого Александра, на румяных щеках появляются ямочки.

- Да садись уже, Александр Золотая Грива! - смеётся женщина. - И не удивляйся, я ведь не всегда была боярыней да

княгиней, ты-то знаешь.

Александр осторожно садится, пальцы сжимают край лавки.

- Так что ты там насчёт малювания чёрта говорила? - спрашивает он, подозрительно оглядываясь по сторонам.

- Что, чёрта? Да это так, не обращай внимания, - с усмешкой отвечает Рада. Для убедительности машет рукой. Перстень на среднем пальце с громадным рыжим камнем загадочно подмигивает, словно огонёк дальнего костра. Александр крепче сжимает края лавки, глаза быстро пробегают по комнате.

- Ты на князя не сердись, - мягко говорит Рада, - забот у него - выше головы. Трудно одному за всём поспеть, а толковых людей мало. Только дураков и хвастунов много, куда ни глянь - там и они. Таким веры нет, их потому и держат на коротком поводке. Владимир хочет укрепить границы, для этого крепости нужны. Одна из них должна быть там.

Александр вздохнул, сжатые кулаки опустились на край стола.

- Построить укрепление одному - немыслимое дело. Я тоже не всегда простым воином был, ты знаешь, - невесело ответил он.

- Знаю. И Владимир знает, потому и поручает такое дело тебе. Он знает, что только ты справишься.

- Да я даже не знаю, как туда добраться, не то что строить! Осень на дворе. Неделя, другая, морозы ударят и что?

- Ну, допустим, не неделя и не другая, а поболее, - рассудительно говорит Рада. - Нынешние холода скоро пройдут, снова тепло станет. А как добраться ... Вот скажи мне, Золотая Грива, почему ты такой глупый?

От неожиданного вопроса Александр теряется. Смотрит на усмехающуюся княгиню, брови сходятся на переносице. Пальцы разжимаются, руки опускаются на стол. Недовольно морщится, но ответить не успевает - Рада спрашивает опять.

- Сколько раз тебе повторять, что я женщина не простая - во всех отношениях! - и никогда не забываю тех, кто мне добро сделал? Да если не ты, я бы до сих пор в лесу сидела … может быть. Так неужели я не помогу тебе вернуться туда, откуда сама недавно выбралась?

- Гм ... кха ... ну, что ты необыкновенная, я помню, - осторожно говорит Александр. Глаза невольно останавливаются на перстне с рыжим камнем. - Только неужели ты можешь то, что не под силу великому князю?

- Нет, всё-таки ты глупый! - рассердилась Рада. - Сколько раз повторять, что я только помогу тебе, а делать всё будешь ты! И Владимир здесь совершенно ни при чём! Слушай меня: завтра утром идёшь к князю, даёшь согласие выполнить его поручение.

Ежели князь чего предлагать будет, отказывайся. Хотя нет, постой! Если золото давать будет, ну, в дорогу там чего купить или ещё как, соглашайся. Принесёшь мне, а то я пообносилась вся, ну просто нечего надеть и обуть! Дам я тебе коня. Завтра в полночь выедешь за городские ворота, дальше конь повезёт тебя сам. Повод не дёргай, ничего не бойся. Конь доставит тебя к моей лесной избушке. Прежде, чём в избушку войти, снимешь с коня уздечку и седло, бросишь на землю. Потом заходи. Только смотри, берегись там. Я сторожа оставила, чтоб добро стерёг. В углу, за печью, стоит ступа с помелом. Вытащишь ступу в лес, залезешь в неё. Махнёшь помелом, скажешь: "К Кунявихе!" Долетишь за день, куда надо. Ну, чего глаза-то вытаращил?

- Так ты ж крещёная, да ещё и княгиня, а старое ремесло не забыла! - удивлённо произносит Александр.

- Ну, так что? Крещёная княгиня не человек что ли? Я не для себя, для тебя стараюсь. Ты что ж думаешь, если князь Владимир Русь крестил, так всё старое исчезло? Как бы не так! Всё осталось, только прячется. А вот там, куда тебе надобно, христовой веры вовсе нет. Там чудеса, волшебство! Ты почему не спрашиваешь, что значит кунявиха?

- Ну, заклинание...

- Имя это. Живёт в тех краях одна моя знакомая, раньше Куней звали, теперь, поскольку в возрасте солидном и головой трясёт – куняет то есть, кличут Кунявихой. Так вот, первым делом зайдёшь к ней, передашь подарок от меня - перстень.

С этими словами Рада снимает с пальца кольцо с рыжим камнем, протягивает Александру. Бронзовое, грубо выковано неумелым кузнецом - вмятины бросаются в глаза. Камень размером с голубиное яйцо, искусно огранён и отполирован. Вставлен в углубление, удерживается бронзовой поперечиной. Кольцо толстое, как сытая пиявка, и такого же цвета, только камень играет всеми оттенками рыжего и коричневого цвета, словно внутри спрятан маленький огонёк.

- Пока не доберёшься до Кунявихи, перстень не снимай. Конь будет слушаться, дверь в избушку откроется, ступа полетит - пока он у тебя. Всё понял?

- Понял, - буркнул Александр. Внимательно рассматривает странный перстень, словно пытается разглядеть, что там в середине. Медленно подносит к ладони. Едва прикасается к безымянному пальцу, как кольцо оживает! Камень темнеет, рыжий цвет превращается в темно-красный. Бронзовая окружность разрывается снизу, выпрямляется. Камень словно обретает клыки, из багрового становится ярко красным, будто раскалённый клинок. Александр не успевает ни испугаться, ни

удивиться. Перстень мгновенно оказывается на безымянном пальце правой руки. Бронзовые клыки плотно обхватывают точно посередине. По телу пробегает волна жара, словно вдруг оказался в горячей печке, потом жар гасится волной свирепого холода. Озноб встряхивает всё тело и тоже исчезает. Пламя гаснет, камень опять становится рыжим. Тёплая бронза ласково обнимает середину пальца. Александр запоздало вытирает потный лоб рукавом, осторожно дотрагивается до камня. Ничего. Пробует снять - перстень легко сходит. Посмотрел, надел обратно. Поднимает глаза. Княгиня вертит в пальцах смятую серебряную чашу, задумчиво рассматривает сломанный узор.

- Ну что ты играешься с кольцом, Грива? Как маленький! - сердито говорит она. Отставляет чашу. - Только на подсвечник пойдёт, - расстроено бормочет про себя. - Ну что, подошло колечко? Тебе должно быть в самый раз.

- Это почему? - насторожился Александр.

- Потому что! Этот перстень кто попало носить не может, умрёт. Тебе носить недолго, так что в дороге не задерживайся. Как брякнешься в яму, сразу беги к Кунявихе.

- Какую яму?

- В которой живёт. Кунявиха в яме живёт, глубокой, - стала терпеливо объяснять Рада, - ступа прилетит прямо туда. Понятно? Поговори с ней, она расскажет, что делать. Понятно?

- Да, да, понятно, - раздражённо бурчит Александр. Ему совсем не нравится, что придётся лететь в какой-то ступе, падать в яму к ведьме с диким именем Кунява. Мало ли что взбредёт в башку этой Куняве! Но другого выхода у него, похоже, нет. Баба-Яга, она же княгиня Рада, права - дружину Владимир не даст, одному в такую даль не добраться. А отказать князю не может - хуже смерти прослыть трусом! Встал, решительно посмотрел в глаза.

- Ладно, княгиня, сделаю всё, как ты говоришь.

Последние лучи солнца гаснут за стенами города. Холодная темнота разливается по улицам. Во дворах боярских теремов зажигаются светильники, стражники спускают с цепей голодных сторожевых псов. Звенит колокол на звоннице княжеской часовни. Городские ворота закрываются. Патрули ночной стражи выходят на пустые улицы. Стальные подковки на каблуках красных сапог звонко стучат по мёрзлой земле. Слышен треск смоляных факелов, чёрные тени пляшут на массивных воротах, словно хотят проникнуть внутрь. Когда до полуночи остаётся всего несколько минут, на лестнице раздаются шаги. Дверь во двор распахивается. Высокий, широкоплечий мужчина в длинном чёрном полушубке шагает в темноту, за ним показалась женщина.

Дверь бесшумно захлопнулась. Женщина выходит вперёд, негромко свистит. Раздаётся фырканье, подковы гремят по камням. Знакомый чёрный жеребец с огненно-рыжей гривой, таким же хвостом и жёлтыми, как у кошки, глазами появился из темноты двора. Глаза вспыхивают недобрым огнём.

- Бери повод, Золотая Грива, конь твой, - произносит Рада.

Из-за холода лицо укутано пуховым платком, оставлена только узкая щель для глаз. Голос звучит глухо, незнакомо. Александр неторопливо подходит, ладонь в меховой рукавице разжимается. Конь осторожно нюхает сахар, мягкие губы подхватывают сладкий кусочек. Фыркает, багровый цвет глаз немного затухает. Александр снимает рукавицу, гладит странно горячую шею. Перстень ярко вспыхивает, гаснет. Конь сразу успокаивается, глаза снова желтеют.

- А как же я прошлый раз без перстня с конём управлялся? - удивлённо спрашивает Александр. - Или к Владимиру на другом ездил?

- Тот же самый. Но сейчас полночь, - усмехнулась Рада, - ты не медли, скачи. Северные ворота уже скоро откроются.

Александр сёл на коня. Жеребец без понукания на рысях пошёл к воротам. Створки распахнулись. Кто открыл ворота, Александр не увидел. Копыта звонко застучали по стылой земле. Конь несётся вскачь в полной темноте, дороги не видать. Только чёрные контуры крыш проплывают над головой, заслоняя звёзды. Через несколько минут бешеной скачки по застывшему в ночи городу показались огни. Конь подскакал ближе и Александр увидел костёр, вокруг стражники. Кто сидит, кто лежит, закутавшись с головой в тулупы. У сидящих головы опущены на грудь, глаза закрыты. Возле ворот никого. Грохот копыт в ночной тишине раздаётся, как гром среди ясного нёба, но никто не поднял головы, не спросил, кто едет. Стражники недвижимы.

Конь останавливается в пяти шагах от ворот. Александр растерянно оглядывается, хочет спрыгнуть на землю. Деревянный брус толщиной с печную трубу, который служит засовом, медленно поднимается вверх, с грохотом падает. Громадные створки, окованные железом, раскрываются, словно пасть гигантского чудовища. Чёрный жеребец делает шаг, другой, идёт прямо в тёмную пасть. Александр оборачивается - стражники неподвижно сидят у костра, глаза не мигая смотрят в огонь. Ворота за спиной медленно закрываются, наступает полная темнота. Конь останавливается. Голова поднимается, горящие жёлтым огнём глаза смотрят в звёздное нёбо. А через мгновение раздаётся медвежий рык, переходящий в жуткое волчье завывание! Такого Александр ещё не слышал. От рёва кровь

стынет в жилах, плотный овчинный полушубок кажется лёгким, словно пуховый платок, а длинная кольчуга, надетая под него, просто тоненькой рубашкой. Пальцы левой руки крепче сжимают повод, ладонь правой ложится на рукоять меча. Где-то далёко, в самой середине чёрного леса, раздался ответный вой. Конь фыркнул, довольно замотал башкой, отчего рыжая грива крепко хлестнула по груди Александра. За спиной длинный конский хвост со свистом рассёк неподвижный морозный воздух.

- Ну, давай, конячка, вези меня дальше, - негромко произнёс он.

Конь словно понял - бросился с места в галоп. Грохот копыт расколол тишину, холодный ветер засвистел в ушах. Опять бешеная скачка в ночи! Ледяные звёзды обсыпали небосвод, несколько самых крупных мигают, словно беззвучно переговариваются. Кожу обожгло морозным ветром, пришлось отвернуться. Бросил взгляд по сторонам. Вокруг расстилается стылая равнина, едва освещённая мерцанием звёзд. Конь несётся, не разбирая дороги, перелетая чёрные провалы ям и оврагов. Голова с оскаленной пастью опущена к земле, словно вынюхивает чьи-то следы. В звёздном свете рыжая грива превратилась в седую, стелется по ветру. Кажется, что с неё срываются белые искры, летят и гаснут далёко за спиной. Ветер не обжигает, а просто режет на куски лицо ледяным ножом. Пришлось надвинуть шапку на глаза, уткнуться лицом в гриву. Почувствовал, что однообразный грохот копыт меняется. Не стал тише или реже, нет, просто к нему прибавился ещё один, словно некто скачет впереди на таком же необыкновенном коне. Приподнял голову, прикрываясь от ветра ладонью. Приближается широкая полоса абсолютного мрака. Стук копыт отражается от этой полосы, возвращается эхом. Сквозь слёзы плохо видно. Смахивает рукой. Слёзы размазываются по рукавице, замерзают. Маленькие кусочки льда царапают кожу. Внезапно конские копыта отрываются от земли, Александр летит в никуда, ничего не видя вокруг, чувствует только, что летит вперёд и вверх, а потом резко вниз!

Конь на полном скаку перепрыгивает через громадный овраг саженей в десять. Копыта тяжело бьют в землю, превращая её в крошево. Чёрный жеребец с всадником, словно неведомое ночное чудовище, несётся по земле на раскоряченных лапах, с хрустом ломая молодые деревца, выворачивая кусты с корнями. Мелкие камни с визгом разлетаются во всё стороны, сыпятся искры. Кажется, что под коваными копытами горит земля. Скольжение прекращается, конь снова мчится галопом. Стена мрака оказывается лесом. Жеребец на полном скаку ломится сквозь

заросли, чудом обходя столетние дубы, не обращая внимания на жалкие кусты орешника и молодые берёзки. Мимо летят полянки, лесные прогалины. Конь мчится по известному только ему маршруту, без дорог и тропинок. Александр зарылся лицом в гриву, обнял за шею. Приподниматься в седле смертельно опасно - толстые сучья с клыками сломанных веток проносятся совсем рядом, он чувствует, как острые концы задевают спину, выдирая клочья шерсти и кожи из полушубка. Наконец, стук копыт становится тише, реже. Конь переходит на рысь, потом вовсе останавливается. Александр некоторое время не двигается в седле, потом скрюченные судорогой пальцы осторожно разжимаются. Медленно, словно древний старик, выпрямляется. Открывает один глаз, второй.

Стена чёрного леса осталась за спиной, она словно расступилась во всё стороны, освободив место для большой круглой поляны. Заиндевевшая трава, словно седая шерсть старого волка, покрывает её всю. В центре возвышается простая изба, какую можно встретить в любой деревне. Только эта "простая изба" стоит на двух толстых трёхпалых ногах. Рядом валяется невесть откуда тут взявшийся выворотень. Громадный, угрожающе выставивший во всё стороны кривые лапы корней. Чтобы такой выворотень из земли выдрать да притащить сюда, нужна шестёрка лошадей. Воспользовавшись тем, что вокруг никого, Александр не стал лихо спрыгивать с коня, как обычно, а осторожненько сполз с конской спины. Прыгать и скакать после такого путешествия совсем не хотелось. Да и сил не было. Отвязал вещевой мешок. Сделал несколько шагов на негнущихся ногах, обернулся. Конь неподвижно стоит, словно каменная статуя, только вот глаза уже не жёлтые, а красные. Верхняя губа поднимается, как у волка, блестящие клыки, совсем не похожие на обычные зубы травоядного животного, угрожающе блестят.

- Ну, чего ещё? - недоумевающе произносит Александр. - Ах да! Прости пожалуйста, - спохватывается он.

Подбегает, пальцы торопливо расстёгивают пряжки. Снимает седло, уздечку. Конские глаза гаснут, оскаленная морда отворачивается. Вдалеке слышится вой. Конь радостно рычит в ответ, рык переходит в завывание. Грохочут копыта, чёрный зверь исчезает в ночи. Внезапно Александр чувствует - в руках что-то трепыхается. Раздаётся громкое шипение. Он опускает глаза и тут же с проклятиями отшвыривает то, что было седлом и уздечкой. Мерзкая тварь с крыльями летучей мыши и телом собаки падает на траву. Ушастая морда поворачивается к человеку, горящие, как угольки, глаза злобно смотрят в лицо. Со спины твари ползут во всё стороны тонкие длинные змеи. Тварь визгливо рычит,

показывая полный рот острых зубов. Бежит прочь, неуклюже взмахивая кожистыми крыльями. Прыгает вверх, хлопки становятся сильнее. Странная крылатая собака исчезает в ночи. Александр снимает шапку, вытирает потное лицо, не замечая, как маленькие льдинки царапают кожу. В рот попадает клок шерсти, отплёвывается. Опускает глаза, видит, что его чёрный полушубок превратился в лохмотья, из рукавов и груди вырваны клочья кожи. Спину неприятно холодит. Сует руку. Пальцы касаются кольчуги, вся спина в огромных дырах - результат бешеной скачки по ночному лесу. Пришлось сбросить лохмотья. Остался в кольчуге поверх стёганой куртки. Огляделся. Вокруг ни души. Только старая избушка на двух птичьих ногах темнеет впереди. В неподвижном воздухе мёрзнет тишина. Делает шаг, другой... Замороженная трава хрустит, как будто под ногами ломаются человеческие кости. И от этого проклятого хруста где-то внутри появляется тревога, Александр чувствует, как всё тело наполняется страхом и злостью. Он всегда злился в минуту опасности и, когда злость достигала какого-то предела, страх уходил.

За спиной раздаётся душераздирающий треск! Звук исходит из земли, словно неведомое чудище выдирается из могилы, а гроб не пускает. Александр облегчённо вздыхает - наконец-то! - оборачивается: тот самый выворотень, что дико и несуразно торчал посреди поляны, оживает. Дрожь сотрясает гигантскую корягу, изломанные щупальца корней, толщиной в человеческую ногу, судорожно дёргаются, выворачивая комья мёрзлой земли. Те, что тоньше, рвутся. Над поляной раздаётся непрерывный треск и хлопки. Скрюченные, будто пальцы старой ведьмы, корни мучительно медленно выползают на поверхность. Скрежет и скрип далёко разносятся в ночи, словно стоны и визг оживающего чудовища. Наконец, выворотень выбирается из земли. Скрежет и хруст стихают. Александр мерит глазами чудовище - гигантский паук величиной с верблюда с двумя дюжинами ног стоит всего в десятке шагов перёд ним. Ни глаз, ни рта не видать, просто сгусток тьмы. Его нельзя напугать, убить, вообще ничего сделать! Невольно отступает на два шага и тут за спиной раздаётся режущий слух скрип и гулкие удары по земле. Оборачивается. Ожила бабкина изба! Наклонилась, дверь угрожающе распахнулась чёрной пастью, толстые когтистые лапы топают по земле, словно показывают, что будет, если человек подойдёт ближе.

Тут Александр растерялся. Он не испугался глупой деревяшки. Это не кочевник с копьём и саблей на быстром коне. Ему надо попасть в избу, а эта собачья конура на куриных ногах

чего-то кобенится. Да ещё пень взбесился ни с того, ни с чего! Переводит взгляд на выворотень, опять на избу. Растерянность уступает место злости - придётся разобраться с обоими! Избушка с места не сойдёт, понял он, так что начинать надо с выворотня. В руках появляется меч, вещевой мешок летит в сторонку, чтоб не путался под ногами. Мешок падает в траву, внутри что-то глухо стукает. Александр на мгновение замирает, с проклятием бросает меч обратно в ножны, кидается к мешку. Не обращая внимания ни на выворотень, что угрожающе поднял корявые лапы, ни на старухин дом, с проклятиями развязывает мешок.

- Вот дурак, а? Ну совсем память растерял, - бормочет вслух, - у меня же есть всё, что надо...

Замёрзшая бечёвка поддаётся крепким зубам, узел развязывается. Осторожно извлекает круглый свёрток, разворачивает. В руках остаётся небольшой кувшинчик. Горловина плотно обтянута кожей, туго обвязана. В середине торчит кончик бечёвки, чём-то густо вымазанный. Александр достаёт из кармана огниво, торопливо бьёт кресалом. Бледные искры сыпятся на землю, одна или две попадают на горловину кувшина. Бечёвка вспыхивает, как бенгальский огонь. Тём временем выворотень, словно чувствуя неладное, суетливо подбирается ближе. Треск и шорох заставляют Александра повернуться. Оживший пень уже в двух шагах, сразу несколько корявых лап тянется к его голове! Бросает кувшин. Тонкие глиняные стенки вдребезги разбивается, чёрная, вонючая жижа течет по выворотню, мгновенно вспыхивает яркий рыжий огонь. Щупальца хлещут воздух, безуспешно пытаясь сбить пламя, но только делают хуже - горящее пятно расползается шире, охватывает корни, обрубок ствола и вот уже целый стог пламени освещает стылую ночь. Выворотень пытается сопротивляться, пятится, неуклюже ворочается и раскачивается в стороны. Бесполезно. Корни один за другим с треском ломаются, выворотень буквально тонет в огне. Через считанные мгновения ночное чудовище превращается в большой костёр. Александр поворачивается к избушке. В руках второй кувшин с адской жидкостью и огниво. Теперь, в пляшущем огне огромного костра на месте выворотня, избушка лесной колдуньи не выглядит страшной. Слюдяные глаза окон испуганно смотрят в землю, распахнутая дверь кажется отвисшей челюстью трусливого монстра. Подходит к крыльцу. Избушка не двигается. Видит, что ступени высоко над землёй.

- Опустись на землю, конура собачья, мне войти надобно, - презрительно цедит сквозь зубы.

Избушка с готовностью гупает деревянным задом в землю.

Дубовые ступени ощутимо грюкают о землю, откуда-то из середины пола раздаётся жалобный скрип. Александр поднимается. Внутри темно и тихо. Дверь за спиной аккуратно закрывается. Достаёт трут, огниво.

- Где тут у старухи светильник был? - бормочет он, безуспешно пытаясь разглядеть в хоть что нибудь в полной темноте. Стучит кресалом - не получается высечь огонь, вязаные перчатки мешают. Стаскивает одну, другую и вдруг избушку заливает рыжим светом! Перстень, что дала Рада, бывшая Баба-Яга и хозяйка избушки, горит ярким пламенем, освещая всё вокруг.

- Тьфу ты, и про перстень забыл! - плюется Александр. – Ну, точно, как дед старый!

На колченогом столе зажигается лучина. Перстень вспыхивает ещё раз и гаснет. Александр с любопытством оглядывает нехитрое убранство. Грубый стол на корявых ножках, такая же лавка. Закопчённая печь, горшки, ухваты, ложки - плошки. Всё, как тогда, когда попал сюда в первый раз.

- Где-то тут должна быть ступа и метла, - говорит сам себе, подходя к печке. Внезапно в углу громко шуршит, из темноты выезжает, хрустя засохшими листьями на полу, старая ступа с помелом. От неожиданности вздрагивает, пальцы сжимают рукоять меча. Но ступа останавливается возле его ног, словно солдат перёд начальством, кривое помело залихватски торчит в середине. Александр хмыкает, одним глазом уважительно косится на перстень - очень полезное колечко, оказывается, дала Баба-Яга, то есть княгиня Рада! С сожалением в голосе произносит:

- Не надо было драться с выворотнем, палить зря. Ткнул бы перстнем в рожу деревянную... Эй, избушка! А одежда тёплая у тебя есть? Холодно на улице.

Что-то большое, тёмное срывается с противоположной стены, падает прямо на ступу. Волна холодного воздуха с пылью мягко тычет в лицо, огонёк лучины заметался, грозя сорваться с острого кончика. По краям ступы свисают полы овчинного тулупа. Старый, штопанный, но зато не изъеден молью. Александр на глаз прикинул размер - в самый раз. Надел, подпоясался кожаным ремнём, закинул за спину вещевой мешок.

- Эй, ступа, марш из избы... с помелом! - командует.

В голосе слышна неуверенность - вдруг не послушается? Но ступа покорно выкатывается на крыльцо, прыгает на землю, минуя ступени. Помело подпрыгивает высоко в воздух, на мгновение замирает, плавно опускается рядом. Александр поглубже надвигает шапку, ставит одну ногу в ступу, другую. Садится. Места мало, бабка для себя делала. Неудобно - там

жмёт, тут давит.

- Ну, - произносит он, - неси к этой, как её … Кунявихе!

Со всей силой машет метлой. Ступа покачнулась, замерла на мгновение и прыгает вверх, прямо к звёздам! Ветер свистит в ушах, кучка багровых углей - всё, что осталось от выворотня - мелькает красной полоской и исчезает. Поляна, залитая бледным светом звёзд, тёмное кольцо леса остаётся далёко внизу. Вокруг пустота, под ногами только деревянное дно ступы. Ураганный ветер рвёт шапку, люто морозит лицо. Александр обхватывает голову руками, сгибается в три погибели, пытаясь укрыться за стенками ступы. Ветер свистит и завывает, словно рядом несётся стая волков. Ледяной воздух быстро съел остатки тепла и теперь холод медленно пробирается вглубь. Руки и ноги застыли ледяшками, немеет лицо. Ни подвинуться, ни пошевелиться в тесной ступе невозможно. Александр попробовал встать, но встречный ветер так ударил в грудь, что пришлось приложить немало сил, чтобы не вылететь в обратную сторону. Снова скрючился на дне ступы, ожидая, когда закончится проклятый полёт. Потерял счёт времени и стало казаться, что так и будет лететь в темноту, пока не замёрзнет насмерть. Потом ступа перевернётся, вывалит окоченевший труп куда нибудь в болото и отправится восвояси, к весёлой хозяйке. Кто знает, какие шутки у ведьм? Внезапно сквозь мрачные, замерзающие мысли пробилось ощущение какого-то изменения – едва заметно изменилось направление полёта, потом ещё и ещё. Вскоре Александр почувствовал, что ступа летит иначе, а попросту говоря падает и довольно быстро! « Ну вот, начинаются ведьмины шуточки, - обречённо подумал Александр, - сейчас как шмякнусь об землю и будет из меня блин с мясом»!

Ветер торжествующе взвыл, раздался оглушительный свист, потом по ступе застучало, послышался треск и скрип. Александра затрясло. Он вдруг почувствовал себя лягушонком в деревянной кружке, которую трясут хулиганы мальчишки. Удары становятся чаще, сильнее, наконец дало так, что ступа закряхтела, заскрипела и Александр решил, что она разваливается на лёту. Несколько секунд ничего не происходило, а затем последовал такой удар, что всё пространство вокруг осветилось искрами из глаз Александра. Ступа разлетается на куски, он летит по воздуху, падает, кувыркается, потом просто едет по снегу, широко раскинув руки и ноги. Стремительный полёт и падение заканчиваются в сугробе, в который Александр въезжает с головой. Мгновение лежит, приходя в себя. Осторожно шевелится, с трудом, словно дряхлый старик, встает. Рука медленно поднимается, пальцы стряхивают снег с лица, грудь высоко

вздымается, наполняя лёгкие воздухом.

Он на дне глубокого оврага, перёд глазами крутой склон, разделённый пополам широкой бороздой. Снег усыпан цепками, сучьями, разным хламом. Одиноко торчит обломок струганной доски полукруглой формы – всё, что осталось от ступы. Сам он стоит по пояс в снегу в небольшой яме. Далее склон понижается ещё, дно оврага скрыто от глаз сплошной стеной чёрных елей. Мохнатые лапы опущены до земли, вершинки наклонены, словно неведомые существа, очень похожие на ёлки, изготовились к прыжку на чужака. Александр не спеша выбрался на чистое место, стряхнул снег. Пальцы ощутили холод железа – от тулупа остались одни рукава и то до локтей, полы исчезли, словно сгрызенные. Сбросил лохмотья, поправил пояс с мечом, надел шапку. Под сапогами заскрипел снег, стена чёрных елей медленно плывёт навстречу. Заметил, что ели стоят очень близко друг к другу, так не бывает в лесу. Ветки буквально переплетаются, образую сплошную стену сучьев и иголок. Толстый слой снега лежит наплывами, словно застывшая белая глина.

Не раздумывая, что да как, вынул меч. Засвистел стылый воздух, посыпалась искрящаяся пыль, срубленные ветви рухнули на землю. Шагнул в прогал, снова взмахнул мечом, ещё и ещё… Он будто прорубался сквозь плотный строй вражеских солдат. Меч весело шелестит рассекаемым воздухом, срубленные лапы валятся к ногам и снежная пороша белым саваном усыпает дорогу. Разогрелся, по жилам побежала горячая кровь. Так понравилось, что не заметил, как ели недовольно расступились. Меч последний раз сверкнул в лунном луче, с огорчённым шелестом прячется в ножнах. Перёд глазами раскинулась обширная поляна. В центре безобразным пнём торчит изба, чёрная, скособоченная. Вместо фундамента два толстых столба, выпавшая челюсть лестницы касается земли, последняя ступенька теряется в жухлой траве. Поляна, залитая неживым светом луны, блестит, словно потная лысина каторжника, покрытая шишками маленьких холмиков. Александр внимательно оглядывается по сторонам – не оживёт ли опять какая нибудь деревяшка? – решительно шагает вперёд. Под ноги попадает что-то круглое, скользкое. Странный продолговатый валун, похожий на громадный круглый гриб. «Какие сейчас грибы? – с раздражением думает Александр, - что за дурак камень сюда притащил, чуть ногу не вывихнул»! Со злости пинает, «гриб» странно легко отлетает, врезается в опорное бревно и рассыпается на мелкие кусочки. Избушка дёргается, недовольно скрипит и вдруг тянется вверх! Александр с изумлением видит, что это не опорные брёвна,

а ноги! Толстые, в наплывах коры, они выпрямляются, ушибленная нога поднимается, хорошо видны страшно изогнутые когти на концах птичьих пальцев толщиной с доброе полено. Александр отступает на шаг, под ногой опять что-то твёрдое, перекатывается, как палка. Оглядывается и видит, что вся поляна усыпана костями, черепами людей и животных. Грудные клетки присыпаны снегом, это их он принял за холмики.

- Так, это я как раз попал… - тихо произносит Александр и громко командует, – А ну, сарай ходячий, опустись на землю, дверь открой! Я войти хочу.

С этими словами снимает рукавицу. Ведьмин перстень вспыхивает жёлтым огнём, гаснет и загорается снова рыжим. Сполохи освещают стену чёрных елей, на снег падают резкие тени и тут же пугливо исчезают, словно неведомые чудища отдёргивают лапы. Над поляной проносится тихий шелест, будто вздох умирающего. Избушка падает на землю, когтистые лапы исчезают, словно в землю проваливаются, с душераздирающим скрипом распахивается дверь, из тёмного нутра с мерзким писком вылетает стая нетопырей. Запах тления, затхлости волнами захлёстывает Александра, заставляет сморщиться и отвернуться. Хлопанье крыльев стихает. Кривые, сучковатые ступени скрипят под сапогами, прогибаются. Александр останавливается посредине лестницы, негромко произносит:

- Отрублю ноги!

Лестница моментально вытягивается во фрунт, ступени выпрямляются, застывая ровными дощечками, скрип исчезает.

Перстень светит ослепительно. По бревенчатым стенам избушки разбежались резкие тени, застыли в неподвижности, словно в страхе. Печь, стол, лавка, в углу кадушка – всё убранство комнаты. Тускло поблескивает маленькое слюдяное окошко. По углам висят лохмы пыльной паутины, вдоль стен на бечёвках сушатся пучки трав. Александр ногой подвинул лавку, сёл. «Почему всё ведьмы и Бабы-Яги живут хуже нищих? – подумал он, брезгливо осматриваясь, - у крысы в норе и то чище. Ведь чего-то там колдуют! Ну и наколдовала бы дом приличный, да сама принарядилась как человек. Или правду если нечисть, то жить надо в грязи». Достал кресало, трут, запалил лучину. Перстень тотчас успокоился, погас. Александр ещё раз осмотрелся, внимательно глянул на печь. Заметил клок грязной тряпки, свисающий с края. Губы презрительно кривятся, пальцы нащупывают старый деревянный ковшик. Бросок. Посудина отскакивает от стены, падает на полати. Слышится возня, шуршание, недовольный голос скрипуче произносит:

- Это што за баловство такое, а? Вот я шшас слезу!

Бесформенный серый комок валится с печки, волна нечистого запаха окутывает Александра, избушка наполняется вонью давно немытого тела. Из вороха тряпья поднимается скрюченная фигура старухи. Лицо как печёное яблоко, нос торчит черенком, глаза горят угольками, волосы до плеч, словно свалявшаяся собачья шерсть. Старуха поднимает руку, грязные пальцы трясутся, чёрные когти вытягиваются, загибаются. Рука странно удлиняется, скрюченные пальцы медленно приближаются к лицу человека. Александр с недоброй усмешкой произносит:

- Дотронешься до меня пальцем, я тебе их по одному вырву.

Ведьмина рука останавливается, старуха изумлённо спрашивает:

- Што-о-о!?

Дрожит, грязное тряпьё топорщится, волосы дыбом.

- Да я тебя в упыря-а-а! – шипит старуха, взмахивая руками.

- Накось, выкуси, - хладнокровно отвечает Александр. От кукиша размером с детскую голову падает тень больше самой ведьмы. Перстень предостерегающе вспыхивает рыжим огоньком. Ведьма на мгновение замирает, и без того вытаращенные глаза округляются ещё больше, вытянутая рука исчезает, встопорщенные лохмотья опадают. Старуха на цыпочках подбирается ближе, неверяще рассматривает перстень одним глазом, потом другим.

- Ну што ж вы, мущина, сразу-то не показали, - заюлила она, - чай, я бы хлебом-солью встретила, на пороге…

- Не трепись, старуха, - оборвал Александр, - ты, я вижу, совсем нюх потеряла, твоя дурная изба и то сообразительней. Сядь!

Ведьма послушно плюхается на край кадушки, руки чинно замирают на коленях.

- Позвольте спросить вас, уважаемый, как величать вас? С чём изволите пожаловать ко мне? – вежливо спрашивает старуха.

- Моё имя Александр Золотая Грива, а пожаловал я вот с чём… - Александр коротко рассказал для чего послан князем, упомянул о знакомой ведьме по имени Рада и о том, что Кунявиха должна помочь ему. О том, что перстень - подарок, решил пока не упоминать. Не понравилась старуха.

- Ну, чём смогу помогу, - ответила ведьма, косясь одним глазом на перстень, - только что за Рада такая, не упомню. Какова она?

Александр в нескольких словах обрисовал образ знакомой Бабы-Яги.

- Постой, постой, это не Задрыга ли? – поинтересовалась ведьма.

- Не знаю никакой задрыги. Радой зовут, княгиня она сейчас. Первый раз встретил её года два назад, в лесу под Киевом, помог кое в чём.

- Под Киевом? Ну, точно Задрыга… Так она княгиней стала? Ха-ха…- согнулась от смеха ведьма, - как же она умудрилась, ведь ейной харей … ха-ха … только леших пугать… ха-ха…

- Траву колдовскую заваривала, пила, потом вроде как кожу пересаживала с … э-э… с низа спины на лицо, я уже не помню. В общем, помолодела и всё. А почему ты её задрыгой называешь?

Вместо ответа ведьма замахала руками, словно отгоняя пчёл, шлёпнулась тощим задом на пол, продолжая смеяться. Поднялось облако пыли, ведьма затрясла лохматой башкой, волосы разлетелись во всё стороны. От едкой вони лицо старухи безобразно искривилось, она громко чихнула раз, другой. Пыль, словно туман, заполонила избушку. Александр не стал дожидаться, пока ведьма прочихается. Протягивает руку. Сильные пальцы сжимают в комок тряпьё на горбу. Встает, удерживая ведьму в вытянутой руке, словно щенка за шиворот … Дверь разлетается в щепки от мощного пинка. С диким визгом ведьма вылетает на свет Божий в клубах пыли и обломках досок и катится по мёрзлой земле ворохом тряпья. Остановившись шагах в тридцати, вскакивает и быстро бежит в дом. Глаза горят синим огнём, волосы дыбом. Прыгает с земли в дверной проём, взмахнув руками, словно ворона крыльями. Александр брезгливо вытирает ладонь о голенище, пальцы аккуратно отламывают огарок лучины. В это мгновение разъярённая ведьма врывается в дом – глаза пылают, зубы лязгают!

- Сядь на место, - коротко приказывает Александр. Перстень предостерегающе мигает.

Старуха прерывисто вздыхает, покорно садится на край бочки.

- Так что там о Задрыге? – задаёт уточняющий вопрос Александр.

- О Задрыге-то? – как ни в чём ни бывало взмахивает руками ведьма, - да знаю я. Её чего так прозвали? Она по молодости красивой была и любила на чужих мужиках кататься. Вскочит какому дураку на шею и ну ногами дрыгать. Мужик как увидит её ноги голые, так и дуреет, и бежит сломя голову. А ей только того и надо. Сидит на загривке, хохочет! Она так полдеревни загоняла вусмерть. Бабы тогда собрались, да ухватами поколотили её, а потом в печь затолкали растопленную. Она чуть живая из неё вылезала, в трубу! Вся в волдырях, чёрная, страшнющщая! Бабы-то кто куды! Да-а … в лес ушла жить. Долго в нём жила, училась колдовству. А сейчас, говоришь, замуж вышла? Видать, надоело

одной-то. Да-а, теперь накатается вдосталь!

- А что с крепостью?

- А-а … ничего. Была на стрелке крепостишка, люди княжеские построили, да вот видишь какая беда, заболели они моровой язвой, - сожалеюще разводит ведьма руками, - кто помер, кто сбежал куда глаза глядят.

Старуха скромно опускает глазки, когтистые пальцы теребят лохмотья.

- А чего костей возле дома набросано?

- Ну так не пропадать же добру! Прибрала я для нужд всяких.

- Каких таких всяких?

- Ну … мяса заготовила … э-э … шкилетики мне прислуживают, а остальных мёртвеньких оставила крепость сторожить, там они. Живые-то сбежали на остров, ниже по течению. Они как-то хотели в крепость вернуться, так мои мёртвенькие на них набросились, побили да погрызли… У меня мясца человеческого ещё больше стало, вот. И шкилетиков прибавилось.

- Значит, в крепости мертвецы, а живые на острове?

- Да.

- Как освободить крепость?

- Ну-у, это дело сложное, не всякому под силу. Простому человеку не справиться… - затянула ведьма. Тусклые старушечьи глаза забегали туда-сюда, на мгновение останавливаясь на перстне. Александр это заметил.

- Перстень может помочь?

- Да как сказать…

- Как есть, так и говори! И живее, не то я тебя саму в печь засуну, дымоход закрою, избушку подпалю!

- Ладно, ладно, не горячись! – затараторила ведьма. Недовольно пожевала сухими губами, глаза вспыхнули было красным, но угасли.

- Слушай. Перстень силу даёт подчинять неживое. Мне, чтобы заставить служить мертвецов, надобно постараться как следует, а с таким кольцом на пальце только скомандовать и всё.

- Как?

- А как ты воинами командовал, так и здесь. Они ж всё бывшие солдаты, только команды и понимают.

Александр вышел на крыльцо. Луна сползла с центра чёрного нёба ниже, но до утра ещё далёко. Поляна тонет в лунном свете, снег искрится, играет красками, серая трава, словно седина, укрывает землю. Холодно, тихо. Несколько раз глубоко вдыхает чистый ночной воздух, прочищая лёгкие от затхлой вони.

- Встать! – гремит в ночном безмолвии его голос.

Ничего не происходит, только издалёка несколько раз отзывается затихающее эхо.

- Ну… - обозлено оборачивается к ведьме Александр. Слуха коснулось лёгкое постукивание, потрескивание. Он взглянул на поляну и замер…

Запорошённая снегом трава шевелится, трещит мёрзлая земля – один за другим поднимаются скелеты. Грязные, в застывших комьях серого льда и снега, с горящими адским огнём глазными впадинами, они медленно бредут к избушке ведьмы. Такого ему ещё ни разу не приходилось видеть! С остановившимся дыханием наблюдает, как нежить становится в одну шеренгу, выравнивает строй. Позади потерянно бродит безголовый скелет, глупо размахивая костлявыми руками. Строй выровнялся, скелеты замерли. Александр незаметно перевёл дух, кашлянул в кулак.

- В какой стороне крепость? – тихонько спросил ведьму.

- Там-ма! – показала грязным пальцем налево и вверх.

- Напра-Во!!! В крепость шагом … марш!!!

Шеренга поворачивается, скелеты послушно маршируют в указанном направлении. Безголовый всполошено машет руками, бежит следом. Александр оборачивается к ведьме.

- Слушай, Кунявиха, - вспомнил он предупреждение Рады о кольце, - как велика власть перстня?

- До рассвета, потом худо будет.

Подниматься по крутому склону ведьминого оврага пришлось долго. Александр забеспокоился - можно не успеть до рассвета! Скомандовал:

- Бегом марш!

Скелеты бегут, смешно размахивая тонкими прутиками рук и ног, Александр следом. Бежать легко, снега в лесу мало. Через полчаса показалась чёрная стена. Луна освещает гребень тусклым серебром. Чёрными дырами зияют огромные провалы. Подойдя ближе, Александр увидел, что это частокол, а не крепостная стена. За ним виднеются дома, развалины, вдалеке темнеет незамерзшая середина реки. Колонна скелетов проходит в пролом, останавливается. Александр пробирается следом. Едва ступает за частокол, раздаётся тихий треск, прямо из-под ног слышится хрип. На расстоянии вытянутой руки из мёрзлой земли с трудом выдирается мертвец. Ночной мороз сковал льдом мышцы, сухожилия, слышен звук рвущейся плоти. Наконец поднимается, весь в клочьях примёрзшей травы, в земле. Там, где плоть соприкасалась с почвой, кожа содрана вместе с мясом до кости. Шагает раз, другой, ноги как деревянные. Лица нет, череп с клочьями плоти, один глаз налит чернотой, второй висит на

жилке. Александр невольно отступает, но шум и треск поднимающихся мёртвых раздаётся отовсюду. Ледяна рука ложится на плечо. Не раздумывая, перехватывает, рвёт на себя и в сторону. Тяжёлый, как колода мороженого мяса, мертвец с деревянным стуком падает на землю, но тотчас встает. Драться с мороженными тушами глупо. Александр зычно командует:

- Всём построиться! – и на всякий случай поднимает руку. Камень на кольце загорается рыжим огнём. Мёртвые замирают на мгновение, словно не верят своим глазам («Да какие, к чёрту, глаза у мертвецов! – невольно подумал он, - но как-то ж видят, твари»!), покорно собираются в кучку.

- Выровняйтесь, уроды, - цедит сквозь зубы Александр, - или совсем нюх потеряли? Я вам устрою радостную жизнь, чтоб служба мёдом не казалась!

Удивительно, но мертвецы, услышав родные обороты речи, как-то быстрее зашевелились и вот перёд Александром стоит строй скелетов и … тоже скелетов, только в остатках мяса. От одного вида такого войска кровь стынет в жилах, волосы встают дыбом от ужаса. Смотреть невыносимо. Александр отвернулся. Облегчённо вздохнул, потому что в глубине души сомневался, так ли всё будет, как обещала ведьма. В центре крепости темнеет приземистое здание, похожее на сарай или казарму. Окна забиты досками, дверь висит на одной петле, но стены вроде целы.

- Прямо, в дом, шагом марш!

Колонна мёртвых солдат тупо шагает к дверям, напрямик, не выбирая дороги. Некоторые валятся с ног, оступаясь в ямы. Подняться уже не могут, ползут на четвереньках к указанной цели. Александр закрывает дверь, подпирает поленом. Обходит сарай, проверяя, нет ли проломов и начинает таскать дрова – доски, брёвна, всякий деревянный мусор. Когда набирается достаточно, достаёт трут и кресало. Пучок берёсты вспыхивает чадным пламенем и вскоре пылает весь сушняк. Огонь жадно пожирает высушенное дерево, перекидывается на стены и крышу. Через несколько минут дом охвачен пожаром. Сквозь гул и рёв огня слышится знакомый голос ведьмы:

- Хитёр, жук.

Оборачивается. Кунявиха стоит рядом, худые руки сложёны на груди, в чёрных глазах отражается пламя. От старухи исходит мерзкий запах кислого пота, грязи и нечистот. Александр делает шаг в сторону и в ту же секунду пламя из горящего дома вырывается наружу, словно язык огненного чудовища. Старуха дико верещит, отпрыгивает. Грязные лохмотья дымятся, края вспыхивают. Ведьма с визгом хлопает ладонями, бросается на землю и бешено кувыркается. Александр с интересом смотрит на

суету, не делая ни малейшей попытки помочь. « Она до смерти боится огня! – понимает он, - надо запомнить». Жар становится нестерпимым. Закрывая лицо ладонью, Александр отступает подальше. Замечает, что огонёк в камне начинает вроде слабеть. Отходит подальше от света – так и есть, камень стал тусклым. Значит, светает, просто из-за пожара не видно. Оглядывается - на востоке наливается белым полоса горизонта. Снимает перстень, поворачивается к Кунявихе с намерением отдать – слово дал, надо держать, даже перёд нечистью.

- Рада велела мне … - произносит он и в этот момент что-то большое, вонючее с визгом кидается на него. Привычка воина всегда быть начеку спасает – уворачивается, сильно и быстро бьёт обеими руками. Грязная куча лохмотьев падает, катится по земле, потом подскакивает, словно мячик и удивлённый Александр видит, что это ведьма!

- Ты сдурела? – спрашивает её.

- Отдай перстень! Отдай! – верещит старуха в ярости и, как бешеная, бросается снова.

Руки внезапно утолщаются, словно корни старого дуба, на пальцах вырастают когти. Взмах – Александр едва успевает уклониться, когти с неприятным визгом царапают кольчугу, искры сыпятся на землю. Пахнет калёным железом. Изумлённый такой прытью ведьмы, он только уворачивается, не успевая вытащить меч. Кунявиха тяжело дышит, из чёрного рта льётся тонкая струйка мутной жидкости. На минуту останавливается перевести дух. Лицо багровеет, раздувается, рот раздвигается до ушей. Пасть широко распахивается, показывается частокол острых клыков. Ведьма растёт ввысь и вширь, на голове вырастают рога, какие-то непонятные шишки…

Перёд человеком стоит чудовище, вдвое выше и шире в плечах, ведьминых лохмотьев не видно в густой шерсти. Чёрная, в красных язвах морда кривится, из крокодильей пасти раздаётся рёв:

- Отдай перстень, ничтожество!

- Ну, отдам и что? По головке погладишь? – спрашивает нисколько не испугавшийся Александр.

- Поглажу, поглажу… так, что кожу сдеру до костей, - рычит чудовище, - ну!

- Ладно, уговорил, - мирно отвечает Александр, - или уговорила? ... да всё равно … Лови!

Сильно и быстро, словно дротик, бросает перстень в гигантский костёр догорающего дома. Чудовище кидается следом, безуспешно машет лапами, но перстень летит точно и исчезает в пламени. Чудище бежит прямо в огонь. Шерсть

вспыхивает соломой, раздаётся страшный крик боли, отчаяния. Александр с немалым удивлением видит, как монстр разбрасывает горящие уголья, пытаясь разыскать перстень. Шерсть уже сгорела, пришёл черёд кожи, она лопается, скручивается по краям. Отчаянный рёв переходит в визг. Чудовище стрелой выскакивает из огня, падает. Снег мгновенно превращается в пар, с шипением устремляется вверх. От монстра исходит мерзкий запах горелой мертвечины, палёной кости. Ещё немного покатавшись по снегу, затихает. Александр с обнажённым мечом спокойно ожидает, что будет дальше. У него нет ни страха, ни волнения, только любопытство. Понимает, что это неправильно, так не должно быть, но объяснить не может. Вот не страшно и всё! Монстр поднимается, горящие ненавистью глаза впиваются в лицо человека. Из горла вырываются булькающий рёв:

- Думаешь, ты победил? Нет, настоящая схватка начнётся сейчас!

С обугленной кожи сыпятся куски сгоревшей плоти, морда дёргается и кривится от боли, рёв превращается в визг. Чудище бросается на человека, лапы с громадными когтями тянутся к горлу. Александр отклоняется, монстр промахивается, по инерции пробегает дальше и Александр на мгновение оказывается у него за спиной. Быстрый разворот, меч вздымается к светлеющему нёбу, свистит рассекаемый воздух, кончик лезвия разрубает шкуру на спине чудовища от шеи до пояса. Багровая борозда разделяет чёрное тело пополам. Оглушительный рёв раненого монстра заполняет весь мир. Ревёт так, что снег сдувает с земли, от воздушной волны огонь пожара вспыхивает ещё сильнее. Крик быстро затухает, переходит в хрип. Александр недовольно морщится – от такого шума в ушах звенит. Не давая опомниться, рубит сухожилия на ногах. Чудовище падает на колени, потом обессилено валится на передние лапы. Рогатая голова с трудом поднимается, раздаётся сиплый рёв:

- Я всё равно убью тебя, ничтожный человек, тебе не дожить до рассвета!

- Ты совсем дурак … или дура? Разуй глаза, уже рассвело! – смеётся Александр.

Чудовище оборачивается. Далёко на востоке край солнца показался над горизонтом, бледные зимние лучи стрелами вытянулись над стылой землёй. Монстр взвыл, когтистые ладони закрыли морду. Чёрное тело задымилось, на обнажённой коже вздуваются волдыри. Тварь пытается встать, не удаётся. Падает, катится по земле, дико крича. Кое-как становится на четвереньки и так, воя от боли, ползёт прочь. Запах палёного мяса становится

сильнее. Монстр стремительно уменьшается в размерах, усыхает … По земле ползёт на карачках голая старуха. Сморщенное отвратительное тело покрыто волдырями, клочья кожи свисают с боков. Александр торопливо отворачивается – тошнота поднялась к горлу, он едва сдержал позыв к рвоте. Бросает меч в ножны, вытирает потный лоб. Ведьма уползла, стоны и вопли стихли, вокруг ни души, тишина, только трещат уголья догорающего пожара. Ниже по течение располагается остров, куда перебрались уцелевшие люди. Река уже покрыта тонким льдом, но на середине темнеет широкая полоса незамерзшей воды. Ясно, что добраться до острова пешком не удастся. Прошёл вдоль берега, но ни лодки, ни плота не обнаружил. В домах тоже пусто. Оставалось только одно – построить плот, благо брёвен достаточно или ждать, когда река окончательно станет. Постройка плота займёт не один час, надо поискать место ночлега, но ни один из уцелевших домов для жилья не годился – двери выбиты с косяками, вместо окон зияющие дыры, почти на всех провалились крыши. От реки тянет ледяным ветром, в воздухе кружатся снежинки, по земле шустро бежит позёмка, руки и ноги начинает грызть мороз. Александр торопливо идёт к догорающему дому погреться. На пути попался пологий холмик. Александр цепляется ногой, едва не падает. Чертыхнулся с досады, но обходить не стал, идёт прямо. Чувствует, что шаги звучат иначе, словно идёт по крыше. Остановился, топнул раз, другой… Земля глухо отозвалась, слегка спружинила - значит, под ним пустота!

В землянке пусто и холодно. Стены, потолок покрыты стылой изморосью, два просторных лежака тоже в инее. Чернеет широкое закопчённое пятно самодельного очага. Простая дыра в земле обмазана глиной, дымоход из самодельных кирпичей. Под лежаком что-то темнеет. Александр решил, что это дрова, срывает лежащую сверху рогожу. Вместо дров видит странный продолговатый предмет, похожий на гроб. Рядом лежит палка с расширением на конце. «Жильцы в дуду дудели, сидя в гробу … – подумал Александр. - Вот забавы»! Вытащил гроб, взял дудку и только тут до него дошло, что это не гроб и не дудка. Лодка, маленькая рыбацкая лодка, а в руках у него ботало! Когда ставят сети, один из рыбаков отплывает на лодке подальше и тычет в воду палкой, как копьём. Звук получается гулким, сильным – бот, бот! Потому и зовут боталом. Рыба пугается и попадает в сеть. Этот «ботник» неумело выдолблен из целого куска дерева и больше похож на корыто для свиней. Или гроб. Рядом валяется весло, тоже сделанное кое-как. В другое время Александр только брезгливо скривился бы, увидев такое, но сейчас он обрадовался – не надо возиться с плотом и льда ждать не нужно, садись и

плыви! Очень довольный, выбирается наружу. На всякий случай маскирует вход в землянку, тащит лодку к воде.

Тяжёлая, словно дубовая колода, лодка погружается почти до борта под тяжестью человека. Осторожно, чтобы ненароком не зачерпнуть воды, отталкивается, течение подхватывает лодку, пологий песчаный берёг медленно удаляется. Пробует грести, но неудобное весло намокло, норовит выскользнуть из замёрзших пальцев. К тому же Александр не умёл загребать одним веслом так, что бы лодка плыла прямо, она всё время разворачивалась, течение начинало кружить и вертеть проклятым корытом. В конце концов плюнул, бросил весло. Повезло, что ветер дует в спину, по течению. Медленно, но верно самодельный корабль приближается к далёкой цели. Уже можно разглядеть высокие тополя и раскидистые ивы, что растут по всему острову, заросли кустарника без листьев, издалёка похожие на щетину. Очень скоро Александр замёрз так, что сидеть без движения стало совсем невозможно – в спину дует, снизу тянет могильным холодом от воды. В маленькой, неустойчивой лодке нельзя повернуться, сразу зачерпнёшь воды. Пришлось взять весло и осторожно грести, то справа, то слева, медленно перекидывая мокрую, тяжёлую дубину с лопастью на конце. Наконец, днище заскребло о песок, лодка остановилась, бесконечно длинное плавание закончилось. Замёрзший так, что зуб на зуб не попадает, Александр торопливо шагает к берегу. Тонкий ледок, что уже успел вцепиться в мокрый пляж, вкусно хрустит под сапогами, песок мягко шуршит, мелкие ветки трещат, переламываясь пополам. Из кустов выходят двое, у одного в руках секира, второй натягивает тетиву лука, стрела вот-вот сорвётся.

- Стой, - крикнул первый, - кто такой, по какому делу?

- Тебя не касается, - ответил Александр, - со старшим говорить буду. А ты, - обратился он к лучнику, - убери лук. Твоя стрела всё равно не пробьёт кольчугу.

- А в глаз? – усмехнулся тот.

Вместо ответа Александр закрывает лицо латной рукавицей, достаёт меч. Неизвестные переглянулись, лук медленно опустился к земле.

- Ладно, договорились, - недовольно буркнул первый, - иди за нами.

Александр убрал оружие, но с места не сошёл. Лучник понимающе усмехнулся, кивнул товарищу. Тот спрятал секиру за пояс, лучник снял стрелу. Пошли первыми, Александр за ними. Через два десятка шагов кусты расступились, глазам открылась большая поляна. В центре возвышается старый тополь с сухой вершиной, вокруг видны крыши землянок, горят костры.

Несколько человек греются у огня.

- Стой здесь, - приказал лучник, - сейчас атаману доложу.

Метнулся к ближайшей землянке, вскоре из неё вышел невысокий мужик. Одет лучше остальных, грудь укрывает кожаный доспех с нашитыми конскими копытами, на голове грубо выделанный шлем с обломанным навершием. Круглое лицо обрамляет пышная чёрная борода, растущая от самых глаз. Из остальных землянок и шалашей в кустах стали выходить люди и вскоре вокруг собралась толпа. Невольно бросилось в глаза, что одеты очень бедно, почти всё кутаются в лосиные шкуры, на ногах обмотки тоже из шкур, поверх лапти. Вооружены кое-как, топорища насажены на простые палки. Только у атамана за поясом торчит рукоять меча и он единственный обутый в сапоги. Стало ясно, что эти люди обыкновенные разбойники. Несколько секунд всё пристально рассматривают незнакомца, затем атаман важно садится на пенёк, солидно откашливается, кивает лучнику.

- Дык вот … э-э… тово, - заторопился тот, - шли по берегу, глядим – плывёт энтот вот. Схватили … тово … привели. Вота!

- Ага, - важно произносит басом атаман, - ну и чаво? Хто таков, откудова, чаво надо, а?

Александр молчит, не понимая, кого спрашивают, но потом быстро догадывается, что отвечать надо ему.

- Зовут Александр Золотая Грива, воевода великого князя. Прислан из Киева. В крепостишке вашей побывал, порядок навёл, теперь вот к вам пришёл.

- Побывал, значит, ага. Слыхали, робяты, он в крепости был! – обратился атаман к остальным.

В ответ раздался смех, выкрики.

- Вишь какое дело, воевода, - усмехнулся атаман, - в крепости на стрелке ты быть никак не мог, потому что мертвяки там остались одни. Здешняя ведьма наших соратников околдовала. Мы пробовали биться – куда там, едва ноги унесли! Врёшь ты всё. И какой ты воевода, ежели у тебя дружины нет? За брехню на кол посажу.

Ветер с реки зашумел голыми ветвями, снежинки закружили хоровод над поляной, растаяли в тёплом дыме костров. От толпы пахнуло запахом прокисшего пота, немытого человеческого тела. Александр выпрямился, ладонь легла на рукоять меча, брови сошлись на переносице, на скулах заиграли желваки.

- Слышь, атаман, - вдруг раздался голос лучника, - он тово … это, на ботнике Лапоты приплыл.

- Ну и чо?

- Дык это … Лапота третьего дня на стрелку плавал, пошарить хотел тама по сусекам и не вернулся. А ещё горело там

ночью сильно. Может, энтот шалил?

- Да, верно, зарево было знатное … Вот что, Волокуша, возьми пару человек да смотайся-ка на стрелку, глянь, чаво и как. И побыстрому! А ты, Грива, здеся побудешь. Меч-то отдай. Ежели всё так, как ты сказал, верну без обмана.

- Надо бы руки связать, больно здоровый, - раздался голос.

- Вяжите, - согласился атаман.

Из толпы выходит здоровенный верзила, в руке шишкастая дубина из целого ствола молодого дуба.

- Давай лапы, да не бойся, мы люди честные. Если не соврал, то ничего тебе не будет. А ежели сбрехал, всё равно завалим, как медведя.

Обмотал руки пеньковой верёвкой, с завистью посмотрел на сапоги и кольчугу.

- Вона какие … до костра ступай.

Ждать пришлось долго. Разбойники начали ворчать, недовольно посматривать в его сторону и только атаман безмятежно ковырялся палочкой в костре. Прошло не меньше часа, когда из кустов раздался шум, будто кабан прёт напролом. Всё оглянулись. Из зарослей вываливается сторожевой разбойник, вопит диким голосом:

- Идуть!

Через несколько минут появляются посланные на стрелку. Первым идёт лучник по имени Волокуша, глаза вытаращены, шапка на затылке, за ним плетутся остальные. Подходят к атаману, к ним сбегаются всё.

- Ну, чаво тама? Не тяни кота за х…, рассказывай! – шумят разбойники.

Атаман опять важно садится на пень.

- Докладай! – звучит приказ.

- Ну, дык это … тово…, - мямлит лучник, - был он тама. Лапоту не нашли, казарма наша сгорела, а мертвяков нету!

- Точно нету?

- Точно, мы всё облазили, только кости горелые нашли.

Атаман вздохнул, рука поднялась к макушке, шапка съехала на глаза, пальцы заскребли по затылку.

- Ну что ж, отдаю меч, - произнёс с сожалением, - и как ты такое сделал, не понимаю? Может, мертвяки сами ушли на юга, а по весне вернутся?

На шутку атамана никто не рассмеялся. Разбойники с суеверным ужасом смотрели на человека, который в одиночку расправился с целой толпой мертвецов, некоторые крестились, другие держали обереги, что-то шептали.

- Только сомневаюсь я, что ты воевода, - продолжал атаман, -

не бывает воевод без дружины. И появился ты чудно. Как добирался-то сюда с Киева?

- Вам лучше не знать, - ответил Александр, - а то, что я воевода, поверь на слово.

- Э-э, нет, - рассмеялся атаман, - к нам разные люди попадают, как только не называют себя.

- Я знаю этого человека! – внезапно раздался голос.

Раздвигая толпу, вперёд выходит рослый худой разбойник. Одет, как и всё, в шкуру, но без оружия. Заросший, бородатый. Александр удивлённо поднял брови - что-то в осанке, наклоне головы кажется знакомым и голос вроде где-то слышал.

- Ты его знаешь? Откуда? – удивился атаман.

- Служили вместе в войске ромейского императора. Это генерал Александр Золотая Грива, сейчас на русской службе у великого князя Владимира.

Незнакомец подошёл ближе, убрал волосы с лица. Александр шагнул навстречу, всмотрелся, с трудом узнал в исхудавшем, сильно постаревшем человеке своего бывшего духовника.

- Отец Анатолий! Ты-то как тут оказался?

- Долго рассказывать, генерал, как нибудь потом, - улыбнулся Анатолий, - рад, что ты жив.

- И я рад встрече, но увидеть тебя здесь – просто чудо какое-то!

Александр так удивился, что позабыл обо всём на свете. Перёд ним стоит тот самый послушник, что встречал перёд покоями Константинопольского патриарха, был назначен его, генерала Александра, духовным наставником, а потом, разочаровавшись во всём, ушёл проповедовать к язычникам. И вот теперь он здесь, в глухомани, среди разбойников! Анатолий искоса глянул на атамана, тихо произнёс:

- Идём-ка отсюда, кое-что поясню.

Атаман проводил их взглядом.

- Ишь, ганарал… тьфу, не выговоришь! … Аляксадер … эх, может, и правда. А вот кольчужка и меч у него – аяй, прямо княжеские!

Землянка священника располагается в стороне от остальных. Анатолий подвинул грубо сплетённое из ивовых прутьев сиденье, подбросил дров в затухающий костёр. Налетел порыв ветра, в воздухе закружился пепел, дым ткнул мягким кулаком в лицо, защипал глаза. Александр ставит сиденье спиной к ветру.

- Ну, не тяни, рассказывай! – нетерпеливо просит он.

- Да что рассказывать, - усмехнулся Анатолий, - коротко не получится, а длинно некогда.

- Мы разве торопимся? – удивился Александр.

- Видишь ли, Золотая Грива, тут лагерь разбойников. Половина из бывших дружинников, а остальные Бог знает кто. Атаман хитёр, жёсток и завистлив, собрал вокруг себя таких же. Ты обратил внимание, во что всё одеты? Доспехов ни у кого нет, оружие дрянь. Словом, ты не доживёшь до утра, если останешься здесь.

- Плохо. Я думал, мне удастся уговорить атамана перебраться обратно в крепость, до настоящих холодов отремонтировать что можно, стать гарнизоном.

- Даже не мечтай. Они панически боятся здешней ведьмы и ни за что не вернутся.

- Страшиться нечего. Я Кунявихе вправил мозги так, что носа не сунет. И нежити больше нет, спалил.

- Что? Так ты и вправду уничтожил нечисть? А я не поверил, - произнёс Анатолий, поражённо глядя на Александра, - как тебе удалось?

- Видишь ли, святой отец, тут лагерь разбойников… - ехидно начал Александр, потом не выдержал, рассмеялся. – Так что мы решили, остаёмся или идём на тот мыс?

- Этот мыс называют Стрелкой за сходство с наконечником стрелы. Надо немедленно уходить.

- А как? На том корыте, что принесло меня сюда, даже одному плыть опасно.

- Забудь о нём, есть лодки получше. Подожди минутку.

Анатолий спустился в землянку, раздался стук, шум, что-то бухнулось на пол. Через несколько секунд священник выбрался наружу с туго набитым заплечным мешком и посохом.

- Вот что, генерал, иди прямо во-он на то дерево, видишь макушку? – показывает палкой в сторону реки. Из кустов торчит голая, как палец, верхушка тополя. – За тем деревом найдёшь лодку, она присыпана ветками и песком. Жди меня там, я быстро, вёсла заберу и приду. Давай!

Священник исчезает в кустах. Александр оглянулся – несколько человек внимательно рассматривают его. Заметив взгляд, отворачиваются. « Ага, святой отец, как всегда, прав. Уже есть желающие на мою шкуру», - понял он. Неторопливо идёт к реке. Не успевает пройти и десяти шагов, как кусты за спиной затрещали, волна нечистого запаха накрывает с головой. Оборачивается и едва успевает уклониться от летящей в лицо шишкастой дубины. В кустарниковой гуще особо не распрыгаешься. Едва только стал на маленький пятачок чистой земли, как набрасываются сразу двое. Вытаскивать меч некогда. Отбивает руку с ножом, бьёт латной перчаткой. Напавший падает с разбитым вдребезги лицом, разлетаются осколки зубов, брызжет

кровь.

Всё произошло так быстро, что второй не сумел уклониться от падающего тела, да и кусты кругом, прыгать некуда. Оба валятся на тропу. Александр выхватывает меч. Сверкающее лезвие чертит полукруг, замирает на мгновение … острый, как бритва, клинок без труда пробивает обоих насквозь. Надо пошевеливаться, эти двое наверняка не последние желающие поживиться за чужой счёт. Быстро шагает по едва заметной тропинке, заросли обрываются небольшим пляжем. Голый, лишённый листвы тополь торчит из песка, словно высохшая рука утопленника - серая, бугристая и страшная. Рядом подозрительная куча хвороста, кое-как присыпанная песком. Лодка! Тянет к воде, но лодка даже не пошевелилась. Тянет ещё раз, со всей силы, аж белые огоньки в глазах засверкали, в лодке что-то громко затрещало – бесполезно. Выругался, ладонь ложится на рукоять меча. Затрещали кусты. Выбегает священник, в одной руке посох, другой прижимает две здоровенные дубины. Александр решил, что это оглобли, но догадался – это вёсла.

- Почему лодка не в воде? За теми двумя, что валяются на тропе, бегут десять! – рявкнул святой отец.

- Твою лодку с места не сдвинешь, как приросла к земле, - недовольно буркнул Александр.

Вёсла тяжело падают на песок, священник заглядывает за корму.

- Ну конечно, обойти и посмотреть не догадался, - бормочет он, - я ж её колом к земле прижал, чтоб водой не унесло при разливе. А ну… что-то тут не так…

Хватает обеими руками, дёргает. Раздаётся треск, священник выпрямляется со сломанной палкой толщиной в руку.

- Здоровый ты, Грива, просто кабан, - покачал головой Анатолий, - кол изломал, наполовину выдрал … Я с ним полдня возился! Берись с того краю, потянем!

Грести на большой и тяжёлой лодке трудно, а против течения вдвойне. Несмотря на холод и пронизывающий ветер, быстро разогрелись, стало жарко. Александр не выдержал, сбросил тёплую одежду, остался в одной рубахе, священник снял шкуры. Сразу полегчало и грести начали так хорошо, что не заметили, как приблизилась коса и днище заскребло по мелководью. Вышли на берёг. Анатолий внимательно осмотрел мёртвый город, частокол, задержал взгляд на громадном чёрном пятне пожарища.

- Ну, где будем располагаться?

- Вон там. В землянке этого … Лапоты!

К вечеру землянка хорошо протопилась. За плотно закрытой дверью воет холодный ветер, идёт колючий снег. Темно, пусто,

страшно, как на заброшенном кладбище. Снежинки летят часто, забивают всё ямки, щели, ровняют землю к приходу настоящей зимы. Чёрная корка застывшей грязи превращается в белое покрывало, под ним прячутся до вёсны остатки пожарища, следы людей и животных. Тьма и холод укутывают землю, жизнь замирает.

- Так как ты оказался здесь? – спросил Александр священника.

- Бог послал, - ответил Анатолий. – Я долго путешествовал по дорогам империи, проповедовал слово Божие. В глухомани, в забытых Богом углах меня слушали, давали кров и хлеб. В городах отворачивались. Сказывали, что у них есть свои церкви, там красиво говорят, отпускают грехи за скромное подношение. А я говорю коряво, грубо и вообще, кто я такой, чтобы учить их. В одном городе, не помню название, я пришёл в храм поклониться святым мощам. Меня не пустили, приняли за нищего. Какой-то послушник вытолкал взашей, велел прийти позже. Я не стал перечить. Вышел за ограду, прилёг на траву…

… проснулся от сильного удара под рёбра. Задохнувшись от боли, застонал, скрутился калачиком, бессознательно закрыл голову руками. Сверху раздался неприятный скрипучий голос:

- Вставай, урод, время работать. Твоё место там, за забором.

Открыл глаза. Злое полуденное солнце ослепило. Торопливо отполз, ожидая следующего удара, закрылся ладонями. Мелькнула тень, послышался хрусть гравия, затихающий звук шагов. Осторожно опустил руки. Видит удаляющуюся спину того самого послушника, что давеча выгнал из храма. Пройдя несколько шагов, остановился. Маленькая голова с тонким пучком волос на затылке медленно повернулась, бегающие глазки замерли на Анатолии. Послушник указал пальцем на дорожку, идущую от ворот к храму. По обеим сторонам уже рассаживаются нищие. Анатолий подошёл ближе. По дороге бредут те, кто зарабатывает на жизнь подаянием. Идут медленно, вяло переругиваясь на ходу. Порыв горячего ветра принёс тяжёлый запах гнили, мочи и разлагающейся плоти. Уроды самого отвратительного вида, покрытые язвами и коростой, вонючие до тошноты, деловито усаживаются на самом верху каменной лестницы, что ведёт к дверям храма. Те, что попроще, внизу. Бросились в глаза двое, что сели друг против друга и старательно корчат жалобные рожи. Один паясничает, второй отмечает недостатки, делает замечания. Репетируют! Анатолий подходит ближе. Тяжёлый запах усилился, а тут ещё солнце печёт так, словно желает огнём выжечь всю нечисть, но силёнок не хватает. Кто-то трогает за плечо, раздаётся голос:

- Новенький? Тебе здесь нельзя, надо сначала договориться с Крюком.

- Каким ещё крюком? – обернулся Анатолий и едва не вскрикнул – перёд ним стоит настоящее страшилище, человек-зверь! Ниже на полголовы, кривоногий, коренастый и весь покрыт шерстью, но самоё страшное – лицо. Оно всё заросло волосами, длинными, жёсткими, как на голове. Между грязными прядями блестят глаза, большие, светло-серые, как у волка. Вокруг рта обстрижено, видны толстые розовые губы. Размыкаются, обнажая щербатую пасть, раздаётся голос:

- Крюк – это кликуха, вон он, - произносит страшилище, тычет пальцем за спину.

Анатолий смотрит в указанном направлении, видит чисто одетого старика, скромно сидящего в тени.

- Крюк решает всё вопросы с нами и отцом-настоятелем, понял? – продолжает говорить чудище, - без его разрешения работать нельзя. Давай, вали к нему.

Анатолий всё понял. Он и раньше слышал об этакой своеобразной церковной мафии. Настоятель храма нанимает нищих для сбора подаяний. При этом большую часть собранного забирает себе, меньшую оставляет старшине шайки нищих. В крупных городах империи такое было повсеместно. Пытались бороться, но получалось только в столице и очень плохо. Жажда наживы перевешивала страх наказания, а наказывали сурово, вплоть до отлучения от церкви и лишения сана.

Решил зайти в храм, поговорить с настоятелем. Мелкие камешки больно впиваются в босые ступни, нестерпимая вонь от гноящихся язв и немытых тел не даёт дышать. Мимо плывут омерзительные рожи с провалившимися носами, без зубов, в страшных шрамах, покрытые кровоточащей коростой, синюшные обрубки рук и ног, раздувшиеся от воспаления… Невольно ускорил шаг, стремясь побыстрее уйти от страшного зрелища. Почти бегом поднялся по ступеням, входит в прохладный полумрак. На пороге встречает упитанный детина, лёт тридцати с небольшим. На выпирающем пузе покоится золотой крест. Символ веры глупо утыкан цветными камнями, словно жаба бородавками. Румяное лицо скривилось, холёные ладони с тщательно подстриженными ногтями торопливо прячутся за спину. Почти не разжимая тонких губ, сквозь зубы, детина произносит фальцетом:

- Кто пустил, что надобно?

- Я послушник храма Святой Софии Константинопольской, твой брат во Христе Анатолий. Хотел сказать тебе …

- Ты грязный бродяга и вор! Брат нашёлся… В храм с минуты

на минуту пойдут уважаемые люди нашего города, щедрые дарители и меценаты. Для оборванцев вроде тебя место на нижней ступени лестницы, там ты можешь помолиться Богу, но не раньше, чём приличные люди выйдут за ограду. Вон отсюда!!!

- Перёд Богом всё равны, - едва сдерживая себя произносит Анатолий, - ты не можешь так говорить.

- Вон, плесень! – завизжал детина. – Кто пустил в храм бродягу? Выбросьте его!!!

Сразу несколько человек в монашеской одежде бросаются к Анатолию. Жёсткие пальцы больно сжимают плечи, могучая рука хватает за шею, давит так, что трудно дышать. Ударили по лицу раз, другой, саданули тяжёлым сапогом под рёбра. Мир поплыл перёд глазами, красная струйка потекла из разбитой брови, заливая лицо. Оглушённого, ничего не понимающего Анатолия, выволокли на площадку перёд храмом. В глазах ослепительно вспыхнуло солнце, издевательские вопли нищих, словно карканье стаи стервятников, врываются в сознание. Всё чернеет вокруг, наливается свинцовой тяжестью, как перёд грозой. Свирепый воин просыпается в мирном послушнике!

Анатолий резко выпрямляется, ноги сгибаются в коленях, подбрасывают тело. Мощный удар обеими ногами, коленные суставы с жутким хрустом разрываются. Оба монаха падают ничком, лишившись сознания от болевого шока. За спиной раздаётся удивлённый возглас. Молниеносно хватает кисть руки, что ещё сдавливает его шею, проворачивает наподобие лопасти ветряной мельницы и дёргает на себя. Трещит плечевой сустав, рука едва не выдирается с корнем и громадного роста монах с диким воплем валится под ноги. Шум пропадает. Нищие в страхе и удивлении замирают, как суслики возле нор. Анатолий поднимает голову, налитые кровью глаза останавливаются на белом от страха лице настоятеля. Не говоря ни слова, делает шаг навстречу. В абсолютной тишине шлёпанье босых ступнёй звучит громом среди ясного нёба. Гладкие щёки настоятеля синеют. Он вдруг понимает, что его сейчас просто убьют и никто не сможет помочь. Не захочет…

Рука, мгновение назад полная, с розовыми пальчиками и ухоженными ногтями, а теперь тонкая, жалкая, поднимается. Ладонь ложится на розовый мрамор стены. Просторная шёлковая ряса дрожит, настоятеля колотит трясучка, глаза закатываются, он вдруг начинает громко икать, давиться воздухом. Отступает вглубь храма на подгибающихся ногах, каблук роскошной сандалии из крокодиловой кожи цепляется за выступ на полу. Взмахнув руками аки крылами, настоятель хватается за шёлковую занавесь, падает вместе с ней. Нога задевает за подставку для

свечей, она валится на другую. Огненный дождь осыпает настоятеля, беспомощно барахтающегося в занавеси и собственной рясе. Шёлк вспыхивает, как солома, храм наполняет дым, истошные вопли настоятеля. Всё бросаются тушить огонь, кто-то впопыхах задевает лампаду, масло щедро льётся в огонь и тогда начинается уже настоящий пожар. Те, что тушили, сами загорелись, теперь с криками катаются по полу, пытаясь сбить пламя. Но как это сделаешь на каменном полу? Хуже того, от этих катающихся огонь перекинулся на другие занавеси, зачем-то развешанные по всему храму, загорелись иконы, образа. Через минуту-две храм пылает, как костёр. Из провалов окон вырывается багровое пламя пополам с чёрным дымом, вход превращается в огнедышащую пасть чудовища. Нищие бросаются кто куда, начинается паника, монахи, прихожане мечутся по двору, топчут расползающихся калек и уродов.

Анатолий не помнил, как оказался на окраине. Пришёл в себя, оглянулся – вокруг никого, старые, покосившиеся дома. Из дворов доносится многоголосый вой собак. Вдали растёт чёрный дымный цветок, клубящийся стебель поднимается высоко в голубое нёбо и там расползается грязной, неопрятной тучей. Священник равнодушно отворачивается, идёт прочь…

… служители церкви обычные люди, они подвержены греху, как и всё, - продолжает рассказ Анатолий, - а дьявол хитёр, забирается в душу незаметно, исподволь. Соблазнить священнослужителя – первое дело для него. И таких случаев много.

Анатолий невесело вздохнул, палкой поворошил в печке. Огонь радостно вспыхнул, захрустел головешками в надежде получить новую порцию дров. Пара полешек влетает в раскрытую пасть очага, пламя сразу успокоилось, принялось неторопливо грызть полученное угощение.

- Потому я решил уйти из империи в далёкие земли, где слуги дьявола не так искусны в лукавстве, а люди не развращены – на Русь, - сказал священник. - Нанялся к русским купцам в услужение. Шли по воде, потом волоком, снова по воде. Здесь напали разбойники – вон там, - неопределённо махнул рукой за спину, - всех перебили. Меня не тронули, потому что был без оружия. Уговаривал не проливать невинную кровь, но куда там! Всех побили, струги сожгли… Вот так и застрял тут. А сказочником прозвали за то, что проповедовал слово Божие среди закоренелых грешников.

- А им – как от стенки горох, - пошутил Александр.

- К сожалению, да, - согласился священник. - А как ты здесь оказался?

- Да так… - и Александр рассказал всё, не забыв упомянуть о ведьме и её помощи.

- Значит, тебе помогала нечистая сила? Это плохо, - покачал головой Анатолий.

- Пешком да с молитвами я бы сюда и за год не добрался. Да и вообще… Когда поручают невыполнимое, хватаешься за любую помощь. Как бы то ни было, но я здесь.

- Здешняя ведьма, как её … Кунявиха … захочет отомстить. Она вернётся за тобой.

- И получит снова, - хмыкнул Александр, - мне не впервой с дрянью дело иметь.

Священник беспокойно завозился на лежаке, сёл. Тёмные глаза остановились на лице собеседника.

- Я хотел спросить… - нерешительно произнёс он, - тебе не показалось странным, что ты не испытывал страха?

- Ну, вообще-то да. Ты сам знаешь, что страх есть всегда. Всё боятся смерти, увечья, только полные идиоты ничего не чувствуют. Бывали моменты, когда душа в пятки уходила, но в этот раз почему-то не боялся.

- Ты крещён?

- Да, но причём тут это? Я не очень религиозен, в церковь почти не хожу.

- Иначе твоё бесстрашие перёд лицом чудовища объяснить невозможно. Ты можешь не думать о Боге, но Он думает о тебе всегда.

- Ты, святой отец, как-то странно изъясняешься. От того, что обо мне думают, мне ни тепло ни холодно.

- Ты не понимаешь. Твоя душа слышит Бога и потому спокойна. Маленькие дети не боятся тёмных углов, когда рядом отец. Малыш держится за руку и ему ничего не страшно. Так и душа, чувствуя присутствие Бога, ничего не боится. Ты воспринимал чудовище, в которое превратилась ведьма, как обычного противника, который выше и сильнее, но для тебя, воина, это привычно и потому не страшно. Ты испытывал обычное опасение, не более того. Верно?

- Я был осторожен, чтобы не попасть под когти - двигался он быстро! Ну, не знаю… Может, ты и прав, - пожал плечами Александр.

- А другого объяснения быть не может. Когда ведьма пришла первый раз, разбойники тоже бросились на неё. Она половину превратила в живых… нет, неправильно… одним словом, люди умерли, но она умела заставить их двигаться и выполнять её команды. Часть оставила здесь стеречь золото, остальных увела в лес. Что с ними стало, никто не знает, - грустно произнёс

Анатолий.

- Съела, - ответил Александр. - Содрала кожу, мясо, засолила в кадке и ест. А скелеты были слугами, я сам видел.

- Почему были? – спросил внимательный к словам священник, - разве сейчас нет?

- Нет. Я ж рассказывал, что всех мертвяков спалил в доме. Забыл что ли?

Анатолий перекрестился, тихо забормотал короткую молитву.

- Нет, не забыл, но, признаться, не очень верил. Думал, что ты сильно преувеличил.

- Всё было так, как я сказал. И мертвяков загнал в дом и поджёг, и перстень колдовской в огонь кинул.

Священник восхищённо покачал головой.

- Ты молодец. Не каждый смог бы так легко отказаться от волшебного перстня. Ты даже о золоте меня не спрашиваешь.

- Да ладно … - небрежно отмахнулся Александр. Не объяснять же, что перстень выбросил только потому, что жизнь на волоске висела. Ведьма разорвала бы его на куски, если б не кинулась в огонь. – А золото мне не нужно. Чего тут с ним делать?

- Ты не прав, генерал. Великий князь велел тебе город отстроить, а для этого понадобиться золото. На него можно нанять дружину, оплатить работу мужиков из окрестных племён.

Александр, до этого спокойно лежавший на топчане, подскочил, голова едва не ткнулась в потолок.

- А точно, святой отец, как же я сразу не подумал!

- Ничего удивительного, ведь ты не знал о золоте.

- А откуда ты знаешь? – запоздало удивился Александр.

- Старый атаман мне доверял. Он и большая часть шайки погибла в том бою с ведьмой. Осталась трусливая дрянь. Нынешний собрал вокруг себя холуёв, которые ему в рот смотрят. Конечно, разбойники есть разбойники, делить на хороших и плохих не стоит, но старый атаман только грабил, а этому ещё и убить надо всех… Золото прятали в яме, под полом в избушке атамана. Кроме меня, об этом никто не знает.

- И новый главарь ничего не подозревает?

- О золоте знают всё, но искать боялись. Теперь, когда мертвецов нет, начнут поиски и … найдут.

- Так чего ж мы сидим! – подскочил Александр, - надо срочно перепрятать!

- Надо, - согласился священник, - но сначала выспимся. Ты представляешь, сколько работы?

Рано утром, а если честно, то очень поздней ночью

отправились на поиски клада. Первым шёл священник, за ним Александр. Дом атамана оказался на удивление скромным – маленькая избушка, в которой и двоим тесно. Анатолий достал трут, кресало, в полной темноте раздался стук камней, сверкнули искры. Отсыревший комок мха вместо пеньки никак не хотел зажигаться. Священник недовольно засопел, стук усилился. Александру вдруг показалось, что они в избушке не одни. Вроде как под стеной на полу что-то лежит. Разглядеть в темноте ничего нельзя. Священник недовольно буркнул, плюнул – видно, по пальцу попал. Начал ещё быстрее стучать и вот, наконец, появился маленький огонёк. Пучок берёсты разгорелся быстро, запалили лучину. Тусклый свет озарил комнату. Рядом, на вытянутую руку, расположился стол или табурет, сразу не поймёшь, на нём глиняная подставка под лучину. Анатолий приладил горящую щепку, рядом высыпал ещё пучок.

- Ну вот, - произнёс он, довольно потирая ладони, - свет есть. Можно начинать. Александр, эй!

- Тут кто-то есть, - раздался в ответ громкий шёпот, - смотри!

Анатолий обернулся. С лавки медленно встает неизвестный. Голова опущена, руки безжизненно болтаются вдоль туловища, движения неуверенные, какие-то дёргающиеся. Делает шаг, другой, голова поднимается, на лицо падает свет.

От ужаса и отвращения Анатолий чуть не вскрикивает – это мёртвый атаман! Лицо исполосовано, губы и ноздри аккуратно срезаны, так что хорошо видны белые хрящи на месте носа, неровный частокол зубов. Страшная пасть оскаливается, из горла вырывается шипящий голос:

- Живые-ё … крови-и … а-а …

Белые, лишённые зрачков глаза вылезают из орбит, в них отражается огонь. Длинные руки в клочьях плоти медленно протягиваются к шее священника. Анатолию ещё не приходилось так близко сталкиваться с мертвецами, он вообще впервые видел такое и растерялся. Дурной запах коснулся ноздрёй, скрюченные пальцы с вырванными ногтями приблизились к лицу, он ощутил могильный холод, исходящий от них. Словно парализованный, смотрел остановившимися глазами на приближающуюся смерть и ничего не делает.

- Да что ты смотришь на дохляка! – раздаётся злой голос за спиной, - а ну …

Сильная рука грубо сдвигает в сторонку. Александр с обнажённым мечом шагает вперёд. Анатолий вскрикивает:

- Нет, не руби!

- А что делать? – бешено крикнул в ответ Александр.

Мёртвый атаман вплотную приблизился к нему, пальцы

скользнули по кольчуге.

- Да пошёл ты! - отмахнулся Александр тяжёлой рукой в латной перчатке.

Мертвец отлетает к стене, тяжело валится на пол.

- Так что с ним делать, святой отец? Руки связать?

- Не руби, - повторил священник, поднимаясь с пола, - попробуй как-то удержать, а я помолюсь за его душу.

- Удержать … за штаны, что ли? - заворчал Александр – придумал ещё!

Тём временем мёртвый атаман поднялся, руки вытянулись к людям, ноги неуверенно переступили по бревенчатому полу. Александр шагнул навстречу, рука с мечом опустилась. Пальцы смыкаются на плече мертвеца, разворачивают. Могучий толчок в спину впечатывает в стену. С потолка сыпется песок, трава, деревянная избушка глухо гудит. Меч поднимается на уровень груди, летит вперёд и мёртвый атаман оказывается прибитым к брёвнам. Труп беспомощно машет руками, дёргается, пытаясь освободиться. Анатолий становится на колени лицом на восток, крестится и – Александр не поверил своим глазам! – начинает молиться.

- Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крёстным знамением, и в всеселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сошедшего и поправшего силу диаволю, и даровавшего нам тебе, Крест Свой Честный, на прогнание всякаго супостата.

О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь.

Шуршание и постукивание тотчас прекратились. Мертвец обмяк, провис. Слабое свечение появилось на мгновение над головой и исчезло. Александр подошёл ближе, поднёс лучину. На стене висит самый обычный труп и никаких признаков жизни … нет, не жизни, а движения, не видно. Александр выдёргивает из стены меч, брезгливо вытирает клинок о тряпьё. Мёртвое тело мешком валится на пол. Александр оборачивается к священнику, что всё ещё стоит на коленях и бормочет молитву, с немалым удивлением произносит:

- Подействовало! Вот уж не думал, что простым заклинанием можно убить мертвяка.

- Молитва не заклинание, а просьба к Богу. Он её исполнил. И

мёртвого он не убил, его нельзя убить, а освободил душу из плена нечистой силы. Теперь труп следует похоронить по христианскому обычаю.

- Ну да, и так работы выше головы, так ещё с дохлятиной возиться, - заворчал Александр.

Священник вздохнул.

- Ты не прав, - укорил он, - покойный при жизни был грешником, но всё равно Божьим творением. Не наше дело судить.

- Хорошо, хорошо, но сначала перетащим золото в землянку, иначе друзья этого грешника нас самих похоронят. Он подождёт, ему торопиться некуда.

Вдвоём вытащили три боковых брёвна с пола, под ними обнаружился лаз. Анатолий спустился, стал подавать небольшие рогожные мешки, доверху набитые золотыми монетами, слитками. Уже через полчаса весь пол в избушке оказался уставлен мешками в два слоя, даже труп атамана завалили. Осторожно, чтобы не порвать ветхую рогожу, выбрались на улицу. Александр с удовольствием вдохнул свежий воздух. Снял шапку, подставил разгорячённое лицо падающим снежинкам. Красное, как после бани, круглое лицо солнца подкрасило облака, снег, окружающий мир скучного бело-серого цвета превратился в яркий, разноцветный.

- Э-эх, зима улыбается, - произнёс Александр, широко потягиваясь, - ну что, святой отец, начнём презренный металл таскать?

- Сколько раз тебе говорить, что я не святой отец, а послушник. Не удостоился ещё сана.

- Вот те раз! Столько для веры сделал и не удостоился, - удивился Александр.

- Ну, так вот… да неважно это всё, - отмахнулся Анатолий, - разве дело в звании?

- Не скажи. Я заметил, как люди падки на чины. Иного хлебом не корми, дай должность. Веришь ли, в Константинополе сам видел, как два дурня подрались до крови за место городского собаколова.

- Всё живём под Богом, он смотрит на поступки, а не должности.

- Да, но живём-то среди людей… ладно, ерунда всё. Начинаем? Надо к темноте управиться с делами.

Проклятого золота оказалось слишком много. Мёрзлая рогожа скользит, норовит вырваться из слабеющих пальцев, мешки так и хотят шлёпнуться на землю и порваться, чтобы золото рассыпалось по снегу, зарылось в нём и тогда людям

придётся долго собирать его стынущими пальцами. Приходилось таскать мешки, держа обеими руками на уровне груди, как спелёнатых младенцев. Пол в землянке устелили рогожными кулями так, что ступить было некуда. Пришлось натаскать досок, иначе невозможно ходить. Теперь при входе надо наклонять голову, иначе макушка упиралась в потолок. Пока всё уладили, прошёл день. Солнце цвета раскалённой стали уже коснулось горизонта, когда шатающийся от усталости Александр выбрался на улицу. Окружающий мир потемнел, резче обозначились тени. Сбросил одежду, стал растираться снегом. Мороз сначала обжёг холодом, потом быстро отступил, на смену пришёл жар.

- Это ты правильно делаешь, - одобрительно сказал Анатолий, - надо будет попозже баню отремонтировать, тут где-то была.

Однако сам не решился освежиться таким радикальным способом.

Вечером, после ужина запечённым на углях зайцем, каждый занимался своим делом. Анатолий штопал порванную шкуру, Александр чистил кольчугу, поправлял кожаный пояс. Было тихо, только вьюга завывала снаружи, пытаясь пробраться в тёплую землянку.

- Как-то сложно всё у вас, святой отец, - вдруг произнёс Александр, - не руби, подержи, я молиться буду… А если некому держать, тогда что? Бегать вокруг и молиться?

- Ты о чём? – не понял священник.

- Да об атамане этом. Зачем было так усложнять, проще отрубить руки, ноги да выбросить из избушки. Потом в костёр или под лёд, всё дела.

- Да, так проще. Но если есть возможность помочь человеку, даже умершему, почему не сделать?

- И что теперь, он в рай попадёт? – полюбопытствовал Александр.

- Нет, в ад, но не на самоё дно, а поближе к поверхности. Будет не так тяжело.

Александр минуту помолчал, снова спросил:

- А тебе это зачем? Старый атаман был твоим другом?

- Нет, не был. А почему поступил так … Видишь ли, Золотая Грива, христианство учит делать добро всегда, при любых обстоятельствах и всём, а не только друзьям, близким или тем, кто тебе симпатичен. И если хочешь, мой поступок продиктован не только убеждениями, но примитивным эгоизмом. И мне когда-то предстоит умереть. Спросят на мытарствах – где был, что делал, взвесят на невидимых весах плохое и хорошее … дряни в моей жизни было предостаточно. Столько греха, что и века не

хватит каяться. Вот и пользуюсь я каждой возможностью делать добро.

- Мытарства, мытарства… что-то я слышал об этом, - наморщил лоб Александр, - там вроде чего-то спрашивают, верно?

- Эх, ты, - усмехнулся священник, - слышал … спрашивают … Да на мытарствах такое происходит, что кровь в жилах стынет, когда читаешь!

- Расскажи!

- Нет, сегодня уже поздно, да и не передать это словами, не рассказчик я. Есть у меня схрон с книгами неподалёку, отыщу, прочтёшь.

Александра так разобрало любопытство, что утром он встал первым. За ночь намело много снега, открыть дверь сразу не удалось. Как ни упирался, плетёный из прутьев ивы прямоугольник ни в какую не хотел подниматься. Пришлось осторожно, помаленьку – в час по чайной ложке – отгребать снег внутрь, потом протискиваться в образовавшуюся щель. Надо было найти обломок доски, что бы убрать снег с входа. Александр выполз наверх, ладони упёрлись в край ямы, руки напряглись, готовясь рывком выбросить тело на поверхность, как вдруг послышались невнятные голоса. Медленно приподнялся, осторожно разгрёб снег с краю. Неподалёку, в двадцати шагах, стоят кучкой люди и о чём-то спорят. Запах кислой псины, давнишней грязи и пота коснулся обоняния, заставил скривиться. Александр сразу узнал разбойников с острова. « За золотишком ребята пришли, - догадался он, - быстро! Прав был святой отец, когда поторапливал». Зашуршал снег за спиной, священник осторожно выбрался из землянки.

- Гости?

- Да, тоже почуял?

- От такой вони любой проснётся, - шепчет священник и протягивает меч, - возьми!

- Спасибо. Сейчас я …

- Подожди, - дёрнул за рукав Анатолий, - не убивай их.

- Что!? … кха … Как не убивай? – подавился воздухом от удивления Александр. - А они для чего пришли?

- Всё равно не убивай. Ты ведь сильнее намного. Постарайся, прошу тебя.

- Ну … не знаю … как получиться, - проворчал он.

Увлечённые спором разбойники не увидели, как из ничего, среди заснежённого пространства возникла фигура могучего воина. Волосы цвета льна лежат на плечах, словно накидка, слабый ветерок шевелит золотыми прядями. Кольчуга плотно

облегает плечи, выпуклую грудь и узкие бёдра словно тонкая плёнка воды. Пальцы сжаты на рукояти меча, длинный клинок лежит на плече, играя солнечными зайчиками, в левой руке дубинка из ствола молодого дубка. Воин быстро приближается. Разбойники разом замолкают, оборачиваются. Кто-то испуганно кричит, отбегает, другие торопливо достают топоры. Не дожидаясь, пока растерявшиеся разбойники придут в себя, Александр бросается вперёд. Сверкающий клинок молниеносно прочерчивает в воздухе прямую линию, на снег валятся обломки топоров и мечей, затем вступает в дело дубинка – разбойники один за другим падают, зажимая головы. Разбежавшиеся опомнились, бросились на помощь товарищам. Меч и дубинка замелькали, словно крылья ветряной мельницы в ураган. Ослабленные от плохой пищи и долгого безделья, разбойники двигаются медленно, ноги в неуклюжих обмотках вязнут в снегу, жёсткие и толстые шкуры не дают как следует ударить, сковывают руки. Александр как волк в стаде овец – двигается легко, ловко уклоняется от ударов, сильно и быстро бьёт в ответ. Разбойники в дурацких шкурах летят во всё стороны, как мячики. Минута и вокруг Александра никого нет, нападавшие со стонами и причитаниями расползаются тараканами. Снег перемешан с землёй, испещрён каплями крови, валяются зубы. Убитых и серьёзно раненых нет – меч бил плашмя. Аккуратно обтёр клинок снегом от крови и соплёй, убрал в ножны. За спиной раздался скрип снега, подошёл священник.

- Видишь, убивать не обязательно. Можно внушить и по-хорошему.

Александр молча покосился на увесистую дубину.

К вечеру мороз усилился, поднялся ветер. Пурга завыла снаружи, забивая щели в двери снегом, ей отзывается печная труба низким подвыванием. В землянке стало тепло, иней по углам растаял. Александр бросил в печь догоревшую лучину, зажёг другую.

- Святой отец, ты обещал рассказать о мытарствах, - обратился к Анатолию.

- Опять за своё … не священник я, сколько раз повторять?

- Как не священник? Раз молитва твоя подействовала, значит священник, а то, что официально не присвоили, не беда. Некому тут, вот и всё. Да и потом, неудобно как-то говорить: послушник Анатолий. В общем, святой отец и всё. Вокруг на сотни вёрст вовсе никаких священнослужителей нет, так что ты и священник, и епископ, и патриарх, - заключил Александр. – Так что там о мытарствах?

Вместо ответа Анатолий достал котомку. Пальцы ловко

распутали узел, в руке появилась потрёпанная книга в кожаном переплёте.

- Вот, - сказал Анатолий, - садись ближе к огню и читай. Найди в оглавлении повествование преподобной Феодоры о мытарствах. Да смотри осторожнее листай, бумага старая.

Александр взял книгу, удивляясь такой заботе. Священник проявил полное равнодушие к сокровищам атамана, а над комком бумаги трясётся. Конечно, книги большая редкость и очень дороги, но ни одна не стоит и четверти той кучи золота, что лежит у них под ногами. Подвинул ближе лучину, раскрыл страницы …

«… старица Феодора, родственница цареградского гражданина Константина Варвара, приютившего святого Василия, была вдова и вела жизнь целомудренную и богоугодную. Усердно служила святому. Перёд смертью приняла иночество.

Ученику св. Василия, Григорию, захотелось узнать, где находится после смерти Феодора, какую участь получила и какую награду за усердную службу святому старцу. Григорий верил несомненно, что святому Василию всё известно о ней. Он докучал ему усиленными просьбами и святой Василий, не желая опечалить духовного сына, помолился Богу, чтобы открылась в видении загробная жизнь Феодоры. Однажды ночью Григорий спал и увидел в сонном видении Феодору. Григорий обрадовался, увидев её и долгою беседою, как наяву бывшею, утешился.

Спросил её: как она разлучилась с телом? Как пережила тоску смерти? Что видела при кончине своей? И как миновала духов, проходя воздушные пространства?

- Григорий, - начала повествовать ему Феодора, - о страшной вещи спросил ты, о которой и вспоминать ужасно. Я видела лица, которых никогда не видала, и слышала слова, каких никогда не слыхала. И что скажу! Лютое и тяжкое воздаяние, которого я не ожидала, встретило меня тогда за дела мои. Но молитвами и помощью общего отца нашего преподобного Василия всё сделалось легко для меня.

Как выскажу тебе боль тела, скорбь и муку, что бывает с умирающими? Подобно тому, как если бы кто упал в великий огонь и, горя и тая, обратился в пепел, так страдания и горький час разлучения разрушают человека. Истинно люта смерть подобным мне грешникам! О праведных же не знаю.

Когда приблизился конец жизни моей и настал час разлучения с телом, я увидела множество бесов. Стали кругом постели моей, лица чернее смолы, очи, словно горящие угли; вид казался кромешным мраком и видеть их было так люто, как страдать в пропасти огненной.

Они подняли мятеж и шум; кричали, испуская надрывающие сердце, пронзающие, несказанные звуки; глядели свирепо и яростно, грозили, устремлялись, скрежеща зубами, словно хотели пожрать меня. Приготовляли хартии, точно ожидая судию, который должен прийти, развёртывали свитки, в которых записаны всё мои злые дела. Тогда убогую душу мою объял великий страх и трепет. И недостаточна мне горесть смерти, но то грозное зрение и страшное видение бесов, и ярость их как другая смерть – лютейшая.

Я отворачивала глаза туда и сюда, чтобы не видать страшных лиц и не слышать голосов, но не могла избавиться. Всюду видела их, толпящихся без числа и не было помогающего мне. В муке изнемогла совершенно и в это время увидела двух ангелов Божиих. Явились в образе прекрасных юношей, которых красоты невозможно высказать. Лица лучезарны, очи глядят с любовью, волосы на головах белы, как снег и блистают золотом. Одежды похожи на сверкающую молнию и золотые пояса крестообразно вьются на груди. Ангела стали направо от одра моего, тихо беседовали друг с другом. Бесы отступили дальше.

- Враги рода человеческого, - произнёс один ангел, - зачем вы всегда предваряете нас приходом к умирающему и, делая шум, пугаете и смущаете душу, разлучающуюся с телом? Но не очень радуйтесь: здесь не найдёте ничего, потому что с этой душой Божие милосердие и нет вам ни части, ни жребия в ней.

Бесы возмутились после слов ангела и подняли такой крик и шум, что звуки их голосов гремели громом, свистали бурей, завывали метелей на вершине горы, грохотали, гудели… Мне казалось, что я кружусь в вихре и только вид ангелов обвеял тишиной. Обозлённые бесы развернули обвинительные хартии.

- Как ничего нет в этой душе? – кричали они, - а это чьи грехи? Не она ли сделала?

Так, крича, ждали смерти. И вот пришла смерть, рыча и завывая пронзительным свистом, словно ветер в ущельях пропастей. Образ её необычайно страшен – подобие как бы человеческое, но тела нет, словно вся составлена из голых костей. Носит различные орудия мучений: мечи, стрелы, копья, косы, серпы, пилы, топоры и иные орудия, неведомые и неизвестные. Увидев то, душа затрепетала от страха, но ангелы сказали смерти:

- Не медли и освободи эту душу от уз плоти, скоро и тихо освободи её: на ней нет большой тяжести грехов.

Тотчас смерть взяла маленький топор, отсекла сначала ноги, потом руки, другими орудиями ослабила всё члены тела, отделяя их от суставов. И я лишилась рук и ног, и всё тело окаменело; и

не могла ни подвинуться, ни пошевелиться. Потом смерть отсекла голову и я больше не могла поворотить ей; она стала словно не моя.

Смерть размешала в чаше некую смесь, насильно напоила меня. Так горько питие то, что душа не вынесла его, содрогнулась и выскочила из тела, будто вырванная насилием. И тотчас взяли душу ангелы. Я оглянулась. Тело моё лежит бесчувственно и недвижимо, подобно тому, как если кто, скинув одежду, стоит и глядит не неё. Так и я смотрела на тело, которое совлекла, как одежду и удивлялась невыразимо.

Бесы подступили к ангелам, требовали отчёта от меня за грехи. Ангелы находили добрые дела; он собирали всё, что когда-либо я делала хорошее, и самые малейшие добрые деяния, готовились положить на весы против злых дел. Вдруг явился святой Василий, сказал ангелам:

- Эта душа много послужила старости моей, я молился о ней Богу. Он даровал мне её.

Достал из одежды полный мешок, дал ангелам:

- Когда станете проходить воздушным пространством и станут лукавые духи истязать душу, вы выкупайте её этим от бесов.

Бесы в недоумении затихли, потом подняли крик и сделались невидимы.

- Когда всё должное совершите этой душе, введите её в уготованный мне от Господа дом.

Сказав так, стал невидим. Ангелы повели меня к востоку.

1.Мытарство празднословия и сквернословия.

Встретили нас духи первого мытарства, на котором истязуются грехи слов: праздных, буйных, бесчинных. Мы там остановились. Вынесли к нам бесы много свитков, где записаны всё слова мои, сказанные от юных дней: когда и что говорила непотребно, сквернословно и богохульно. Там записано всё моё пустословие, бесстыдные песни, глупый хохот. Бесы обличали, показывая время, место, лица, а также когда, где и с кем я занималась суетными беседами, не считая это грехом, не исповедуясь, не каясь. Я молчала, не зная, что отвечать – меня обличали истиной! Только изумлялась, как у них не забыто то, о чём я давно забыла, после чего прошло много лёт и о чём я никогда бы и не подумала!

Ангелы положили из добрых дел против грехов, чего не доставало, наполнили от дарования св. Василия. Выкупив меня, пошли дальше.

2. Мытарство лжи и клятвопреступления.

Подошли к другому мытарству, на котором дают отчёт во

всяком ложном слове, клятвопреступлении, призывании имени Господа напрасно, лжесвидетельстве, неисполнении обетов, в исповедании грехов не истинно бывающих и других ложных делах. Бесы обличали меня, что я из стыда не по правде исповедалась перёд духовным отцом и хотели вырвать из рук ангелов, но против тех грехов ангелы положили нечто из добрых дел и дарований отца Василия. Выкупили, пошли выше свободно.

3. Мытарство осуждения и клеветы.

Я увидела, как тяжек грех осуждать ближнего и какое великое зло клеветать, позорить, глумиться и смеяться над чужими грехами. Таких бесы истязуют, как антихристов. Но я хранила себя всю жизнь, чтобы не осуждать, не клеветать, не смеяться ни над кем. Но, когда слушая иных осуждающих, я прибавляла своё слово, это мне в самоё осуждение было поставлено от истязателей. И там ангелы, выкупив меня дарованием отца Василия, пошли со мною выше.

4. Мытарство чревоугодия.

И дошли мы до мытарства, называемого чревоугодием. Бесы выбежали навстречу, поднесли мне всё то, что ела через меру и больше потребности, или когда через силу пресыщалась. Показали всё сосуды и чаши, из которых упивалась вином. Бесы говорили:

- Столько-то и столько-то выпила чаш, в такое время, с теми людьми. Вот там упивалась до бесчувствия и рвоты, плясала и, приведённая домой, изнемогала от пьянства.

Бесы радовались, желая низвести меня в ад. Я трепетала, не имея сил и не зная, что отвечать.

Ангелы много положили из дарований отца Василия, а бесы, увидев выкуп, закричали и бросили в пространство хартии с грехами.

5. Мытарство лени и праздности.

Здесь допрашиваются всё дни и часы, проведённые в праздности, удерживаются тунеядцы, которые сами не хотят работать, а поедают чужие труды и те, которые не ходят в храм Божий и не воздают хвалы Богу, испытуется уныние и небрежение. Там меня долго истязали и не освободилась бы я от долгов, если бы не дарования св. Василия.

6. Мытарство воровства.

На этом мытарстве были удержаны; но, немного давши, миновали его.

7. Мытарство сребролюбия и скупости.

Подошли к мытарству жадности, но его прошли. В жизни я не была скупа и не заботилась об имении. Была довольна тем, что имела. Что имела, давала нуждающимся.

8. Мытарство ростовщичества.

Идя выше, достигли предела, где дают ответ пускающие серебро в рост, совершающие беззаконные приобретения и присвоители чужого. Как и везде, бесы тонко, подробно всё обыскали обо мне и, ничего не найдя, скрежетали зубами. Мы поднялись выше.

9. Мытарство взяточничества и подкупа.

Дошли до мытарства неправды, где истязуются всё судьи неправедные, за мзду судящие и невинно осуждающие. Допрашиваются те, которые не платят наёмникам и обвешивают на весах. Прошли там благодатию Христовой.

10. Мытарство зависти.

Также и было мытарство зависти; мы миновали его, не давши ничего. Я видела только злобу бесов, но не испугалась их.

11. Мытарство гордости.

Подобным образом мы прошли и мытарство гордости, где духи истязуют грешивших тщеславием, самомнением, презрением. Проходя то мытарство, мы положили очень мало.

12. Мытарство гнева.

Достигли мытарства гнева и ярости, но и там свирепые духи немного получили, и мы пошли дальше, радуясь о Господе.

13. Мытарство злопамятства.

Затем явилось перёд нами мытарство злопамятства, на котором истязуются те, которые держать злобу на сердце против ближнего и воздают злом за зло. Но я не была злопамятна и не держала зла в сердце. Рыдали бесы о том и мы свободно пошли выше.

14. Мытарство убийства.

Поднимаясь и восходя всё выше, мы пришли к мытарству убийства, на котором истязуется и каждый удар чём-либо и по плечам, по голове, ланите и всякий толчок. Там положили немного и прошли свободно.

15. Мытарство чародейства и ворожбы.

И мытарство чародейства и ворожбы, отправления и призывания бесов мы прошли, не давши ничего. Восходя выше, я спросила у ангелов:

- Всё ли христиане проходят эти мытарства и есть ли возможность пройти здесь человеку без истязаний и страха?

- Нет другого пути, - отвечали ангелы, - для душ, восходящих к небесам. Всё идут здесь, но не всё допрашиваемы так, как ты; только подобные тебе грешники, которые совершили неполное исповедание грехов, стыдясь и утаивая перёд духовным отцом нечистые дела свои. А кто по истине исповедует злые дела и жалеет, и кается, что совершил их, того грехи невидимо заглаживаются Божиим милосердием. И когда душа проходит здесь, воздушные истязатели в своих книгах не находят ничего написанного и ничего не могут ей сделать, и не могут устрашить её. Душа восходит, радуясь, к престолу благодати. И ты, если бы поистине исповедала всё грехи, не понесла бы на мытарствах таких истязаний.

16. Мытарство блуда.

Среди таких бесед дошли мы до мытарства блуда, на котором допрашивается: блуд, мечта о блуде, соизволение на блуд, медлительное услаждение блудными помыслами, грех прикосновения к тайным частям тела. Множество бесов окружали

владыку того мытарства. Когда я приблизилась, они стали показывать записи о моих блудных делах, в которых обозначено, когда, где и с кем я грешила, начали обличать. Я же не могла слова выговорить, трепетала от страха. Ангелы отвечали бесам за меня, что я оставила давно блуд и остальную часть жизни провела в воздержании и посте.

Бесы возразили:

- Мы знаем, что она давно перестала грешить в этом, но неискренне исповедала грехи перёд отцом духовным и не получила от него эпитимии, поэтому – она наша! Следовательно, или оставьте её нам, или выкупите добрыми делами.

И положили святые ангелы несколько от моих дел, а больше от дара св. Василия, и я едва избавилась от бесов.

17. Мытарство прелюбодеяния.

Идя далее, мы достигли мытарства прелюбодеяния, где держат ответ живущие в супружестве, но не соблюдающие супружеской верности – посвящённые Богу, не сдержавшие обетов чистоты и падшие. На этом мытарстве я явилась много должною и обличена была в прелюбодеянии; уже бесы хотели вырвать меня из рук ангелов… Но после долгих споров и выставления на вид моих последующих трудов и подвигов, ангелы выкупили меня не столько моими добрыми делами, сколько дарами св. Василия и пошли дальше со мною.

18. Мытарство противоестественного разврата.

Приблизились мы к восемнадцатому мытарству, на котором допрашиваются грехи противоестественные. Несказанна ярость и свирепость владыки этого мытарства и подручных бесов. Поспешно выйдя навстречу, обступили, но, по милости Божией, ничего из этого не найдя во мне, со стыдом убежали.

И сказали ангелы:

- Видела ты, Феодора, эти страшные мытарства? Знай же, что весьма немногие души минуют их без вреда себе, так как весь мир во зле соблазнов лежит, и от юности человек мыслит злое, и редкие сохраняют себя от нечистоты блуда. Мало людей, умерщвляющих похоти; поэтому немногие проходят мытарства свободно, но большинство погибает, достигнув их. Ты же, Феодора, благодари Бога, что миновала при содействии молитв преподобного Василия.

19. Мытарство неверия и ересей.

Затем подошли к мытарству ересей, где дают ответ за неправые мудрования о вере, отступление от православного исповедания веры, колебания в вере, хулы на святое. Тут прошли без расспросов и очутились вблизи небесных врат.

20. Мытарство бессердечия и жестокости.

Наконец, встретили нас бесы последнего, двадцатого мытарства – бессердечия и жестокости: там держат ответ души людей бессердечных. Если кто и много подвигов совершил, много постился и усердно молился, был целомудрен и тело своё умертвил воздержанием, но был безжалостен и жёсток – тот не получает пощады на этом мытарстве. Но мы благодатию Христовою прошли при помощи молитв преп. Василия, даровавшего много из своих добрых дел на мой выкуп.

С радостию приблизились к небесным вратам. Они светлы, как кристалл; стоят в них блистающие солнечным светом юноши. Увидев меня в сопровождении ангелов, возрадовались, что по милости Божией миновала я воздушные мытарства и ввели внутрь врат…

- Виденное и слышанное там, - сказала Феодора Григорию, - нельзя рассказать подробно. Меня привели к престолу Божию, окружённому херувимами, серафимами и другими силами небесных воинств. Пала я ниц и поклонилась Невидимому Богу. Слышен был голос, повелевающий ангелам показать мне обители святых и мучения грешников. Всюду меня водили, и видела я обители светлые. Потом низведена в преисподнюю, где познала муки страшные, ожидающие грешников.

Сказали ангелы:

- Посмотри, Феодора, от каких мук избавил тебя Господь молитвами святого Василия.

Наконец ангелы привели меня в обитель преподобного Василия и здесь оставили, сказав:

- Ныне преподобный Василий творит по тебе память.

И я поняла, что через сорок дней по моём исходе из тела достигла обители покоя…

Всё это рассказала Григорию в сновидении преподобная Феодора».

Александр закрыл книгу. Глаза от непривычного напряжения покраснели, слезятся. Пробрался к выходу. Дверь тихо скрипнула, просыпалась струйка снега в щель. Осторожно выбрался наверх. Ночь уже на исходе, вот-вот рассвет. Звёзды презрительно мигают в высоте, холодно поглядывая на маленького человечка, что вздумал в неурочный час выйти из своей норки. С удовольствием потянулся, так что внутри захрустело, протёр лицо колючим снегом.

- Смотрите, гады? - прошептал он. - Расселись вокруг и смотрите, записываете… оказывается, бесы грамотные? Вот уж не подумал бы! Интересно, если бесу морду набить, это грех или нет? Для бесов понятно, а для ангелов? Как там, на мытарстве убийства – истязуется всякий удар, толчок по ланите и по чём-то

ещё. Так вот, если бесу врезать по ланите так, чтоб уши отвалились и зубы веером, грех или нет? У кого бы спросить?

В трудах и заботах незаметно прошла зима. Весна вступила в свои права быстро и решительно. Солнце стало забираться всё выше и выше, выжигая снег везде, где только доставали его лучи. Тёплый ветер дул, не переставая, изредка нагоняя тяжёлые, полные воды тучи и тогда бедной зиме вовсе деваться было некуда – тёплые потоки безжалостно смывали остатки её снежного царства. Лёд на реке вспух, почернел, словно от горя. Было видно, что он едва терпит такое издевательство и вот-вот лопнет от возмущения. Однажды ночью стены землянки задрожали от какого-то мирового сотрясения. Раздался грохот, треск и скрежет, словно неведомый великан вздумал погрызть скалу. Дверь тихо отворилась, из землянки выходят отец Анатолий и Александр.

- Рано в этом году ледоход, - произнёс священник.

- В самый раз, - бодро ответил Александр, - надоели холода. Сколько уже сидим в норе, пора выбираться.

Река окончательно очистилась ото льда через несколько дней. За это время по настояния отца Анатолия на месте пожарища, в котором сгорели мертвецы, поставили большой крест. Александр вначале противился, не понимая смысла.

- Ну, на что тебе такой громадный крест понадобился? – горячился он. - Лучше бы о причале подумал.

- И причал будет, - спокойно отвечал священник, - но крест важнее, вот увидишь.

Изрядно намучившись – из инструментов только топоры – соорудили крест высотой чуть не в пять саженей, установили. Присели отдохнуть. Александр вытер мокрый лоб рукавом, пробурчал:

- И куда такой? Его за версту видно.

- Это и надо, - удовлетворённо улыбнулся священник, - придёт время, спасибо скажешь.

- Ну-ну…

Пролетела неделя, другая. На правой стороне стрелки появилась неуклюжая, грубо сделанная пристань. Построили из брёвен, оставшихся после разбора домов. Хватило и на бревенчатый настил возле воды, это и была пристань, и на ремонт частокола. Теперь от бывшего городка не осталось и следа, только большие квадратные пятна на земле. Отремонтированный частокол служил надёжной защитой от медведей, что бродили по округе чуть не толпами, голодные и злые после зимней спячки.

Далёко, на пределе видимости, появилось белое пятно. Александр заметил первым, позвал отца Анатолия.

- Смотри, парус!

Священник внимательно посмотрел, перекрестился на восток.

- Слава тебе, Господи, услышал мои молитвы, - тихо произнёс он. – Это купеческий струг, - сказал громче, повернувшись к Александру.

- А не рано для купцов? – засомневался тот, - на реке могут быть ледяные заторы, далёко не пройдёшь.

- Кто рано встает, тому Бог подаёт, слышал поговорку? Хороший купец должен первым быть на торге, тогда лучший товар есть и цена высока.

Попутный ветер и течение довольно быстро принесли судно ближе. Команда шустро спустила парус. Струг замер в полусотне шагов от берега. На носу и по правому борту собрались вооружённые люди. Невысокий мужик с ярко-рыжей бородой поднёс руки ко рту, над водой раздался зычный крик:

- Эй, на берегу, вы христиане аль нет?

От такого неожиданного вопроса Александр растерялся, удивлённо посмотрел на отца Анатолия. Тот радостно улыбнулся, махнул рукой за спину, указывая на недавно установленный крест. На струге заработали вёсла, через минуту он остановился возле пристани. Теперь можно было разглядеть, что команда судна невелика, всего семеро. Старший на борту тот самый рыжебородый, это видно по властным жестам и хмурому выражению лица. Борода заносчиво задралась вверх, щёки надулись, раздался сварливый голос:

- Что за люди такие, чего тута делаете?

- Живём мы тута, - с усмешкой ответил Александр, - строимся вот понемногу, от зверей и лихих людей обороняемся, да вот оружия и инструмента у нас маловато, одёжа износилась. Не продашь?

- А что дашь-то взамен, соболиных шкур? Так я ими дома полы устилаю, девать некуда.

Матросы сдержанно заулыбались. Александр заметил, что они удивительно похожи друг на друга, а ещё больше – на рыжебородого.

- Это сыны твои, купец? – спросил он.

- Да, торговые дела ведём всей семьёй – сыновья мне помогают, жена да невестки дома, на хозяйстве остались. А что?

- Да так, ничего, - ответил Александр, внимательно глядя в глаза купца. А глаза у него были грустные и какие-то беспокойные, словно что-то непрестанно грызёт изнутри, не даёт покоя. Конечно, торговля вдали от дома опасна, но здесь другое. И сыновья невеселы, больше напускают на себя. « Дела худо идут, долгов много, распродал всё, что есть и пошёл на авось - или пан

или пропал, - понял Александр, - эта поездка последний шанс поправить дело».

- Так что, купец, продашь товар? Мы заплатим золотом.

Рыжебородый с сомнением посмотрел на волчьи шкуры отца Анатолия, на потрёпанную одежду Александра.

- Я слыхал, тута разбойники шалят, вот на энтом самом месте, где вы живёте. Может, это вы и есть?

- Нет, разбойники обосновались ниже, на острове, можешь проверить. Меня послал великий князь Владимир городок здесь устроить, денег дал, вот на них я и хочу товар купить, - громко сказал Александр. Потом добавил: - Будь другом, отец Анатолий, принеси золотишка.

Священник ушёл. Рыжебородый посмотрел вслед и было видно, что он не поверил ни одному слову Александра, но жадность – а вдруг! – не даёт уйти. Обернулся, что-то тихо сказал. В руках сыновей появились щиты, блеснули остро отточенные топоры. У отца тоже появился меч за поясом. За спиной Александра раздались шаги. Он взглянул на купца. В глазах рыжебородого читается удивление, недоверие и надежда. Шаги тяжёлые, трудные, такие, какие бывают у человека, несущего тяжёлый груз по сыпучему песку. Раздался мерный скрип настила пристани, затем тяжело стукнуло и коротко зазвенело. Неспешно, даже задумчиво, Анатолий принялся развязывать тесёмки. На струге шеи вытянули, глаза выпучили, забыли обо всём на свете, даже дыхание затаили. Александр едва не рассмеялся. Наконец, лыковые верёвочки упали, священник небрежно пнул куль и золото хлынуло жёлтым звенящим ручьём на настил. Монеты, слитки, просто бесформенные кусочки драгоценного металла словно куски скользкого мыла поползли по чёрным доскам пристани и растеклись сверкающей лужей. Воцарилась мёртвая тишина, даже вечно крикливые чайки куда-то исчезли.

Поразила перемене в рыжебородом и его команде. Он побелел, как бумага, под глазами обозначились синие круги, борода опала, затряслась и вроде как намокла. Сыновей словно охватил паралич, у двоих челюсти отвалились до палубы. Александр всерьёз забеспокоился, что их всех сейчас кондрашка хватит, крикнул:

- Эй, купец, проснись, твой струг течением уносит! – и громко хлопнул в ладони.

Рыжебородый опомнился, визгливо заорал на сыновей. Те засуетились, побросали топоры, схватились за вёсла. Через считанные мгновения струг ткнулся носом в опорные сваи пристани, полетел канат, самый молодой и как две капли воды похожий на отца мальчишка обезьяной прыгнул на настил. Петля

на конце каната не успела коснуться досок, как он подхватил и ловко обмотал вокруг брёвна. Вслед за мальчишкой выскочили остальные, в руках охапки штанов, рубах, какие-то неведомые Александру кафтаны и куртки. Отдельно разложили кольчуги, секиры, мечи.

- Ну, вота, - нервно потирая ладони, заговорил рыжебородый, - вота мой товар, выбирай, что хошь, мил человек.

Александр окинул беглым взглядом одежду, оружие, повернулся к купцу.

- Я хочу знать, с кем имею дело, - произнёс он.

- Это да, это конечно, - спохватился купец, - прозывают меня Власий Пирогов, купеческого рода, с города Мурома.

- Ну, а меня Александр Золотая Грива, воевода великого князя Владимира, а это православный священник, отец Анатолий. Вот что, Власий, товар у тебя неплох, но мало этого. Ты получишь от нас весь мешок золота с условием, что вернёшься сюда в самоё ближайшее время, привезёшь доспехов, оружия на две сотни воинов. Лично для меня полный доспех этериота и двуручный меч харалужной стали. Если выполнишь всё, как я сказал, получишь ещё два.

Власий Пирогов дёрнулся, будто шилом кольнули, колени дрогнули. Сиплым голосом произнёс:

- Я, светлый воевода, и слова такого не знаю – этер… этерот… Вон у тебя кольчуга какая, у нашего князя такой нетути и меч невиданный. Доспехов для простых воинов привезу сколько хошь, а за остальное не обессудь.

- Муром стоит на пересечении торговых путей, у вас бывают ромеи, варяги, арабы и Бог знает какие люди. Отыскать можно всё, - возразил Александр, - постарайся, наградой не обижу.

Купец вытер трясущейся рукой мокрый лоб, прерывисто вздохнул.

- Ну, это да, разный люд бывает, поспрошаю…

- Так по рукам?

- Да!

- Лады, грузите золото на струг, а товары отнесите вон к тому домишке, - махнул рукой Александр в сторону частокола, где сохранился маленький домик.

Священник, до этого молча стоявший в стороне, подозвал купца и о чём-то долго разговаривал. Власий согласно тряс головой, потом ударили по рукам и разошлись. Когда струг, подгоняемый тремя парами вёсел, скрылся вдали, Александр спросил священника:

- Как думаешь, за месяц управится Пирогов?

- Раньше, - уверенно ответил Анатолий, - ты ему такой барыш

посулил, что он из кожи вон вылезет, княжескую сокровищницу ограбит, но привезёт всё обещанное.

- А ты сам-то чего ему втолковывал?

- Велел кое-что из церковной утвари привезти, да одежду подобающую. Не в шкуре же волчьей мне службу править.

Прошло две недели. Снег окончательно растаял, солнце сумело забраться в самые укромные уголки и там поселилось тепло. Река очистилась от зимней грязи, вода стала чистой, прозрачной. Александр всё чаще с тревогой посматривал в сторону острова с разбойниками. Когда-то они должны явиться, золото старого атамана не даст покоя. Пришлось даже спать по очереди, чтобы не пропустить внезапного нападения. Но всё было напрасно, разбойники появились совсем не так, как ожидали…

Анатолий штопал старую сеть, Александр помогал распутывать. Полуденное солнце пригрело так, что пришлось раздеться. В тёплой воде мелководья нежится рыбья мелочь, солнечные блики стреляют в глаза, приходится сильно щуриться. Так увлеклись работой, что совсем перестали наблюдать за округой. Тёплый ветерок бросил прядь на глаза, Александр рукой убрал волосы, поднял глаза, взгляд пробежал по противоположному берегу, задержался на тёмной полосе далёкого острова. Тишина, где-то чирикает пичужка и нет гадких чаёк с их противными воплями. Снова сосредоточенно принялся распутывать узлы на старой сетке, но в душе почему-то поселилось странное беспокойство. Ещё раз огляделся – ничего, но чувство тревоги только усилилось. Александр отложил сеть, встал. « Да что такое, - подумал раздражённо, - мерещится, что ли? Так вроде не старик ещё».

- И ты чувствуешь? – прервал размышления голос Анатолия.

- Ага, чувствую, - согласился Александр, и спросил себя тихо-тихо: - А чего я чувствую?

- Что-то горит выше по течению и запах странный, - продолжает говорить священник, - дерево пахнет по-другому. Но что-то знакомое…

« Господи, да ведь гарью пахнет, просто воняет, а я всё гадаю – что ж такое! – со стыдом подумал Александр, - совсем чутьё потерял, скоро начну цветочки собирать, лепесточки разглядывать». Быстро обулся, накинул на голый торс кольчугу без рукавов со стальными наплечниками, одну из тех, что привёз купец Пирогов, пальцы застегнули застёжки пояса с мечом. Бросился было за щитом, но порыв ветра принёс облако чёрного вонючего дыма. Замер на месте, обернулся. Из-за небольшого островка, густо заросшего ивой, течение вынесло большой купеческий струг, за ним второй. На первом судне кипит бой,

другое пылает костром и чёрный дым густо стелется вдоль воды тёмным покрывалом.

- В лодку! – крикнул Александр.

Священник подхватывает секиру, бросается к воде. Оба садятся за вёсла, речная вода закручивается воронками от мощных гребков, лодка несётся против течения, словно гонимая ураганом. Когда до судна остаётся полдюжины шагов, Александр становится на нос. Лодка содрогается от сильного толчка, но он уже на палубе. Видит, что с другого борта зачалено второе судно, низкое, с характерными для морских пиратов обводами. « Викинги! – догадался Александр, - откуда они здесь взялись? А, ладно …»

Несмотря на то, что нападавших больше десятка, бить в спину показалось стыдно. Схватил какое-то полено, швырнул. Раздаётся звон, здоровенный толстяк тяжело оборачивается - шлем на носу, рыжие косы торчат крысиными хвостами, один рог висит на ниточке, второй катится по палубе. Викинг не спеша поднимает руку, ладонь сдвигает шлем, ноги становятся шире, обломок рога жалобно хрустит под сапогом. Громадная секира, красная от крови, приглашающе покачнулась. Драться с тяжеловесом можно, но только если ты быстр и ловок. На палубе, залитой кровью, в которой плавают внутренности и куски мяса, особенно не распрыгаешься. Александр быстро идёт прямо на противника и, когда остаётся буквально рукой подать и топор викинга уже начинает смертоносное падение, прыгает вперёд. Кулак в латной рукавице врезается в круглую, потную рожу, переносица хрустит, как яичная скорлупа. Викинг умирает раньше, чём падает – толстые ноги в кожаных штанах подгибаются, громадное брюхо тяжело опускается и массивная туша валится на спину. Раздаётся глухой удар, слышен треск, струг содрогается, как будто на него прыгнул кабан с вершины утёса. Меч Александра замелькал в горячем воздухе, как крылья ветряной мельницы в ураган. Прежде, чём остальные викинги поняли, что случилось, на палубу один за другим повалилось шестеро, изрубленные на куски. Команда корабля, ободрённая неожиданной помощью, переходит в атаку. Викинги отступили, стали плечом к плечу, закрылись щитами. Отходить им некуда, за спиной вода, к драккару надо пробиваться через строй защитников корабля.

Александр оценивающе смотрит на викингов, бросает взгляд на команду. Всё ранены, доспехов нет, видно застали врасплох, едва держатся на ногах. Викингам, привычным к дракам, надо несколько секунд, чтобы прийти в себя, потом молниеносная атака и всё, струг захвачен. Наклоняется, пальцы крепко

сжимаются на рукояти топора убитого викинга. Выпрямляется в полный рост, делает шаг вперёд. Викинги теснее смыкают щиты, вжимают головы в рогатых шлемах в плечи. Перёд ними витязь, на голову выше и шире в плечах, выпуклая грудь сверкает сталью доспеха, руки покрыты буграми мышц невероятного размера, меч кажется ножиком для заточки лучинок, а тяжелённая секира детским топориком. Золотые волосы водопадом спадают за спину, растекаются по плечам. В синих глазах ни страха, ни сомнения, только обещание скорой смерти. Внезапно раздаётся плеск, стук… За спинами викингов вдруг появляется страшный полуголый человек, в каждой руке по громадному топору, длинные чёрные волосы стоят дыбом, словно гребень чудовища, в глазах ярость, из горла рвётся звериное рычание. Строй викингов ломается, они растерянно оборачиваются, ничего не понимая. Александр бросается в атаку, меч и секира обрушиваются на врагов, Анатолий рубит топорами…

Схватка заканчивается за мгновения – на палубе остаются страшно разрубленные тела, рассечённые шлемы и панцири, обломки мечей и секир викингов. Воцаряется тишина. Александр подходит к группе израненных людей – это всё, что осталось от команды судна – и только сейчас замечает, что перёд ним ромеи. Смуглые лица, карие глаза немного навыкат, знакомые лорики – длинные шарфы и мягкие туфли с завязками до колен; странной привычке носить такую обувь он всегда удивлялся.

- Здравствуйте, господа, - произнёс Александр по-гречески, - сочувствую вашим потерям, но теперь неприятности позади.

Не глядя бросает меч в ножны, секиру кладёт на палубу.

- Приятно слышать родную речь в такой глуши, спасибо за помощь, - ответил один из ромеев. Он старше всех по возрасту, одет богаче и по выражению лица сразу понятно – старший. – Меня зовут Константин, я давно и выгодно занимаюсь торговлей с русскими, они не обижают, но в этот раз нарвались на варягов. Напали неожиданно, один корабль сожгли. Если бы не ваша помощь, несдобровать. С кем имею честь разговаривать?

- Воевода князя Владимира, Александр Золотая Грива. А это отец Анатолий, священник.

Круглые глаза ромеев стали ещё круглее, когда взглянули на «святого отца» - в чёрных кожаных штанах, на плечах клок шкуры чёрного волка, перевитые узлами жил и мускулов руки сложёны на груди, испещрённой шрамами. Грудные мышцы вздуты так, что нательный крест не висит, а лежит параллельно земле. Священник больше похож на свирепого гладиатора, приготовившегося к бою.

- Истинная вера должна уметь защищать себя, - пробормотал

купец Константин, перекрестившись, - и внушать уважение язычникам.

Повернулся к своим, крикнул:

- Перевяжите раны. Кто цел, выбросить трупы за борт!

Команда и без окрика занималась этим. Убитые викинги летят в воду, на палубу льются потоки воды, смывая кровь и внутренности. Александр равнодушно окинул взглядом корабль – из распоротых тюков торчат куски цветной ткани, шкурки соболя, куницы и ещё каких-то зверьков - в общем, всё то, что называется мягким барахлом. Подобная ерунда его не интересовала нисколько, но стоящий в стороне раскрытый сундук привлёк внимание. Это был обычный ящик, доверху набитый опилками. Так ромеи перевозили изделия из драгоценного хрусталя и стёкла, но на этот раз в ящике лежат обычные глиняные кувшины. Что-то показалось знакомым Александру в этих горшках с узким горлом. Он всмотрелся и вспомнил – в такие кувшины разливают «греческий огонь», зажигательную смесь, от которой нет защиты! В узкое горло вставляют тонкий шнур из пакли, пропитанной зажигательным веществом, запечатывают воском и огненная бомба готова. Такие заряды ромейские солдаты применяют при штурме вражеских городов, очень удобно выкуривать противника из каменных построек. Бросил такой горшок в окно и сиди, жди, когда вражеские солдаты один за другим начнут выскакивать из горящего дома. Но откуда такие бомбы здесь, у простого купца, ведь греческий огонь – самый охраняемый секрет империи, вывоз за пределы страны частным лицам строго запрещён, за это казнят без суда. Купец Константин заметил взгляд русского, лицо побелело, сморщилось, он весь как-то усох, сгорбился.

- Чём могу отблагодарить тебя, воевода? – спросил Константин.

- Мне нужно содержимое этого сундука, купец, - показал глазами Александр на кувшины, - для тебя слишком опасно возить его с собой. Я хорошо заплачу золотом.

- То, что в этих кувшинах… - замялся Константин.

- Я знаю, что в кувшинах, - перебил его Александр, - и знаю, как наказывают тех, кто вывозит его за пределы империи - запекают живьём в медном быке. Ты получишь золота столько, сколько весит этот ящик и сможешь плыть дальше. Согласен?

Константин молча посмотрел по сторонам. По речной глади бегут молодые волны, едва заметно раскачивая корабль, ветер треплет остатки паруса, ерошит волосы людям и разгоняет дым от догорающего струга. Друзья и подельники перевязывают друг другу раны, радостно смеются, довольные, что на этот раз всё обошлось. Им не о чём беспокоиться, их не давит груз

ответственности и тревоги. Палуба тихонько качается под ногами, словно напоминает – так же будет раскачиваться телега, на которой тебя, Константин, повезут на казнь. Вот эти самые друзья донесут властям о жидком огне, что ты тайно вывез из империи на Русь и никому не будет интересно, что только для защиты от разбойников, а не для того, чтобы выгодно продать какому нибудь русскому князю. Купец глубоко вздыхает, во взгляде читается такая лютая тоска и злоба на всех и вся, что Александр понял – будь его воля, он бы всех на дно отправил раков кормить: и викингов, и нежданных защитников и спасителей, а особенно своих подельников. Усмехнувшись про себя, Александр говорит:

- Я вижу, ты согласен.

Константин отворачивается, рука как бы сама по себе машет – чёрт с тобой, забирай!

Внезапно тишина, нарушаемая только кряхтением раненых ромеев, обрывается криком:

- Эй, на купце! Живо приготовили золотишко и товар для осмотра! – и тотчас раздаётся довольный хохот десятка мужских глоток.

Александр выходит на корму. Прямо перёд ним на водной глади покачиваются три лодки с разбойниками с острова. На носу средней стоит, подбоченившись, атаман – борода вперёд, шапка на затылке, за матерчатым поясом кинжалы, на перевязи болтается сабля. Широко разевая щербатую пасть, кричит ещё раз:

- Ну так чаво, оглохли, штоля? Могем ухи прочистить и ешшо кой чаво! О, и енарал тута! Слышь, енарал, ты растолкуй купцам, што мы шутить не будем. Понял - нет?

Разбойники ржут, довольные юмором атамана. Их много, больше четырёх десятков и они полностью уверены в победе.

- А, это ты, атаманишка, - фальшиво удивился Александр, - а я думал, это жабы так громко квакают. И воняет от тебя так… С желудком плохо? И друзьяки тебе под стать, такие же вонючие. Кстати, вижу знакомые рожи, что являлись ко мне зимой. Руки-ноги отбил, пока пинками да оплеухами выпроваживал с моего города. Мало было? Сейчас без голов вовсе останетесь.

Кое-кто из разбойников опускает головы, но остальные заорали, потрясая топорами, посмотрели на атамана. Тот багровеет, надувается, правая рука картинно выхватывает саблю, пальцы левой сжимаются на рукояти кинжала.

- Да я… - дальше невозможно разобрать в рёве и пыхтении.

Александр быстро говорит через плечо стоящему за спиной Анатолию:

- Возле мачты в ящике горшки с греческим огнём. Тащи один

сюда, да фитиль запали!

Пальцы касаются прохладной глины горшка с жидким огнём, ладонь жжёт горящий фитиль.

- Всё? – сухо осведомился Александр, - а теперь слушайте меня, придурки. Гребите к берегу, там построиться в две шеренги и ждать меня. А ты, атаманишка, можешь сразу прыгать в воду и топиться, иначе я тебя живьём сожгу.

- Это я тебя сожгу живьём вместе с командой этого струга, - прохрипел в ответ атаман.

Фитиль уже нестерпимо жжёт пальцы, ещё мгновение и адская бомба взорвётся в руке. Не размахиваясь, Александр бросает прямо в голову атаману. Тот с удивлением глядит, как спящий искрами горшок падает на него сверху, небрежно подставляет щит. Горшок взрывается, в воздухе вспухает черно-красное облако и на лодку обрушивается поток огня. Жидкое пламя мгновенно прожигает щит, охватывает атамана с ног до головы, плещется на остальных. Лодка, полная людей, вспыхивает, словно солома с маслом, мгновенно и вся сразу. Люди горящими головнями падают в воду и продолжают гореть, даже ещё сильнее! Они буквально истаивают в огне, сгорая без остатка. Через считанные мгновения от лодки и людей не остаётся ничего, а по речной глади расползается огненное пятно, будто горит сама вода. Люди на остальных лодках словно окаменели. Лица белее мела, в глазах, раскрытых до предела, ужас. Замерли и ромеи, поражённые жестокой и быстрой расправой. В абсолютной тишине громом гремит голос Александра:

- Я сказал, к берегу и там построиться! Мне повторить?

Разбойники в панике хватают вёсла, лодки буквально летят, обгоняя волны.

- Ну что, святой отец, - обратился к Анатолию Александр, - берём ящик и на драккар. Нам тоже пора домой.

Священник только кивнул, не в силах ответить. Ему раньше никогда не приходилось видеть вблизи, как действует секретное оружие империи, жуткое зрелище потрясло.

Днище драккара едва только коснулось песчаной отмели, как десятки рук подхватили, вытащили на берёг. Разбойники, притихшие, понурые, как голодные мыши, отбежали в сторонку, стали серой кучкой, потом заметались, кое-как построились. Александр твёрдыми шагами выходит на середину строя. Оглядел затихших людей в старых, протёртых шкурах, с нелепыми плотницкими топорами за лыковыми поясами.

- Есть среди вас бывшие воины? – спросил он.

- Да, имеются… - раздались в ответ нестройные голоса.

- Хорошо. А кто был старшим дружинником?

- Я! – расталкивая толпу, вышел вперёд тот самый здоровяк, что вязал руки Александра по приказу атамана. – Курнаш меня зовут.

- Ладно, Курнаш. Теперь слушайте внимательно. Вы всё становитесь дружинниками князя. Вы подчиняетесь мне, ваш непосредственный начальник старший дружинник Курнаш. Вы будете получать денежное содержание такое же, как у князя. Курнаш, - обратился Александр к старшему дружиннику, - людей помыть, шкуры сжечь, волосы остричь. Потом у меня получишь одежду, оружие и доспехи, выдашь всём. Вопросы?

- Никак нет! – радостно рявкнул новоиспечённый воевода.

Среди бывших разбойников оказалось немало выходцев из местных племён. Александр приказал отправиться домой, привести работящих мужиков – нужно было строить дома, пристани, сараи под склады, а ещё нужны новые воины и найти их можно только здесь, из местных. Не прошло и недели, как на пустынном берегу закипела работа. Александр платил щедро и топоры стучали день и ночь. К середине лёта на стрелке появился новый город, окружённый деревянной стеной шириной в две сажени. В Новом городе – так стали называть его жители окрестных племён – жили рыбаки, древоделы и воины. Основным источником дохода стала торговля и всё, что с ней связано: склады, постоялые дворы, пристани. Прогуливаясь по вечерам по берегу реки, Александр сам удивлялся, как быстро всё получилось, ведь ещё весной ничего не было! Всё шло хорошо настолько, что неприятности просто обязаны были произойти в самоё ближайшее время.

Тёплым летним вечером в дверь дома, где жил Александр, постучали.

- Входите, - сказал он, ладонь легла на рукоять меча.

Дверь распахивается, в горницу входит стражник, с ним мастеровой мужик. Сильные пальцы мнут шапку, в глазах смущение и страх. Шмыгает носом, утирается рукавом.

- Ну, давай, рассказывай, - тычет его локтем в бок стражник, - хватит пыхтеть.

- Да вот, светлый воевода, мужики стали пропадать у нас. Вчерась были, а седня нету!

- Сбежали?

- Не-ет, ты не обижаешь, деньги даёшь хорошие, зачем бежать-то? Пропали они… Сказывают, пошли ночью до ветра и не вернулись! Пропали значить.

- Может, купались ночью да утонули?

- Не-а, мы работаем с утра до ночи, баловаться с бабами

некогда. Да, чуть не забыл, ещё огонёк был на той стороне, за рекой.

- Огонёк? – задумчиво произнёс Александр. - Какой, большой или маленький, какого цвета?

- Не знаю, он и вчерась светил, и позавчерась. Наверно и сёдни будеть.

- Ну, ступай. Я сам посмотрю.

Мужик вышел, наступая на концы обмоток и спотыкаясь. Александр оделся, застегнул пояс с мечом. Стражник на выходе подал зажжённый факел. С реки потянуло прохладной влагой и Александр пожалел, что не оделся теплее. Тонкая кольчуга поверх полотняной рубашки греет плохо. На берегу видит группу людей, в руках горят факелы. Всё сгрудились в одном месте и что-то внимательно рассматривают. Молчат, некоторые мелко крестятся, тихо бормочут молитвы. Бросилась в глаза высокая фигура в длинном, до земли, чёрном одеянии – отец Анатолий, священник и настоятель городского храма. На звук шагов всё обернулись, разошлись в стороны. Священник прервал молитву, поднял голову.

- Вот, смотри, - сказал он, отступая на шаг, - обнаружили недавно.

Факелы склоняются и в неровном круге света Александр видит изуродованный труп человека. По остаткам одежды можно понять, что это мастеровой. Лица нет, сгрызено, окровавленный череп с клочьями волос на макушке. Ноги и руки объедены до костей, грудная клетка проломлена, сердца нет. В воздухе стоит тяжёлый запах крови и мертвечины. Александр поднял голову, встретился глазами с отцом Анатолием.

- Что скажешь?

- Это не всё, - ответил он, - посмотри ещё сюда.

Из воды торчит толстая дубовая палка, в ней железное кольцо, от него в воду уходит цепь. К таким кольям рыбаки привязывают лодки, чтобы не унесло волной. Александр подошёл, потрогал вершину – пальцы ощутили волокна разбитой кувалдой древесины.

- Вколотили недавно. Ну и что? – спросил он, - какое диво в палке с кольцом и цепью?

- Никто не знает, откуда она взялась. А самоё главное – цепь. Она уходит под воду, какой длины неизвестно, вытащить нельзя и никто из наших кузнецов её не ковал.

Александр взялся за холодные, скользкие железные звенья, дёрнул раз, потом сильнее. Цепь натянулась, слегка приподнялась, но не сдвинулась ни на сантиметр, словно на другом конце к ней прикована гора. Вспомнился

Константинопольский порт. Ромеи, когда не хотели, чтобы иноземные суда плавали проливом, перегораживали толстой цепью. Для изготовления понадобилась гора железной руды, сотня кузнецов. Она получилась такой тяжёлой и длинной, что ни один корабль не мог принять её на борт. Пришлось разделить на части и потом соединять на палубе в корабельной кузнице, опускать в воду. Концы закрепили на громадных воротах. Рабы крутили, цепь поднималась, перекрывая пролив, вертели в обратную сторону и цепь опускалась на дно. Здесь очень похоже, но ни ворота с барабаном для наматывания цепи, ни рабов нет. Да и кому понадобиться перегораживать реку таким трудоёмким и дорогим способом?

- Ну, допустим. А причём здесь он? – кивнул на труп.

- Мужики утверждают, что из воды вышел мертвец, напал на него. Когда они бросились на помощь, мертвец ушёл в воду.

- Что-то новое, - покачал головой Александр, - утопленник что ли? Так они вроде на дне не сидят. Да и не слышал я, чтобы утопленники бродили по берегу и нападали на живых. Чушь какая-то! Ты посмотри, как труп объеден, для этого клыки нужны. Больше на медведя похоже, человек так обгрызть не сумеет, зубы не те.

- Может, ты и прав, но вот цепь… откуда взялась?

- Выясним с утра. Зацепить багром и на лодке вдоль проплыть, всего делов.

За ночь весть о нападении распространилась по всём городу, обросла жуткими подробностями и к приходу Александра на берегу собралась толпа. У всех глаза испуганно вытаращены, рты раскрыты, тишина такая, что если кто неожиданно испортит воздух – без памяти упадут. Подошёл священник, благословил, побрызгал святой водой. Александр удивился – с чего бы, не на битву собрался?

- Предчувствие у меня, - шепнул Анатолий, - хоть и не годиться священнослужителям предчувствиям доверять, но что-то мне не нравится в этой истории.

- Да брось, ерунда всё это, - отмахнулся Александр, - ну цепь, ну убили кого-то… Всё можно объяснить. Мужика медведь загрыз, цепь пьяный кузнец выковал для лодки, лодка утонула, сейчас найдём.

- Едва ли, - в сомнении покачал головой священник, - ты вот правильно сделал, что при оружии и в доспехах.

- Я всегда в доспехах и с мечом. Чтоб народ видел, что власть крепка и всегда рядом. Иначе шалить начнут, придётся кровь пролить самым непонятливым, а я этого не хочу.

- Это верно, но ты всё-таки поосторожней на том берегу, мало

ли чего там.

- Шайка бродяг или ватага кочевников. Разберёмся.

Александр садится ближе к носу, двое берутся за вёсла, один человек с багром. Стальной крюк поддевает цепь, вёсла опускаются на воду, лодка медленно уходит прочь от берега. Ржавые кольца с тихим звоном бегут по железному наконечнику багра. Гребцы работают вёслами осторожно, чтобы не сорвалось. Собравшиеся на берегу ожидали, что цепь вот-вот окончится и тогда всё вздохнут с облегчением, но лодка медленно плывёт дальше и вот уже на середине, а она всё также ползёт по крюку, словно путеводная нить в никуда. Берёг приближается, уже осталось всего ничего и Александр понял, что цепь тянется через всю реку, можно уже не проверять. Ладони сжимают шлем, железная тяжесть покрывает голову, под стальным забралом скрывается лицо. Мир сужается до размера прорези, становится хмурым, враждебным. Александр поворачивается к приближающемуся берегу. Мужики за вёслами заметно бледнеют, спины горбятся, движения становятся быстрыми, лихорадочными.

Берёг надвинулся, как горный хребет – высокий, массивный, уходящий в обе стороны до горизонта. Чтобы увидеть гребень, надо закидывать голову, тогда взгляд упирается в облака, там проходит граница земли и нёба. « Вот где крепость надо строить. Да не деревянную, а каменную, как в Константинополе, в высоту десять саженей, - подумал Александр, - такую никто бы не смог взять. Только когда это будет»? Спрыгнул на мокрый песок. Мужики сидят в лодке нахохленные, глаза бегают туда-сюда, ладони сжимают рукояти топоров, аж пальцы побелели. Тот, что с багром, вдруг затрясся, дрожащим пальцем показал под ноги Александру. Рядом торчит вбитый в землю дубовый кол, такой же, как и на их берегу, последнее звено цепи вдето в кольцо. Вокруг много человеческих следов, натоптано так, словно целая деревня плясала всю ночь. Следы уходят от воды к крутому склону, теряются в кустах. Выше темнеет круглая дыра в земле, вход в пещеру. Очень похоже, что следы ведут именно туда. Александр поправил шлем, ладонь легла на рукоять меча. Повернулся к мужикам.

- Вот что, орлы, сидите здесь. Я скоро вернусь. Если услышите шум, хватайте топоры и бегом ко мне. С шайкой бродяг я и сам справлюсь, но, если что, прикроете спину. Поняли?

Мужики затрясли головами, не в силах вымолвить слово.

- Ну-ну, вижу, со мной бесстрашные герои, - усмехнулся Александр, - от лютой ярости челюсти свело, слово сказать не можете.

Земля заскрежетала под рыцарскими сапогами, берёг стал

удаляться. Ветер последний раз принёс запах воды, мокрой травы, рыбы и затих, словно тоже боится лететь дальше. Несмотря на тяжёлую броню Александр легко поднимается по крутому склону, заросшему травой, низким кустарником и кривыми деревцами. В густой траве ясно видна вытоптанная дорожка, что ведёт от воды к пещере. Подъём заканчивается, Александр выходит на небольшую площадку. Земля утоптана до каменной твёрдости, нигде ни травинки. На противоположном конце чернее дыра в полтора роста человека. Медленно идёт вперёд. Сквозь щели в забрале пробиваются странные запахи – тления, плесени, мертвечины. Из пещеры веет слабый ветерок, словно она дышит. Под ногу попало что-то твёрдое, с хрустом переломилось. Опустил глаза – под рыцарским сапогом, окованном железом со всех сторон, видна человеческая рука, вернее, кости, потому что плоть съедена, остались только высохшие клочки. « Ага, знакомое дело, - подумал Александр, - опять кости, воняет свежей могилой… Оклемалась дура Кунявиха, за старое взялась. И пещерку вырыла приличную, не то, что раньше - избушка на курьих ножках посреди поляны. Вот не помню, спалил я её? Вроде нет». Входит по земляной свод, останавливается, чтобы глаза привыкли к полумраку. С потолка зловеще свисают толстые щупальца корней, переплетаются, острые концы торчат во всё стороны. Над головой словно лес растёт наоборот, вершинами вниз. Промежутки заполнены густой паутиной. От лёгкого дуновения серо-зелёные клочья шевелятся, будто живые. Странно, но дальше в пещере не темно, как должно быть, откуда-то пробивается слабый свет. Александр пригляделся, увидел гнилушки, аккуратно вставленные в стены. Тусклый, неживой свет исходит именно от них.

- Заботливая, - усмехнулся он, - ладно…

Пальцы сжали рукоять меча, отточенная сталь радостно взвизгнула и длинный клинок блеснул в полумраке, словно луч солнца. Взмах, другой – срезанные корни сыпятся на землю, паутина медленно ложится сверху. Лес корней быстро заканчивается, дальше пещера пуста. Кривая линия светящихся гнилушек уходит вглубь. Воздух заметно охолодел, потолок сух, от давящей тишины звенит в ушах. Чувствуется, что над головой неизмеримая толща земли. Слышен треск, от стены отваливается большой кусок глины. Из глыбы с трудом выдирается скелет, становится на ноги. Голый череп медленно поворачивается, горящие багровым огнём глазные впадины останавливаются на человеке.

- Ну, наконец-то, - насмешливо говорит Александр, - а то я прямо заскучал в этом погребе.

Скелет неторопливо шагает навстречу, оступаясь на комьях твёрдой земли.

- Шевелись, мосол недогрызенный! – прикрикнул Александр, - холодно тут стоять.

Его голос громом гремит под сводами пещеры, где-то всполошено хлопают крылья, раздаётся недовольный писк, сыпется сухая земля. Скелет подходит, костлявая рука с остатками сухожилий тянется к лицу. Александр неторопливо убирает меч в ножны, поправляет латную перчатку. Шаг назад и в сторону, молниеносная пощёчина и скелет отлетает к стене. От мощной оплеухи череп идёт трещинами, но не отрывается, как ожидал Александр. Скелет поворачивается жуткой безносой харей к человеку. В глазных впадинах пылает огонь. Встает, шагает навстречу. Снова тупо тянет руки к лицу.

- Мало, да? – спрашивает Александр.

Скелет неожиданно клацает щербатым ртом, в тишине громко звучат сухие щелчки.

- Отвечает! – удивляется Александр. - Ну ладно, разговорчивый…

Перехватывает руку, дёргает вбок, двумя пальцам, брезгливо, поддаёт по лопатке. Скелет разворачивается спиной. Недолго думая, Александр отвешивает мощный пинок в костлявый зад. Скелет подлетает до потолка и кучей костей рушится на пол. Сверху сыпется земля, образуя на костях могильный холмик.

- Мир тебе, придурок, - насмешливо говорит Александр.

Почему-то становится весело. Шагает дальше. Взгляд замечает на гладких стенах следы не то когтей, не то пальцев. Останавливается и в этот момент за спиной раздаётся треск раздираемой земли. Под ноги катятся камни, комья земли, пещера наполняется пылью. Александр отходит вглубь, решив, что это обвал. На душе становится очень нехорошо; не хватало только быть похороненным заживо! В пыльной темноте слышно какое-то движение, щёлканье. Удивительно, но свет от гнилушек не погас, в клубах пыли перемещаются тёмные пятна, это они издают шум. Александр подозрительно вглядывается и у него появляется нехорошее предчувствие – тёмные пятна смахивают на людей! Поднимает забрало. Вспотевшее лицо улавливает слабое дуновение воздуха, это значит, что обвала нет или, по крайней мере, выход не засыпан полностью. Вздохнул с радостным облегчением и тут же сильный удар в спину отбрасывает его к стене. Кто-то или что-то ударило так, что если бы не стальной панцирь, позвоночник переломился бы пополам. Александр разворачивается, выхватывая меч, вслепую бьёт наотмашь. В руку сильно отдаёт, словно попал в дерево. Клинок врубается в

твёрдое, застревает. Раздаётся оглушительный рёв, лёгкие на вдохе наполняются смрадной вонью. Плохо видя в пыли, дёргает меч на себя всём телом. Лезвие неожиданно легко освобождается, Александр кувыркается назад, вскакивает на ноги. Перёд ним стоит рогатое чудовище, то самоё, что когда-то было ведьмой Кунявихой. Голова, лапы, грудь, всё тело покрыто роговыми пластинами, тусклый блеск играет на краях. Морда вытянута вперёд, похожа на бычью, только клыки торчат с боков, не помещаясь в пасти, в горящих красным светом глазах огромные чёрные зрачки вытянуты вверх и вниз, как у змеи. Чудовище шумно выдохнуло, из вывернутых ноздрёй валит серный дым.

- Давно не виделись, Сашенька! – раздаётся хриплый рёв. Из пасти вырываются языки пламени, с потолка сыпется земля, пыль заворачивается в жгуты, уносится прочь. В боку чудовища виден глубокий порез, вытекает густая зелёная жидкость. Это сразу приободрило, Александр насмешливо отвечает:

- А, это ты, подруга… или подруг? Вот никак не разберусь, ты он или она? И ещё: на каких харчах такую рожу разъела, ты ж как таракашка была.

- Всё шутишь, ну-ну… Давно я хотел добраться до тебя, да нельзя было. Не годится трогать курятник, пока цыплята не подросли. Теперь на месте старого поселения появилось новое, людишек развелось полным-полно. Это ты хорошо сделал, будет где повеселиться.

- Бочок не болит? – участливо поинтересовался Александр.

- Царапина заживёт. А вот тебе конец.

- Я жив!

- Это неважно. Ты уже в могиле, вопрос только в том, куда положить труп и как использовать. Обернись!

Осторожно, не теряя из виду чудовище, оборачивается. За спиной, на расстоянии вытянутой руки плотной толпой стоят мертвецы. Молча, неподвижно, словно каменные истуканы, только глазные впадины на обгрызенных лицах светятся темно-красным цветом. « Так вот чего земля сыпалась, дохлая прислуга на работу выходила», - понял Александр. Времени для шуток и рассуждений не осталось. Прыгает вперёд, меч мелькает в пыльном воздухе со скоростью стрижа, спасающегося от ястреба, на землю падают отрубленные головы, руки, рассечённые на части грудные клетки. Воздух и без того тяжёл от запаха тления, а тут и вовсе завоняло невыносимо. На Александра обрушивается град ударов, но доспехи императорского гвардейца, которые привёз всё-таки купец Власий Пирогов, только глухо звенят в ответ. Ориентироваться в сумраке трудно, но поднять забрало не рискнул. В многочисленных сражениях, в которых участвовал,

видел, как случайный удар в лицо решал исход поединка. А здесь один против толпы. Несколько раз цепкие лапы мертвецов хватали за плечи, костлявые пальцы просовывались в щели доспехов на стыках броневых пластин, но всякий раз исчезали, словно обжигались. Отчего такое происходит, разбираться некогда, жжёт и ладно!

Врагов не становится меньше, на место уничтоженных встают новые или старые оживают, не разберёшь! Горячий пот заливает глаза, плохо видно, руки наливаются слабостью, с трудом поднимают отяжелевший меч. Получил несколько мощных ударов в лицо, забрало смялось и теперь вряд ли поднимется, а удары сыпятся со всех сторон, всё чаще и сильнее. Под ногами давно исчезла земля, вместо неё толстый слой мяса и костей, скользко, вязко и неудобно, словно топчешься в болотной жиже. За спиной раздался раздражённый рёв, сильный удар в спину сотряс тело. Быстро (так ему казалось!) оборачивается и словно врезается головой в бревно; что-то чёрное, блестящее на мгновение мелькает перёд глазами и он отлетает к стене, сшибая зазевавшихся мертвецов. От удара застёжки шлема лопаются, забрало отрывается вовсе. С трудом снимает бесполезный кусок металла, железные пальцы в латной перчатке отбрасывают слипшиеся от пота волосы с лица. Перёд ним в мутной пелене стоит гигантская фигура, смутно кого-то напоминающая. Неизвестный взмахивает когтистой лапой, пыльная муть уносится порывом воздуха.

- Как самочувствие, Сашенька? – раздаётся знакомый рёв.

- А, это ты, Кунявиха или Куняв? Как правильно, до сих пор не пойму. Будешь Канавой, согласен? – произносит Александр и слабо машет рукой – как мол, подойдёт?

Чудовище с любопытством смотрит в лицо, в кроваво-красных глазах появляется удивление.

- Ты хорош, такого ещё не было. Эй, тащите его ко мне! – приказывает толпе мертвецов, что сгрудились неподалёку.

Нежить тотчас бросается к лежащему человеку, но с шипением и визгом отскакивает, едва коснувшись доспехов. Александр сразу пользуется возникшей заминкой – несколько мертвецов валятся на землю с отрубленными ногами.

- Да что такое, всё самому надо делать! – раздражённо орёт чудовище. Пинком выбивает меч из ослабевшей руки, жёсткие пальцы с длинными когтями хватают за плечо, но сразу разжимаются, чудовище отскакивает, трясёт пятернёй, будто обожглось. От ладони поднимается пар. Монстр нежно дышит огнём на пальцы, серный дым заполняет пещеру. Пока чудовище по имени Канава обрабатывает рану, Александр поднялся на

ноги, взгляд на мгновение сожалеюще задержался на мече – лежит слишком далёко, мертвецы стоят рядом толпой, схватить не успеет.

- С раной? – участливо спрашивает монстра.

- Что-о!? Я, я сраный!!! – орёт, захлёбываясь слюнями Канава.

- Тю, дурак… не сраный, а с раной. Понял, нет?

- Ну, подожди, лингвист несчастный, я тебе устрою симпозиум по филологии, - злобно рычит Канава, - только сначала почищу. Один твой знакомый на доспехи побрызгал этой …тьфу! ... говорить противно … святой водой. Ещё и перекрестил небось, сволочь… Это не смертельно, но неприятно для моих нежных ручек. Закрой морду!

Едва Александр успел закрыть лицо латными перчатками, как чудовище дохнуло огнём. Вонючее серное пламя охватило на мгновение фигуру человека, исчезло, однако броня всё же успела так хорошо нагреться, что мокрое от пота бельё мгновенно высохло.

- Ну вот, теперь хорош, - удовлетворённо рыкнул Канава, - сам пойдёшь или за шиворот тащить?

- Не трудись, старичок, доберусь самостоятельно. Любопытно посмотреть на твою берлогу.

Шагает в темноту. Мертвецы идут за ним. Один оступается на камне, машет руками. Костлявая лапа мелькает прямо перёд глазами. Александр раздражённо отмахивается, мертвец отлетает, сшибает с ног ещё троих.

- Совсем нюх потеряла дохлятина, обнаглела… - бормочет под нос Александр, - лучше бы меч захватили, ещё пригодится.

Стены постепенно расходятся в стороны, потолок становится выше, вовсе исчезает и Александр оказывается в огромном круглом зале. Каменные колонны поддерживают высокий потолок, стены выложены плоскими камнями и плитами обожжённой глины. Начертаны острым железом странные письмена на незнакомом языке. В щели натыканы факелы вперемежку с гнилушками. У противоположной стены, на постаменте, похожем на надгробие, громадного размера стул на кривых, когтистых ногах.

- Тронный зал в погребе? Как оригинально… - тихо бормочет Александр.

Мертвецы останавливают на полдороге. Канава важно шагает к трону, на плечах колышется оранжевый плащ. Картинно поворачивается, на морде царское спокойствие и высокомерность. Садится. « Откуда-то накидка появилась… В гардеробную по дороге забежал что ли»? – подумал Александр, вслух произносит:

- Неплохо тут у тебя: лётом прохладно, зимой тепло. Хорошо

… репу хранить, капусту квашеную.

- Трепыхаешься, воробушек, ну-ну… - ухмыльнулся Канава. - Снять доспехи!

Тотчас толпа мертвецов кинулась к человеку. По трое-четверо хватают за руки, тянут в разные стороны, остальные виснут на ногах. Распятый таким образом, лишённый возможности пошевелиться, Александр с бессильной злостью наблюдает, как вонючие, костлявые руки рвут застёжки, со скрежетом отдирают броневые пластины. Через пару минут на нём остались только кожаные штаны и порванная в клочья рубаха. Толпа мертвецов с довольным урчанием уходит. Лишённый доспехов, оружия, Александр чувствует себя, словно голый на людной улице. Разозлённый донельзя, подбегает к последнему мертвецу, со всей силой бьёт кованым сапогом. Костлявая задница с треском рассыпается, грудная клетка с черепом, нелепо размахивая руками, улетает в темноту через головы остальных мертвецов. Толпа нежити разворачивается, чёрные впадины глазниц загораются красным.

- Ух ты, какой злой! – удивляется Канава. - Приковать к стене!

Теперь на каждой руке и ноге висит по десять мертвецов. Александр не может даже головой повернуть. В лапах нежити откуда-то появляются цепи, наручные скобы. Слышен звон металла, стук тяжёлых молотов. Холодное железо смыкается на запястьях. Нестерпимо пахнет дохлятиной и ещё чёрт знает чём, просто дышать нечем. От вони кружится голова, в глазах темнеет. Александр зажмуривается, задерживает дыхание. Наконец грохот молотов стихает, мертвецы отступают. Открывает глаза, с шумом выдыхает вонючий воздух. Он распят на стене, на руках висят кандалы, толстые звенья цепей уходят в темноту, заканчиваются сплющенными шляпками вбитых в камень кольев.

- Хорошо, - довольно потирает ладони чудовище. Звук такой, словно пустые жёрнова трутся. – Теперь и поговорить можно. Спокойно, с чувством, с толком, с расстановкой. А вы брысь, вонючки!

Мертвецы складывают доспехи и оружие у трона, торопливо уходят в какую-то тёмную нишу. Звук шагов, бурканье и шуршание стихают, наступает тишина, прерываемая только треском факелов.

- Симпозиум по филологии проведёшь, как обещал? – осведомился Александр.

- Что? А-а, это… То я так, к слову. Симпозиум если и будет, то по теологии.

- С каких пор ты интересуешься сравнительным анализом религий? Тебе-то, - Александр смерил Канаву взглядом, - зачем?

- Затем, зачем и вашему великому князю Владимиру – теперь Василию. Он долго выбирал… И выбрал самую гадкую!

- Чём же?

- Тём, что заставляет людей думать! Этот, что висел на кресте … не хочу называть его имя … подал невиданный раньше пример самопожертвования. Не за близких, любимых и дорогих, что понятно, а за всех! Это от него пошла зараза милосердия, сострадания, любви к ближнему … тьфу! Он отменил жертвоприношения! Всегда богам приносили жертвы и чём богаче жертва, тем сильнее становился бог. А он всё перевернул с ног на голову. Отныне не жертвы угодны, а поступки. До-обрые! Тьфу три раза!!! Всегда выживал сильнейший. Прав тот, у кого больше прав, больше силы, наглости и бесстыдства. Кто смёл, тот и съел – вот закон природы! А этот…

- Погоди, погоди… - перебил Александр, - ты-то чего разорался, тебе не всё равно, кто там во что или в кого верит?

- Мне? Помнишь, ты спросил, на каких харчах я такую ро… фигуру нaел? Посмотри ещё раз!

Чудовище встает в полный рост, грудь вперёд, рога к потолку. Лапы вздуваются каменными шарами мускулов, груд идёт буграми, плоский живот разделён на чёткие квадратики … Перёд человеком стоит гора твёрдых, как железо, мускулов, не чудовище, а воплощение силы и здоровья. А что до крокодильей рожи – ну, не всём же быть красавцами, да и вообще, красавчик-мужчина – это очень подозрительно!

- Кем я был ещё недавно? Жалкой старушонкой, ведьмой Кунявихой! – громом загремел голос. - А сейчас? И только потому, что принял нового бога и хозяина!

- И его внешность…

- Да. И что? Разве вы, люди, не созданы вашим богом по его образу и подобию? Но сравни себя, жалкого червяки, со мной. Именно таким, как я, принадлежит будущее, а вы, жалкие людишки, пойдёте на корм и в прислугу, ха-ха…

Чудовище так кричало в запале, что стены тряслись.

- Слушай, не ори так, а? У меня в ушах звенит и сверху что-то сыплется на голову. Ладно, пусть так. Но объясни мне такую вещь. Вот был ты захудалой лесной ведьмой, сидел в глухом лесу, где одни медведи и барсуки. На кой ляд ты сдался своему новому хозяину?

- Старый мир погряз в вере этого… Христа! – с трудом, скрежеща зубами, будто челюсти судорогой свело, произнёс Канава ненавистное имя, - даже придумали новые. Ну, это мой хозяин постарался, что бы люди по-разному толковали своего Бога, им невдомёк, что Он один, просто понимают Его по-

разному. В здешних лесах тоже живут племена. Так вот, чтобы зараза не прижилась и здесь, мне поручено насадить веру в истинного бога и хозяина сейчас.

- Так ты страшилище, кто тебя слушать станет? – удивился Александр.

- А мне не надо, чтоб меня слушали, - прорычало чудовище в ответ, усаживаясь на трон, - это делают люди. В каждом племени найдётся достаточное количество доверчивых дураков. Пообещай им вечную жизнь… нет, даже не вечную, а длинную и они готовы на всё. А если ещё подбросить золотишка в виде клада – ах, случайно нашёл! – так они и вовсе рабы на всю жизнь. Только подсказывай, что говорить соплеменникам и всё! А есть ещё шаманы всякие, ясновидцы, гадалки, эти… как его … гороскопосоставители … тьфу! ... надо как-то покороче… одним словом, мошенники и жулики всех сортов. Нашептал такому на ушко какую-то мелочь о будущем сидящего напротив придурка, он повторит … придурок аж рот до земли разевает и верит всему, что наврут! Людьми управлять проще простого. Но вот пришёл ваш … дал людям свободу воли. Вернее, напомнил, что дана изначально, и всё стало рушиться. Даже с теми, кто просто считает себя х…х…христианином, - захрипело чудовище, - трудно справиться, а с истинно верующими вовсе невозможно.

- А откуда у тебя столько мертвецов?

- В местных племенах набрал. Мне прислуга нужна, не самому же всё делать? Да и жрать иногда хочется, хотя для еды больше подходят детёныши до десяти лёт… Так, ладно, надоел ты мне, пойду на свежий воздух, погляжу, что делается. А ты постой тут, подумай. Эх, надо бы повыше тебя, чтоб висел, так думается лучше … ладно, не переделывать же.

Чудище картинно разворачивается, грудь колесом, голова прямо, раздаётся громкий топот, раздутая от мускулов спина удаляется.

В пещере наступает тишина, летучие мыши высоко на потолке чуть слышно пищат, где-то тихонько капает вода. Гнилушки светят ровно, тускло и безжизненно, факелы бодро трещат сгорающей смолой, копоть завивается чёрной струйкой, поднимаясь к потолку. Александр завозился, разминая затёкшую спину, руки напряглись, пробуя оковы на прочность. Цепи злорадно звякнули, чуть слышно скрипнули колья, вбитые в камень по шляпки – бесполезно, мёртвая прислуга Канавы постаралась на славу. Вздохнул, глаза пробежали по залу, на мгновение останавливаясь на кривоногом троне, на своём мече, что висит на спинке. Ремни небрежно скручены, ножны в грязи. « Вот влип, - подумал Александр, - ведь знал же, что в одиночку

нельзя ходить, так нет, попёрся! Стой вот теперь и думай, когда из тебя кишки начнут мотать! Странно, всё больше событий происходит вокруг простого вопроса – в какого бога людям верить? Жила себе в лесной избушке ведьма-старушка. Жила, людям помаленьку вредила, пакостила и вот на тебе – в чудо-юдо превратилась! Как зовут её нового бога понятно. Он не обманывает, его дарами можно пользоваться прямо сейчас. Но давай посмотрим на это иначе.

Итак, что даёт вера в дьявола? Силу, новые возможности, бессмертие или очень долгую жизнь и, наверное, ещё многое другое, чего я не знаю. Но всё это только с одной целью – творить зло! Выбора нет и нет остановки, надо беспрерывно идти вниз, по нисходящей, чём больше зла ты делаешь, тем ближе ко дну. А на дне дьявол! Но ведь человек не может беспрерывно творить зло. Даже у самых закоренелых негодяев есть жалость. Я видел садистов и людоедов, которым задушить беременную женщину, что муху прихлопнуть, но они умиляются, глядя на играющих котят, прямо слёзы капают. Значит, чтобы стать настоящим слугой дьявола, надо перестать быть человеком! Не внешне, а внутренне. Вот почему говорят – продал душу дьяволу. Человеческая оболочка, лишённая главного, души, становится просто инструментом в руках дьявола. Сам он, будучи бесплотен, в мире людей ничего сделать не может, ему нужны инструменты. Как хороший хозяин бережёт инструмент, чистит, смазывает, точит и чего там ещё, не знаю… так и дьявол заботится о своём имуществе – даёт телесное здоровье, золото, удачу в делах (именно удачу, успеха надо добиваться самому). За это требует одного – творить зло.

А что даёт Бог? Он отдал на смерть единственного сына, чтобы показать путь к истине. Он не требует подношений и жертв. Он хочет, чтобы люди любили друг друга. Казалось бы, всё ясно и понятно, разжёвано и в рот положено, ну что может быть проще, так нет же, люди всё делают наоборот! Воруют, убивают, лодырничают, предаются всевозможным излишествам, а потом – наглость какая! – просят у Бога помощи. Нет, всё-таки правильно, что в священных книгах людей называют паствой, а священнослужителей пастырями. Пасти надо их, как овец. И козлы нужны, за которыми стадо идёт, и собаки, чтобы не разбежалось, а главное – палка, дабы вразумлять непонятливых … баранов! Почему великий Рим, центр вселённой, принял новую веру? Зачем она ему, он и так достиг наивысшего могущества, даже лопнул на две части, не выдержав собственной мощи. Значит, люди понимали, что помимо силы и золота должен быть нравственный стержень в душе, в народе, вокруг которого

концентрируется общество, превращается в государство, а потом в империю. Но в западном Риме это понимали, скажем так, не совсем, потому он пал, а восточный Рим жив до сих пор и падать вовсе не собирается. Всё-таки прав князь Владимир, когда выбрал православие, веру восточных ромеев и насаждает на Русской земле, где по согласию, а где и мечом. Дети малые тоже не понимают, зачем отец с матерью заставляют пить горькое лекарство от болезни. Понимают, только когда сами становятся родителями. Прав был отец Анатолий, когда вразумлял, а я ерепенился, умничал. Теперь вот, висю … или вишу? … чёрт, какая разница! Болтаюсь, как колбаса на верёвочке, жду, когда на куски начнут резать».

От злости на самого себя аж в глазах потемнело, показалось, что факелы потухли. Тянет руки на себя, грудь, плечи твердеют буграми каменных мышц, руки вздуваются, словно обожравшиеся удавы. Края кандалов больно впиваются в кожу, кисти трещат, вот-вот оторвутся. Сквозь колокольный звон в ушах слышен хруст, то ли жилы рвутся, то ли камень крошится, неохотно отпуская добычу. Александр обессилено прислоняется к прохладной стене, по спине льются потоки горячего пота, грудь ходуном ходит, заталкивая в лёгкие воздух. В голове звон, в глазах плавают белые огоньки. Отдышавшись, чувствует, что руки вроде висят ниже или цепи растянулись, или колья всё-таки немного вылезли. По спине ползёт липкая жижа и он вдруг понимает, что стена вовсе не каменная, как показалось вначале. Это глина, высушенная, обожжённая глина! Она только на поверхности кажется твёрдой, как камень, внутри хрупкая. Перехватывает удлинившиеся цепи, пальцы сжимаются в кулак. Тянет на себя, отпускает, снова тянет… Железные колья начинают шататься, из щелей сыпется песок, размолотая глина. Дёргает ещё и ещё. Наконец правый кол с хрустом выворачивает кусок глины размером с лошадиную голову, грохот разносится по всему залу, недовольно пищат летучие мыши на потолке.

Александр замирает - сейчас на шум сбежится всё нечисть, что обитает здесь! Но проходит мгновение, другое – ничего, только мыши продолжают возню и писк. Осторожно тянет цепь, сильнее и вот длинный, полуметровый кол нехотя выползает из дыры, рушится на землю в клубах пыли. Хватается обеими руками за второй, выдирает с хряском, словно старый, больной зуб. Бросается к трону Канавы, пальцы сжимают рукоять меча, острый, как бритва, клинок с торжествующим визгом выпрыгивает из ножен. Отполированная поверхность отражает свет факелов, по потолку и стенам мечутся быстрые огоньки. Александр кладёт руку на подлокотник, конец меча упирает в спинку трона. Лезвие

опускается на железный браслет. Согнутая вокруг кисти пластина некаленого металла медленно, с трудом, но поддаётся нажиму харалужной стали. Давит раз, другой, спинка трона трещит, из порезов лезет какая-то шерсть или вата, не поймёшь.

Последнее усилие и кусок железа летит в темноту, под меч ложится вторая цепь. Снова раздаётся скрежет металла, треск распарываемой спинки трона, трещит подлокотник, грозя развалиться на части. Разрезанный браслет валится на сиденье, цепь падает, подлокотник не выдерживает, разлетается в щепки. Александр шумно выдыхает воздух, торжествующе оглядывается. В глаза бросается куча железа под стеной, какое-то тряпьё. « Это ж мои доспехи!» - чуть было не заорал он, но спохватился, молча кинулся надевать. Мертвецы добросовестно сложили всё в одно место, накрыли его же рубахой. « Ну, молодцы, дохленькие, молодцы, - приговаривал он про себя, - старались для хозяина, а получилось для меня. Если б помог кто застёжки пристегнуть, то вовсе хорошо было бы»! Доспехи, сильно помятые и кое-где разрубленные, прилаживались с трудом, самые изуродованные пришлось бросить. Особенно жалко оставлять шлем, но его просто невозможно было надеть, так сильно изрубили. Когда последняя броневая пластина со щелчком стала на место, Александр хлопнул себя по железным бокам, налитые яростью голубые глаза пробежали по залу.

- Вот теперь я поговорю с тобой, морда крокодилья, - громко произнёс он. - Хрен ты меня так легко возьмёшь в этот раз!

Из глубины пещеры донеслись далёкие крики, звон оружия, потянуло омерзительным запахом горелой плоти. Александр идёт навстречу шуму, мимо плывут равнодушные светящиеся гнилушки, пламя факелов нервно дёргается, с треском пожирая пучки смолистых веток. Шум усиливается, ход сворачивает, Александр выходит на край полукруглой площадки. На противоположной стороне идёт яростная схватка нескольких десятков мертвецов с кучкой людей. Впереди воин в чёрном одеянии, золотой крест сверкает на груди - отец Анатолий. В каждой руке по топору, широкие лезвия мелькают тусклыми молниями, при каждом ударе летят клочья мяса, разваливается на части череп или грудная клетка врага. За его спиной с десяток воинов мечами и секирами отбивают атаки нежити. Люди медленно отступают под натиском мёртвых, из стен, пола появляется новая нежить, в руках ржавые топоры и дубины. Не задумываясь, бросается в бой. Меч рассекает воздух, сыпет искрами, разрубая железо. На землю падают головы, руки, ноги, валятся разрезанные на куски туловища. Клинок мелькает так быстро, что стороннему наблюдателю показалось бы, что у воина

в помятых доспехах оружия нет вовсе. Получив неожиданную поддержку, с другой стороны нажали, мечи и секиры замелькали чаще. Вскоре проход оказался завален трупами от стены до стены. Священник с трудом перебрался через завал, мешает большая котомка за плечами. Тёмные глаза пробежали по сторонам, взгляд останавливается на лице Александра.

- Ты жив?

- Конечно! А ты решил, что я уже стал таким, как эти?

- Всяко бывает, - вздохнул Анатолий. - Тут непростая нечисть обитает.

- Да, и довольно много, - согласился Александр. – Смотри-ка! – воскликнул.

Сорвал факел со стены, опустил к земле. Пламя осветило груду изуродованных, страшно разрубленных тел высотой до пояса. В этом месиве дёргаются руки, ноги, части тел медленно сползаются, соединяясь в целое. Некоторые уже успели срастись, пытаются встать, но лежащие сверху не дают.

- Оживают, что ли?

- Да, источник их жизни ещё не уничтожен. Но саму нежить извести можно.

Анатолий осторожно снимает заплечный мешок, внутри что-то тихо звякает. Отходит в сторону, обращается к воинам, что остались на той стороне:

- Всё, ребята, спасибо за помощь. Теперь уходите, дальше мы сами справимся! А ты брось-ка пару факелов на кучу и отойди.

Факелы летят на завал из трупов, Александр отступает. Священник достаёт из мешка знакомые кувшины с ромейским жидким огнём. С шипением и треском загораются фитили, глиняные ёмкости с адской смесью летят на кучу оживающей нежити.

- Уходим! – крикнул священник.

Они успели отбежать только на полтора десятка шагов, как за спиной страшно ухнуло, раскалённый воздух пнул в спины так, что едва не покатились по земле. Александр почувствовал едкий запах палёной шерсти – прихватило огнём волосы на затылке. Прикрываясь ладонью в латной перчатке, оглядывается – за спиной бушует пламя, чёрный дым стелется по земле, постепенно заполняя проход. Ещё немного и нечем будет дышать. Пригнувшись, Александр бежит вслед за священником, стена дыма ползёт за ним. Пламя пожара скрывается за поворотом, ещё немного и оба оказываются в тронном зале. В разгорячённые лица приятно веет слабым ветерком из другого выхода, дым нехотя отступает.

- А-а, так вы с другой стороны зашли? – только сейчас

понимает Александр, - а я думаю, откуда поворот, вроде не было.

- Ты дрался, думать было некогда, - усмехнулся священник. – Это трон чудища? Кто его разломал? – спросил он.

Александр махнул рукой.

- Да я… Хотел кандалы снять, вот и поломал.

Отец Анатолий внимательно смотрит на изуродованный трон, на валяющиеся рядом кандалы, взгляд останавливается на хмуром лице Александра. Некоторое время молчит, затем пожимает плечами.

- Да, неплохо устроилась бывшая лесная ведьма, - произнёс Александр, оглядывая просторную пещеру. Факелы горят ровно, освещая гладкие стены, пол, конический потолок теряется в мрачной высоте. В квадратных нишах темнеют громады дубовых сундуков, ящиков, окованных по углам железом. Видно, что крышки тяжёлые, толстые, обычному человеку и не поднять. Поверхность стен разрисована странными и страшными рисунками, изображающими какие-то сражения, казни, сцены жизни непонятных существ. Рисунки сопровождаются текстами на неизвестном языке, исписаны всё свободные от рисунков места, часть написанного теряется в тёмной высоте.

- Что за надписи? – спросил Александр.

- Нечестивое Писание, Евангелие от дьявола, - ответил священник. - Заклинания для вызова демонов потустороннего мира.

- Письмена уходят вверх. Только великан прочтёт.

- Или тот, кто умеет летать.

- Что? – не понял Александр.

В этот момент далёко-далёко, на грани слышимости, раздались частые бухающие шаги. Священник повернулся на звук, осенил себя крестом.

- Вот идёт тот, для кого эти письмена начертаны, - произнёс он. - Приготовься, Золотая Грива.

Александр знал, с каким противником предстоит сразиться, поэтому отступает за массивный трон. Меч с тихим шелестом выползает из ножен. Священник опускается на колени, под сводами мрачной пещеры слышатся слова знакомой молитвы:

- Да воскреснет Бог и расточатся враги его…

Александр с беспокойством вслушивается в приближающиеся шаги, посматривает на священника. С удивлением замечает, как согнутая в поклоне фигура словно наливается светом. Забыв о приближающемся чудовище, всматривается в стоящего на коленях отца Анатолия и не верит своим глазам – от него действительно исходит слабое сияние! Нервно оглядывается на чёрный вход, откуда вот-вот появится монстр, торопливо

крестится, его голос тоже звучит, повторяя слова молитвы. Ещё не успели стихнуть последние слова, как за спиной раздаётся торжествующий рёв:

- А-а!!! Обе птички в клетке! Это мне и нужно было. Я знал, что этот святоша не оставит друга в беде, прибежит спасать. Уже исповедуете друг друга? Зря, не поможет. Вашими жалкими душами займутся не простые бесы, а настоящие мастера. Вывернут наизнанку, вытряхнут всё и снова свёрнут. Мало не покажется!

Священник неторопливо поднимается с колен, подчёркнуто спокойно стряхивает пыль. Рука тянется к мешку, появляется склянка с прозрачной жидкостью. Святой отец брызгает на себя, на секиры, что лежат рядом. Поворачивается к Александру, щедро поливает и его, и меч. Канава с ухмылкой наблюдает. Стоит, загораживая выход, когтистые лапы сложёны на груди, ноги расставлены на ширину плеч, чёрные глаза без зрачков горят красным, изогнутые рога упираются в потолок. Рыжие блики от факелов играют на чешуе, костяных пластинах. Из полуоткрытой пасти капает зелёная слюна, вырываются клубы вонючего серного дыма.

- Хватит копаться, поп Анатолий, - презрительно говорит Канава, - соборовались, подмылись … Воняет от вас гадко и цвет подозрительный, но ничего, отмоюсь в свежей крови.

Внезапно священник оборачивается к чудовищу. Бросок, склянка врезается Канаве точно между глаз, осколки ледяными брызгами разлетаются во всё стороны. По морде текут прозрачные потоки, проливаются на грудь, руки. Вода громко шипит, исчезает, на её месте появляются волдыри, брызгающие кровью язвы, плоть расползается, кожа и мясо отваливаются кусками. Вмиг звериная морда покрывается страшными язвами, чернеет, как головешка. Чудовище с воплем шарахается, лапы закрывают глаза. Под ногами оказывается сундук, доски с хрустом разлетаются в щепки. Из огромной дыры потоком вываливаются золотые слитки, драгоценные камни и прочие безделушки. Чудовище падает на спину, словно подрубленное дерево, с потолка, стен падают куски глины, пыль. Анатолий, воспользовавшись паузой, туже затягивает пояс, обе секиры оказываются в руках, становится рядом с Александром. Наступает тишина, чудовище лежит неподвижно, будто мёртвое.

- Всё что ли? Не может быть! – удивлённо произносит Александр.

- Ты прав, это ещё не всё! – раздаётся рык.

Монстр тяжело поднимается на ноги, делает шаг навстречу. Пламя факелов освещает то, что осталось от лица; страшная,

нечеловеческая маска, кожи нет, бугристая кость, словно изгрызенная кислотой, в чёрных впадинах глаз кроваво-красная пелена. От головы остался череп, серый дым поднимается там, где ещё не высохла святая вода. По груди и рукам расползаются трещины, из которых выползает, словно квашня, красное мясо, лопнувшая кожа висит клочьями. Канава поднимает руки, голова запрокидывается, из пасти вырывается жуткий вой, переходящий в истошный визг. Вопль продолжается несколько секунд, неожиданно обрывается на самой высокой ноте. На мгновение наступает тишина, затем из чёрной мглы, что клубится на потолке зала, раздаётся ответный вопль и в ту же минуту из тьмы вываливаются странные крылатые существа. Их много, буквально сотни, воздух наполняется хлопаньем крыльев, визгом, щёлканьем зубов. Тяжёлый запах обрушивается на людей, заставляя отшатнуться и зажать носы. У крылатых чудищ длинные хвосты с расширением на конце, когтистые лапы наподобие птичьих, огромные красные глаза, уши, как рваные лопухи. Лица плоские, носы с вывернутыми ноздрями, из жабьего рта торчат клыки. Под крыльями у неведомых тварей болтаются короткие трёхпалые руки. Существа летят по кругу, постепенно снижаясь. Рогатое чудовище выходит на середину, за спиной разворачиваются кожистые крылья, словно у гигантской летучей мыши. Взмах, другой и Канава зависает в воздухе в середине хоровода неведомых тварей. Александр удивлённо наблюдает за всём происходящим. Оглядывается на священника. Тот совершенно спокоен, как будто видит подобное не впервые. Показывает большой палец – порядок, мол, прорвёмся. Александр кивает, пожимает плечами – да запросто, одной левой раскидаю. Однако на душе холодно и тревожно, и нет никакой уверенности, что выберутся и на этот раз.

Тём временем кружение летучих тварей прекращается, они опускаются на землю вокруг людей. Становится не по себе от сотен горящих злобой глаз, разевающихся ртов с множеством зубов, беспрестанного урчания и повизгивания. С потолка раздаётся мощное хлопанье крыльев, слышится ревущий голос:

- Убейте их!

Твари кидаются в атаку, но ещё быстрее навстречу бросаются люди. Два топора и меч секут чудовищ со скоростью молний. Воздух трещит и разваливается на куски от непрерывных ударов, разрубленные твари сыпятся на землю осенним листопадом в ураган. Александр несколько раз чувствовал, как острые когти царапали панцирь, вырвали клок волос с незащищённой головы. Он вертелся во всё стороны, везде успевая ударить мечом или просто кулаком в железной перчатке. После каждого удара убитая

тварь отлетала в сторону или валилась на землю двумя кусками, если угодила под клинок. Нечисти не убывало. Всё новые и новые гады вылезали из стен, из земли, падали сверху. Казалось, этому не будет конца, но в какой-то момент Александр почувствовал, что натиск ослабевает. Ещё несколько взмахов мечом и пространство очистилось. Нежить отступает в полумрак, так чтобы свет факелов не падал на неё. Видно, и такое освещение не нравится. Чёрный от крови меч опускается к земле, грудь ходит ходуном, загоняя как можно больше воздуха в лёгкие. Александр поднимает руку вытереть пот со лба. Взгляд случайно останавливается на латной перчатке, поднимается выше – всё покрыто слизью, жижей, кусочками какой-то студенистой дряни. Стальных пластин, укрывающих руку от кисти до плеча, почти не видно под слоем останков летучих тварей. Грудь и ноги тоже покрыты этой гадостью. Рука поспешно опускается, Александр нервно встряхивается, словно пёс после купания. Вонючая дрянь осыпается, но не вся.

- Брось, потом отмоемся, - слышится спокойный голос священника.

Он стоит рядом, громадные топоры упираются в землю, ряса висит клочьями, сквозь огромные дыры и прорехи блестит кольчуга.

- А-а, на Бога надейся, а сам не плошай! – улыбнулся Александр, кивая на кольчугу.

- Богу дураки не нужны, он любит деятельных, а не беспомощных, - ответил священник.

Убитые твари покрывают землю вокруг на длину копья. Люди стоят по колено в жутком месиве мяса, костей и внутренностей неведомых существ. Над головами раздаётся хлопанье, воздух приходит в движение. Перёд людьми медленно опускается крылатое чудовище. Кожистые крылья взмахивают последний раз, складываются за спиной в безобразный горб.

- Неплохо поучили моих слуг, избавили от дураков и слабаков, остались умные, - кивнул в темноту Канава, где прячутся остатки войска. - А теперь я с вами побеседую!

Жуткая пасть распахивается, из чёрной глотки вырывается струя остро пахнущей жижи, расцветающая на конце дымным пламенем. Языки огня тянутся к людям. Александр мгновенно уходит в сторону кувырком. Получилось неуклюже; мешает толстый слой трупов. Но уйти от огня удалось. Вскакивает на ноги, видит такое, что расскажи кто раньше – не поверил бы: темно-красный столб огня и дыма тянется через зал от пасти чудовища и упирается прямо в лицо священника, но человек не горит! Огонь обходит сторонами и бессильно гаснет за спиной.

Пламя вырывается из пасти чудовища ещё несколько секунд, гаснет. Монстр стоит, тяжело дыша разинутым ртом, из горла вырывается хрип. В немигающих глазах удивление пополам со страхом. Не теряя ни секунды, Александр хватает полуживую летучую тварь, что ползает под ногами, пытаясь спастись от страшного человека. Железные пальцы сжимают в комок переломанные крылья, трёхпалые руки слабо трепыхаются, раздаётся придушенный писк. Бросок, изуродованное тело влетает прямо в пасть чудовищу. Монстр давится, глаза лезут на узенький лобик, лапы безуспешно скребут по челюсти, но тварь застревает на клыках. Вдобавок она начинает бешено трепыхаться, ещё больше ухудшая положение. Александр прыгает навстречу, едва не падая в склизкую дрянь. Изо всей силы бьёт остриём в бок чудовища. Лезвие входит на вершок, в руку отдаёт так, словно в бревно ткнул. С трудом выдёргивает, бьёт ещё и ещё. С другой стороны появляется священник, сверкает топор, трещат рвущиеся сухожилия на ноге чудовища. Отец Анатолий рубит колено монстра, как сухое дерево. Канава валится на спину, задыхаясь от боли и нехватки воздуха – ему никак не удаётся достать существо, что застряло в глотке.

Александр перехватывает меч обеими руками, вонзает в брюхо чудовища, как простой кол и проворачивает туда-сюда. От дикой боли монстр содрогается, из глотки вырывается вопль, летят клочья мяса, крыльев, пробкой вылетает изжёванное тело летучей твари. Взмах когтистой лапы и оба человека летят в темноту. Убились бы, но как раз в этом месте, на счастье, сгрудились оставшиеся в живых слуги Канавы. Два тяжёлых тела, в железе, сметают нечисть в кучку, давят в кисель. Александр крепко треснулся затылком об угол сундука, аж искры из глаз посыпались, в голове помутилось. Священник сразу вскакивает на ноги, а он с трудом поднимается, упираясь руками в крышку сундука. Тяжело дыша, монстр встает. Глаза горят огнём бешенства, когтистые пальцы правой руки давят спинку трона так, что опилки сыпятся мелким дождиком, левая скребёт стену и камешки с сухим треском летят во всё стороны. Рогатая морда наклоняется, челюсти сухо щёлкают сотней длинных клыков. Чудище делает шаг, другой, изуродованная топором священника нога подламывается. С глухим стоном Канава падает на бок, прямо на заплечный мешок, оставленный отцом Анатолием. Под холстиной едва слышно хрустит, в тяжёлом, пахнущем кровью и внутренностями, воздухе появляется новый, странно знакомый, запах.

- Факел! – хрипит священник, не отрывая взгляда от чудовища. - Факел быстрее мне!

Для чего священнику факел Александр не понял, но послушно срывает со стены горящую палку. Отец Анатолий не глядя хватает, факел летит к ногам чудовища, описывая дымный полукруг. Падает, по инерции катится, замирает точно на смятой холстине. Канава непонимающе смотрит, презрительно хмыкает. В ту же секунду из земли вырастает огненное облако, поглощая его с головой. Столб пламени тянется вверх, освещая конусообразный потолок. В ярком свете хорошо видны странные картины, барельефы и чёрные дыры, из которых вылезла крылатая нечисть. Объятое пламенем чудовище дико ревёт, мечется по залу, натыкаясь на стены, сундуки. Трон разлетается в щепки от мощного удара рогатой головой, горящая фигура падает, снова вскакивает, валится, споткнувшись о сундук. Крышка с треском отлетает, ящик рассыпается, словно карточный домик. Куча золота разливается громадной жёлтой лужей. Опять звук удара, треск и новое золотое озеро появляется в пещере.

Священник и Александр отходят подальше. В воздухе гадостно воняет палёным, удушливый дым заползает в лёгкие. Отец Анатолий зажимает рот обрывком рясы, Александр закрывает лицо волосами.

- Я думал, мешок пуст, - крикнул он, заглушая треск и вопли, - почему сразу не забрал?

- Не до этого было, - крикнул в ответ священник, - эти летучие помешали.

- А если бы он не упал на него?

- Бог не допустил!

Александр покачал головой.

Тём временем вопли и стоны затихли, чудовище уже не мечется, а ползает по пещере, каждый раз утыкаясь рогами в стены. Из сожжённой груди вырываются хрипы, лапы обгорели до костей, спина просвечивает чёрными рёбрами. Канава из последних сил пытается встать. Получается только на колени. Дымящаяся рука с трудом поднимается, сустав с треском обламывается, кисть и предплечье падают. Обрубок беспомощно дёргается, рогатая голова клонится к земле. Из глазных впадин вываливается два уголька – сгоревшие глаза. Нижняя челюсть отпадает…

- Идём отсюда, воняет – терпежу нет, - брезгливо говорит священник.

- Пойдём, - устало соглашается Александр.

Оставшаяся нечисть с визгом шарахается от двух страшных людей, без памяти бросается на стены, скребёт когтями, пытаясь забраться повыше. Раздаётся хлопанье крыльев, суматошные крики, шипение. Не обращая внимания на суету, оба идут к

выходу.

Берёг встречает речной прохладой, свежим ветром и солнцем. Мягкая трава стелется под ноги так старательно, что подошвы скользят. Александр торопливо сдирает заляпанные кровью доспехи, на песок летит перевязь с мечом, мокрые от пота рубаха и штаны. С разбега прыгает в воду, горстями захватывает чистый песок, ожесточённо трёт всё тело, стремясь побыстрее избавиться от омерзительной грязи и остатков подземных тварей. Отец Анатолий, после короткого раздумья, делает то же самоё. Через несколько минут оба греются на солнышке, рядом сушится мокрая одежда.

- Ну вот, уничтожен очередной слуга сатаны, - удовлетворённо произносит священник.

- А есть ещё?

- Полно. Жизни не хватить всех перебить.

- Почему так много людей идут в услужении нечисти? – удивляется Александр. - За какие такие посулы? Или нравится быть страшилищами?

- Нет, большинство сохраняет ту внешность, которую имеют. Кардинально меняется личина только у тех, что окончательно пропал, остальные… в общем, внимательно смотри в глаза и поймёшь. А посулы …тут всё просто. Дьявол даёт всё и сразу, в зависимости от заслуг, разумеется – золото, положение в обществе, славу и самоё главное – власть. Это высоко ценится людьми, ставящими на первое место удовлетворение телесных потребностей. Таким не объяснишь, что вкус хлеба не меняется от материала, из которого изготовлена посуда, никто не может занимать сразу весь дворец целиком и что даже самого страшного тирана всё равно убьёт тот, кто больше всех клянётся в верности. А самоё главное – всё это ненадолго, на миг. Спроси любого старика, жил ли он? Скажет, нет, я жизни и не видел.

- А если рогатый даст бессмертие?

- В материальном мире бессмертия нет и быть не может. Всё материальное имеет начало и конец и дьявол прекрасно это знает. Именно поэтому он бесплотен, не живёт среди людей, творит злые дела только руками других. Его сущность – ложь. Он всегда врёт, всегда предаёт тех, кто верит в него. А долгая жизнь в человеческом теле … так ли уж она хороша?

- Но другой мы не знаем!

- Нет, люди знают о другой жизни. И ты знаешь. Другое дело, что не верят или не до конца верят, потому что её надо заслужить, а трудиться никто не любит. Особенно над собой.

Ветер приносит далёкий шум, крики. Александр поднял глаза. На другом берегу суетятся люди, бегают туда-сюда,

размахивают оружием.

- Куда это они? – удивился он.

- Нам на помощь, - буркнул священник, - как раз вовремя … Как ты думаешь, воевода, какая казнь самая лютая? – неожиданно спросил Анатолий.

- Ну … вопросы у тебя! – изумился Александр. Рука поднялась к затылку, пальцы взъерошили волосы. – Наверно, запечь на медленном огне в медном быке? Или живьём отдать на съедение диким зверям? Сварить в кипящем масле?

- Представь себе, то самоё бессмертие, о котором так всё пекутся.

- Не может быть! – воскликнул Александр. Даже вскочил на ноги, замахал руками. – Ни за что не поверю, что бессмертие самая лютая казнь. Не может такого быть!!!

- Именно так, воевода. Казнь бессмертием настолько жестока, что известен только один случай такого наказания, - улыбаясь, ответил священник, - если хочешь, могу рассказать. Нам всё равно ждать лодку с того берега.

- Рассказывай! – согласился Александр.

«Дорога на Гору длинна, а для измученного, усталого Человека и вовсе кажется нескончаемой. Палящее солнце накалило мостовую, каменные стены домов исходят жаром. Узкая улочка, ведущая к горе, превратилась в бесконечное жерло раскалённой печи. Камни жестоко жгут голые ступни. Тяжёлый деревянный крест давит, не даёт дышать. Каждое неловкое движение головой превращается в пытку - колючие ветви терновника, издевательски обёрнутые вокруг на манер лаврового венка, впиваются до кости. Кровь течет по лицу, смешиваясь с потом, заливает глаза, стекает дальше. Большие, мутные капли падают на плоские камни, мгновенно испаряются, оставляя после себя коричневые пятна.

Дорога ползёт вверх. Поделена на части, одна отделяется от другой двойной каменной кладкой. Тяжко даётся каждый шаг, но ещё труднее подниматься по таким ступеням. Силы оставляют приговорённого к казни. Стража замечает и, что бы самим не тащить полумёртвого Человека и его тяжелённый крест, разрешает короткий отдых. Плохо видя сквозь кровавую пелену пота, почти не различая окружающее, Человек делает несколько шагов к стене ближайшего дома, в тень. Тяжёлый крест нехотя сползает по мокрой от пота спине, ударяется о камень. Последнее усилие, дрожащие от усталости ноги трудно распрямляются, крест упирается в стену. Теперь можно отдохнуть. Отворяется дверь, выходит хозяин дома. Услышал удар в стену и решил посмотреть, в чём дело.

- Добрый человек, не можешь ли ты дать немного воды? - просит Тот, Которого Ведут На Казнь.

Хозяин дома внимательно смотрит - взгляд на мгновение задерживается на терновом венке - на крест, на солдат, что расположились неподалёку.

- Нет, я не дам ничего вероотступнику и бунтовщику! - громко, чтобы всё слышали, произносит хозяин дома, - я не привечаю преступников.

На изнеможденном лице Человека не отразилось ничего, ни гнев, ни разочарование. Некоторое время смотрит добрыми глазами на хозяина дома. Тот, гордо выпрямившись, поглядывает по сторонам на собравшихся людей, особенно на солдат - вот, мол, я какой, власти уважаю и законы исполняю, не то, что некоторые. И неважно, что власть принадлежит захватчикам, а законы жестоки, аморальны и писаны далёко не для всех. Дом, семья, дети, здесь ещё жить и вообще...

- Хорошо, добрый человек, - тихо отвечает Тот, Которого Ведут На Казнь, - пусть твоя жизнь будет ... ДОЛГОЙ.

- Эй, ты, хватит отдыхать, заснёшь ещё. Бери свою деревяшку и тащи дальше. Живее! - раздражённо кричит десятник. Стражники с ухмылками наблюдают, как приговорённый к смерти трудно поднимает крест, удобнее устраивает на спине. Не сочувствуют. Жарко, скучно и противно, а ещё возле креста стоять на самом солнцепёке.

Восшествие на Гору продолжилось...

Хозяин дома сердито смотрит на пятна от кровавого пота, что остались на пороге, неодобрительно качает головой - непорядок!

Он жил долго, этот человек, что не дал воды тому, Которого Вели На Казнь. С того памятного дня его здоровье резко улучшилось. Если раньше выглядел на свои пятьдесят, то теперь внешность волшебно преобразилась: разгладились морщины на продолговатом лице, впалые щёки красит румянец, они пополнели и слегка подрагивают при ходьбе. Глаза цвета чёрной вишни стали блестеть, притупившееся было зрение обострилось, как в молодости. Даже крючковатый нос вроде выровнялся и более не напоминал клюв попугая. Выпрямилась согнутая годами унижений спина, развернулись плечи. Теперь, вставая с жёсткой лежанки по утрам, уже не кряхтел, разгибая поясницу, белые искорки не бегали в глазах от усилий. Рывком отбрасывал тонкое покрывало, поднимался, как гвардеец по тревоге, быстро и сноровисто одевался, не делая ни одного лишнего движения, жилистое, мускулистое тело требовало тяжёлой работы, иначе разорвётся от распирающей изнутри энергии. Перестал болеть, даже обычная простуда с насморком обходила стороной.

Случайные ожоги и порезы были безболезненны, заживали быстро. По стране волнами прокатывались эпидемии чумы, холеры, люди умирали тысячами, целыми городами, а ему всё нипочём. Скончалась жена, умерли дети и внуки, а он всё жил и смерть обходила его десятой дорогой. Люди стали сторониться, прозвали Вечным. От него отворачивались всё, даже боялись подойти близко! Вынужден покинуть сначала родной город, а потом и страну, скитаться по свету, нигде не находя приюта.

Теперь просто бродит по дорогам, зная, что не умрёт с голоду, не погибнет под ножами разбойников и дикие звери не тронут. Он давно уже догадался, кто подарил бессмертие – тот, с терновым венком, которому отказал в глотке воды.

А как чудесно было вначале! Всегда, в любое время ты бодр, силён, полон энергии. Тебе любое дело по плечу, ты можешь сутками не отдыхать, работать, не покладая рук! Дела быстро идут в гору. Оккупационная власть не забыла, по достоинству оценила смелый поступок - назначила на ответственную должность в префектуре. Появились деньги, полезные связи, влиятельные люди ищут теперь знакомства с ним. Помимо хорошего оклада должность позволяет получать и побочный доход. Взятки, подарки текут весенними ручьями со всех сторон. Он что-то там распределял или разрешал, сейчас уже не вспомнить. И вот странность, захватчики стремились к порядку, законности, бескомпромиссно боролись с коррупцией, казнокрадством, но никто не обвинял его. Вокруг снимали с должностей, сажали и казнили, а ему хоть бы что! Берёт, а предлагают ещё больше. Отказывается - жутко обижаются, просят прощения, чуть не в ногах валяются. Умоляют взять и разрешить что-то там. Или выдать.

Всё окружающие считают его порядочным, честным и принципиальным, завидуют. Женщины просто без ума от такого мужчины, но он - ни-ни - только жена.

И дома хорошо. Рядом всегда любящая женщина, прекрасные послушные дети, всё умненькие, подающие большие надежды в будущем. Дом, как полная чаша. Родителей не забыл, построил для них настоящие хоромы, стал понемногу строиться и сам - семья-то растёт, любимая каждый год рожает!

Так прошло много долгих лёт, счастливых, радостных.

Постарели и умерли родители. Горевал, долго не мог прийти в себя, но постепенно жизнь взяла своё, горе стихло. Снова пошли заботы о семье, дети подрастают, их надо вывести в люди, а это хлопотно, сложно.

Прошли годы, слегла жена. Она уже не была такой красивой, как раньше, годы забрали молодость и красоту, а теперь отняли и

здоровье. Забросил всё дела, ушёл со службы и стал ухаживать за любимой. Нанял лучших врачей, покупал самые дорогие заграничные лекарства, но ни что не помогало - жена медленно угасала. Потом она умерла. Тихо отошла, когда заря только подрумянила облака.

Молча сидел возле мёртвой жёны, качаясь, словно маятник и слёзы беспрерывно лились из затуманенных глаз. Кричать и плакать не мог, лицо одеревенело, он его не чувствовал, лица. Утром его так и нашли дети, качающимся и залитым слезами.

Не помнил, как прошли похороны, что было потом. Только смутно вспоминал, как кто-то тащил от могилы, а он вырывался, что-то кричал, падал на колени, полз, а его поднимали и несли куда-то...

Словно вода в мутном ручье прошло неизвестное время. Очнулся, побрёл по дому. Увидел радостные, встревоженные лица детей, внуков - как много их! - на душе стало легче. Прошёл день, другой, третий... Вокруг родные лица, внуки теребят деда, что-то требуют и кричат - жизнь продолжается! Горе затихает, переходит в светлую грусть. Снова неторопливо текут годы. Он всё также трудится на благо семьи, но уже дома, на работу возвращаться не хочет. Дети всё время заняты, на кого оставить внуков? Да на него, конечно, на дедушку, на кого ж ещё-то? Целыми днями возится с внуками, не замечая времени, часто вспоминая жену. Но это уже воспоминания светлые, не горестные. От всего сердца хотел и надеялся, что она оттуда, с небес видит его с детьми и внуками и радуется.

Внезапно скоропостижно умирает старшая дочь от неведомой болезни. Разбитый горем, бросается на мужа с обвинениями в невнимательности, полном равнодушии к жене.

- Как ты мог не заметить, что твоя жена тяжело больна? - кричал, - где ты был всё это время, а? На работе? Да пропади она пропадом! Почему так произошло?

- Потому что она постарела, - тихо ответил зять.

Осёкся. Вдруг видит, что дочь выглядит такой же старой, как и её покойная мать. Умерла от старости, понял он. Не болезнь стала причиной смерти, а старость! Обыкновенная простуда лишь запустила механизм смерти.

Ужас медленно вползает в сердце. Вокруг стоят взрослые мужчины и женщины. Это внуки. А дети, что рядом испуганно прячутся за ними - это правнуки!

- Сколько же я живу? - растерянно спрашивает, ни к кому не обращаясь.

- Очень долго, папа, - отвечает старая женщина. Узнаёт - жена старшего сына. Помнит молодой, очень красивой, с длинной

чёрной косой до пола, жгучими глазами цвета коры ливанского кедра. Сейчас перёд ним древняя старуха. Седина растрёпана, голова мелко трясётся, руки дрожат.

- Очень долго, папа, - шамкая беззубым ртом, повторяет она.

Бросается прочь. Толпа детей и внуков торопливо расступается, словно он несётся верхом на лошади. Вбегает в комнату, к зеркалу. Из полированного круга смотрит продолговатое лицо. Его лицо! Немного морщин, складки у рта, лоб гладкий. Тёмные, с лёгкой проседью волосы растрепались от бега, машинально приглаживает. Вдруг ощерился, как сторожевой пёс на вора. Всё зубы на месте, всё тридцать два! Рука невольно задерживается на макушке - волосы хоть и с сединой, но густые, жёсткие, нет и намёка на лысину. А глаза? Яркие, никакой старческой мутности, просто сверкают, как бриллианты! Он прекрасно видит любую мелочь, зрение также остро, как в молодости.

Пятится от зеркала, падает в кресло. Впервые в жизни задумывается - а разве такое возможно? Вдруг вспомнил, что его друзья, одногодки, уже давно умерли. Раньше считал, что это от болезней, вызванных неправильным образом жизни, вином, азартными играми допоздна. Пусть так, это было, но всё равно, неужели он так живуч только потому, что не пьёт вина и не играет? Не может быть!

И впервые страшная догадка появляется в сознании - это Тот, С Крестом! Он пожелал ему долгой жизни. Ещё удивился тогда смутно, что это за дурак такой, желает долгой жизни тому, кто не дал воды. Помешанный, что ли? Его на кресте распяли, который сам и тащил. Вместе с ним двух разбойников. На базаре потом рассказывали, что солдатам надоело стоять на жаре под крестами, Этот, Что С Терновым Венком, всё никак не умирал. Ему почему-то не дали напиток забвения, от которого казнимый теряет сознание и быстро погибает. Забыли, наверно. Так солдат ударил Его копьём, но не в сердце, а в печень, что бы Тому, На Кресте, было ещё больнее. От боли Он и дух испустил. Потом вроде гроза была, дождь, ветер ураганный. Не помнил, потому что в подвал спустился вместе с женой. Двери заперли, чтобы дети случайно на улицу не выбежали, а сами в подвал спустились. Срочно надо было...

Так и уснул в мягком кресле. Открыл глаза рано утром. Странное тягостное чувство сдавливает грудь и никак не хочет отпускать. Морщась от боли, поднимается. Идёт по комнате, потирая грудь. Останавливается у окна. Прохладный воздух дует в лицо, приятно остужает щёки и лоб. Далёко внизу слышатся странные звякающие звуки, будто кто-то железными палочками

постукивает. Ложится грудью на подоконник, осторожно - третий этаж всё-таки! – выглядывает ...

По каменной мостовой бегут люди в невиданных железных доспехах: на головах глухие, похожие на вёдра, шлемы с прорезями для глаз, тело укрыто стальными пластинами. Даже сапоги железные. С плеч ниспадают грязные белые плащи с громадными крестами. Остановившимся взглядом провожает бегущих. Опомнился только тогда, когда несколько крестоносцев вламываются в дверь дома напротив. Там живёт многочисленная семья среднего сына.

Вдруг не хватает воздуха. Беспомощно разевает рот, но не может ни вдохнуть, ни крикнуть. Горло давит невидимая петля. Широко открытыми глазами видит, как разлетается в щепки дверь, внутрь устремляются вооружённые люди, один за другим. Снизу раздаётся грохот, от которого дрожит весь дом. Это выламывают двери. Раздаются истошные вопли, с улицы тянет явным запахом гари.

Внезапно целый водопад криков, воплей о пощаде, шума обрушивается со всех сторон. Ещё раз выглядывает в окно. По всему городу вспыхивают пожары, столбы дыма поднимаются в безоблачное нёбо, растут, словно адские чёрные грибы. Сотни людей с крестами бегут по улицам, убивая всех подряд.

В город ворвалось войско крестоносцев. Раньше доходили смутные слухи, что глава римской католической церкви объявил крестовый поход против неверных. Цель - освободить гроб Господень. И войско рыцарей-крестоносцев уже вышло. Он только смеялся в ответ на слухи, какой гроб, ведь Тот, С Терновым Венком, вознёсся на нёбо на сороковой день после кончины. Так говорили, добавлял потом на всякий случай. Рассказывать, что тогда уже жил в этом городе, не хотел - вопросы начнут задавать, на которые у него нет ответа...

Шум и крики внизу возвестили, что крестоносцы ворвались в дом. Бросается вниз по лестнице. Увиденное ужасает. Солдаты рубят всех подряд, и старых и малых, женщинам вспарывают животы, роются во внутренностях умирающих, отыскивая проглоченные драгоценности. Удачливые уже тащат узлы с награбленным добром.

В отчаянии бросается на грабителей. Подбегает к рыцарю, что занёс руку с кинжалом над животом беременной правнучки, хватает за железный рукав. Рыцарь, не глядя, отмахивается, как от досадной помехи, ловко вспарывает вздутый живот. Деловито отодвигает в сторону плод, режет желудок, пальцы заученным движением выворачивают наизнанку, вытряхивают содержимое на пол. Ничего интересного. Рыцарь разочарованно плюет,

торопливо идёт прочь. Железная рука хватает ещё кого-то...

Внучка лежит в луже собственной крови. Кое-как пытается сгрести внутренности, кладёт обратно ещё живой плод. Внутренности скользят, выскальзывают из слабеющих пальцев, плод слабо шевелит ручками, ножками. Наконец, женщина замирает, голова падает на пол, глаза стекленеют. Нерождённый ребёнок ещё двигается.

От нестерпимого ужаса он кричит так, как никогда в жизни. Связки лопают, голос пропадает. Только хрип рвётся из глотки. Кое-как поднимается, ковыляет дальше.

Везде страшно разрубленные тела родных, детей и всюду кровь, кровь, много крови. Бросается на солдата. Тот отмахивается так же, как и рыцарь, не глядя, будто от надоедливой мухи. Кидается ещё раз, снова отшвыривают. Вдруг понимает, что его никто не видит! Эти люди, рыцари и кнехты, наёмные солдаты, не видят его, он для них не человек, пустое место! Никто не обращает на него внимания!

- Деда, деда, спаси меня! - раздаётся детский вопль за спиной. Крик обрывается.

Оборачивается. Прямо под ноги катится отрубленная голова праправнучки. Короткие чёрные волосики забавно трепыхаются, колышутся. Быстро набухают кровью, прилипают к голове. Поднимает глаза, видит спину уходящего кнехта с громадной двойной секирой в волосатой лапище. Кнехт небрежно отмахнулся от путающейся под ногами малышки. Секирой.

У него, которого за глаза звали Вечным, подламываются ноги. Падает на колени в кровавую лужу, брызги летят на стены, хватается за голову.

- Господи, что же это!!!

Смотрит вокруг безумными глазами. Только трупы и кровь. Двери выбиты, висят на одной петле или валяются на полу. Из комнат медленно выползает дым, чёрный, страшный и треск горящего дерева рвёт слух. Это огонь выдирается наружу. Вскакивает, словно внезапно что-то вспомнил, бросается прочь из дома мёртвых.

На улице почти сталкивается с рыцарями, что вздумали устроить поединок. Не поделили награбленное. Мгновение смотрит, как два железных гиганта остервенело рубят друг друга двуручными мечами. Из прорезей в шлемах доносится свистящее дыхание двух усталых людей, белые плащи красиво вздымаются к нёбу при каждом замахе и кресты колышутся, словно кровавые скрещённые змеи без голов и хвостов. Иногда мечи промахиваются в могучих замахах, лезвия задевают о камень, длинная очередь искр гаснет в солнечном свете.

Бросается на рыцаря, который только что промахнулся и теперь стоит в нелепой позе кланяющегося, пытаясь не упасть вслед за тяжёлым мечом. Второй решает воспользоваться удобным случаем. Быстро поднимает меч и уже готовится нанести смертельный удар. Толчок, железо глухо звенит, плечо простреливает короткой болью. Рыцарь валится на камни, как мешок с мелким железным хламом, коротко ругается.

Вечный поворачивает к тому, что занёс меч, поднимает взгляд. Зазубренное лезвие, чёрное от крови, уже несётся навстречу, осталось с ладонь ...

Чёрный меч падал с нёба, как сорвавшийся с обрыва камень. Вечный ждал короткой вспышки боли, хруста разрываемой плоти и тогда жизнь оставит его. Но меч разрубил воздух, в последний момент каким-то непостижимым образом уйдя в сторону от его головы.

Рыцарь матерно ругается, рука в ржавой от крови перчатке поднимает забрало.

- Благородный сэр Арнольд, перестаньте валять дурака, - доносится хриплый голос из шлема, - вы не настолько пьяны, что бы не устоять на ногах.

- Я не валяю дурака, я валяюсь сам, - ответил благородный сэр Арнольд, что безуспешно пытается подняться на ноги. Железные подошвы рыцарских сапог скользят по камням, рыцарь неловко падает стальной задницей обратно.

- Это просто чёрт знает что, сэр Арнольд, - с упрёком говорит стоящий на ногах, - недостойно рыцаря выходить на поединок пьяным. Я вынужден доложить о вашем возмутительном поведении рыцарскому совету.

- Ну и докладывай, чистюля, - бурчит благородный сэр снизу, - сам не пьёшь и другим не даёшь. Как можно в такую жару не пить, не понимаю?

Вечный ошеломлённо слушал пьяную ругань двух благородных убийц, не в силах осознать происходящее. Снова бросается на рыцаря, замахивается, намереваясь ударить по лицу, благо забрало поднято. Тогда уж точно зарубит.

Не сумел. Рыцарь машет рукой, словно отгоняя невидимых комаров, железная перчатка врезается в лицо, как падающее бревно. Вечного отбрасывает, дважды переворачивает в воздухе, швыряет на камни.

Никакой боли, только голова закружилась, встать не смог сразу. Пьяный сэр Арнольд, наконец, поднимается. Оба рыцаря уже успели забыть о поединке, вместе отправляются вперёд, туда, откуда слышны самые громкие и страшные крики.

Рыдая в голос, Вечный поднимается. Взгляд падает на

обломок ножа. Зазубренный кусок железа наполовину засыпан пылью. Хватает, как безумный, со всей силой бьёт в грудь. Не чувствует ни боли, ни удара. Лезвие скользит в ладони, падает. Даже не прорезало тонкую рубаху, одетую на голое тело. Разжимает пальцы. Следа от пореза нет, кожа без единой царапины.

Бросается в догорающий дом. Хватает пылающую головешку, с силой проводит по лицу - ничего. Огонь не жжёт. Просто чувствует тёплый воздух и всё. Бормоча ругательства, бежит прочь. Как сошедший с ума, хватал раскалённый камни, швырял, не чувствуя боли, резал шею брошенными мечами и ножами - ничего. Несколько раз натыкался на вражеских солдат. Те совершенно не обращали на него внимания, как будто не видели.

- Господи, что же это... Господи, что же это... - повторяет без конца, перебираясь через горящие развалины родного города. Везде кровь, трупы, вражеские солдаты, радостно согнутые под тяжестью награбленного. И никто, никто даже не глядит в его сторону!

... не помнил, как оказался на окраине. За спиной остался город, разрушенный и разграбленный, догорающий. Упал на жёсткую, сухую землю, зарыдал. Он кричал, бился головой о камень, колотил руками по земле и выл, как безумный.

Только что на его глазах убили близких, родных, всех тех, кого он любил. Искренне, до глубины души любил. Сожгли родной город, дом. Уничтожили всё, чём жил до сих пор, что составляло смысл всей жизни. А он жив и невредим. Полон сил, энергии, поэтому воет и кричит, катается по земле до ночи, совсем не уставая. И при этом всё чувствует, понимает, сознание ни на минуту не гаснет.

Бежит к воде, рядом есть небольшое озеро, он знал. Мчится, словно юноша, опаздывающий на свидание. Озеро встречает прохладным дуновением влажного воздуха, блестит отражение полной луны. Вбегает по пояс, разбрасывая во всё стороны тысячи брызг. Останавливается. Вода заливает до пояса, как и любого другого. Мелькает мысль - вот оно! Ещё несколько шагов и вода отнимет то, что опостылело и стало отвратительным - жизнь. Заторопился, изо всех сил раздвигая воду. Она поднимается выше, выше, выше...

Дикий крик разрывает ночную тишину. Кричит от ужаса и досады, потому что вода достигала только груди, а дальше непостижимым образом расходилась. Бредёт по грудь в воде, а вокруг головы пустота - вода раздвигается перёд ним и смыкается за спиной. Вода не принимает его...

Он ещё много раз пытался убить самого себя. Но что бы ни

делал, ничего не выходило. В воде не тонул, огонь не жёг, разбойники, убийцы не замечали его. Забирался на вершины самых высоких гор, каких только встречал, прыгал в пропасть в надежде, что уж летать-то он не может. Но воздух внезапно становился тугим, плотным, он не падал, а медленно продавливался сквозь него до дна пропасти и невидимые руки мягко укладывали на землю.

Перестал есть, пить. Но чувство голода легко исчезало, как только отказывался от еды, появлялось снова, когда начинал есть. Жажды тоже не чуял, когда нет воды. Его организму не нужно ничего.

Даже дикие звери обходили стороной, насекомые не кусали, не жалили ядовитые змеи.

Он без устали бродил по земле, пытаясь найти то, что убьёт его. Безуспешно.

Однажды присел на раскалённый камень посреди безводной жаркой пустыни. Не утомился, просто надоело идти. Вокруг никого, только ветер с шорохом перетирает песок, без конца перетаскивая песчаные горы по пустыне. Вечный - уже поверил, что стал вечным, задумался - для чего он живёт? Ну, вот, получил полное и абсолютное бессмертие и неуязвимость. И что? Зачем это одному? Стать великим и непобедимым воином? Он не воин, сугубо мирный человек и никогда не любил драться, тем более воевать. Он даже кур никогда не резал, поручал это кому ни будь. Что ещё? Стать правителем страны? Но этого не добиться, если не предавать и не убивать даже близких и родных людей, ведь кто-то из них когда-то сам захочет получить трон. Да и равнодушен он к власти, потому что всегда стремился уйти от ответственности. Даже от должности городского собаколова отказался.

Много и беспрерывно трудиться, скопить огромные деньги и стать самым богатым? Но зачем сокровища, если ты одинок, если всё близкие и родные умерли или скоро умрут. Для чего дворец, если в нём некого поселить, а сам ты займёшь в нём крохотный уголок, даже если раскинешь ноги и руки. Зачем всё золото мира человеку, которому не надо есть, пить, одеваться. Он может не спать годами, никогда не устает, одинаково хорошо чувствует себя среди зимних холодов и в жаркой пустыни.

Вечный поумнел от долгой жизни, мыслил ясно и давно понял, что надоедает всё, даже бесконечное путешествие по женским постелям, о чём мечтают всё простолюдины, молодые и не очень. Вдобавок был однолюбом и до сих пор любил свою жену, что давно умерла. Ушли в мир иной и их дети, внуки и правнуки. Умерли всё, кого любил и для кого жил. Так зачем жить дальше, а? Мир что ли перестраивать, делать его лучше? Да

на чёрта мне этот мир, если в нём ни осталось никого из тех, кого я любил!

Нет, он пытался устроить свою жизнь заново. Искал других женщин, добрых и ласковых, которые рожали ему детей, он искренне любил их, во всяком случае, детей точно любил, но и они умирали одни за другими. От болезней, что привезли с собой европейские рыцари, которые не мылись годами; ну не принято было в Европе мыться! Другие оставляли родительский дом, навсегда пропадали в далёких землях. А остальные умирали от неведомой ему старости…

Он устал любить и терять, любить и терять без конца.

Над землёй проносятся войны, народы рождаются и умирают под натиском варваров, которые тоже исчезают под мечами новых завоевателей. Вера в Того, Кому Отказал В Глотке Воды, охватила половину мира. А Вечный так и сидит на камне посреди великой пустыни. Ему это не трудно. Но невыносимо тяжко ждать, когда пройдёт вечность, погаснет солнце и превратится в чёрного карлика. Тогда планеты упадут в одну точку, вселённая сожмётся в бесконечно малую величину пространства. И наступит Конец Света. Может быть, тогда дарованная долгая жизнь отпустит»?

- Да, похоже на правду, - с трудом выговорил Александр, потрясённый рассказом.

- Правда и есть, - грустно ответил отец Анатолий. - Даже самая короткая жизнь состоит из потерь, никуда от этого не уйти. А если жизнь вечна? В глазах почернеет от горя.

Раздался плеск воды, стук вёсел в уключинах, хруст прибрежного песка. Пять или шесть, а может и больше, Александр не понял, больших лодок, битком набитых людьми с оружием, одновременно ткнулись носами в берёг. Бородатые мужики в шлемах и кольчугах, с шумом и воинственными криками, потрясая топорами, вывалились на мелководье. Топая, словно стадо буйволов, бегут наверх. Останавливаются в пяти шагах. Слышится тяжёлое дыхание, сопение, в свежем воздухе пахнет ядрёным потом. Вперёд выходит здоровенный мужик с громадной булавой; кузнец, вроде? – подумал Александр, но припомнить не смог – густым басом произносит:

- Вот, прибыли оказать помощь в изничтожении нечистой силы.

Священник живо встает, с искренней благодарностью в голосе отвечает:

- Спасибо, но нечисти в пещере больше не осталось. Мы справились.

Кузнец внимательно посмотрел на изуродованные доспехи Александра, пригодные теперь только на перековку в горшки, на

порванную кольчугу священника и клочья рясы, с уважением басит:

- Да, вижу, что нелегко далась победа.

Смущённо топчется, не зная, что сказать ещё. В эту минуту из толпы раздаётся чей-то тонкий голос:

- Ты за яму скажи, за яму!

- Чо! – оборачивается кузнец, - а-а, да! Это вот … девки в лес давеча ходили, говорят, видели в канавиной яме избушку на курьих ножках, а в избушке старуха живёт. Сказывают, как увидала, так глаза выпучила, зафыркала, бросилась на них, на девок-то, хотела пымать и съесть! Надо бы тово, светлый князь, прибить гадину.

Священник внимательно смотрит на Александра.

- Ну вот, обыкновенный овраг уже Канавиной Ямой называют, - смеётся тот.

- И там поселилась новая дрянь, - кивает отец Анатолий, - надо прогнать, пока сил не набралась. Вот так, князь.

- Такого повеления от Владимира не было, рано меня так называть, - без улыбки отвечает Александр.

- Это дело ближайшего времени. А люди тебя уже признали. Ну что, идём сейчас или маленько погодя?

- Да чего кота за хвост тянуть, отправляемся немедля.